

К 7н. 96 : 81

С 48

К-43813

Словесность в школе

Сәмахләхә шкулта вёрентесси

Чебоксары - 1998

Judge

Писемлĕ

© 48

Николай Васильевича

сак кĕнекене катĕрлеветкен

1998, Су, 29.

В. Мухоморов

Министерство образования Чувашской
Республики

Научно-методический центр
Чувашского республиканского института
образования

РР

Словесность в школе

Сăмахлăха шкулта вĕрентесси

Чебоксары - 1998

ДАРССТВЕННИЙ ФОНД

Сборник посвящен 70-летию выдающегося чувашского языковеда и педагога, действительного члена Национальной академии наук и искусств Чувашской Республики, заслуженного деятеля науки ЧР, профессора Андреева Ивана Андреевича

Печатается по решению Ученого совета Чувашского
республиканского института
образования

Составитель:

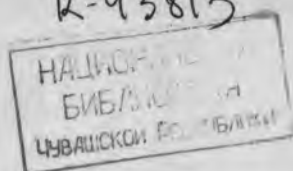
В. Н. Пушкин, канд. пед. наук, доцент

Редакционная коллегия:

М. И. Скворцов, доктор филол. наук,
профессор (отв. редактор); **Л. П. Сергеев**,
доктор филол. наук, профессор;

В. Н. Пушкин, кандидат пед. наук, доцент;

О. Г. Кульев, ст. научный сотрудник
ЧРИО.

Ю. М. Виноградов,
заведующий кафедрой
Чувашского РИО

Слово об учителе

15 мая 1998 года исполнилось 70 лет известному чувашскому лингвисту и педагогу, автору многочисленных научных трудов, учебников и пособий для средней и высшей школы профессору Андрееву Ивану Андреевичу.

И. А. Андреев родился в деревне Ходяково Аликовского района Чувашской Республики в бедной крестьянской семье. После окончания семилетки он поступает в Калининское педагогическое училище. Здесь Иван Андреев получает полное удовлетворение от занятий и приобретаемых на них знаний. Однако в связи с ухудшением жизненных условий в годы войны семье Андреевых становится невозможным обеспечить дальнейшее обучение сына, и Иван возвращается домой. Тем не менее, преподаватели не забывают подающего большие надежды воспитанника. Весной 1944 года Иван Андреев получает приглашение возобновить учебу. Благодаря способностям и привычке упорно трудиться юноша успешно сдает курсовые экзамены. Директор училища В. Т. Харитонов предлагает Андрееву работу с тем, чтобы он как-то мог заработать себе на пропитание. В том году Иван вместе со студентами целое лето трудится на принадлежащем училищу участке.

Вскоре Андреев появляется в Чувашском педагогическом институте. Видимо, судьбой ему было предначертано снова встретиться с В. Т. Харитоновым, незадолго до этого назначенным на должность ректора института. Харитонов помогает своему воспитаннику в выборе будущей специальности. Иван Андреев становится студентом отделения русской филологии. Один из первых экзаменов принимал литературовед Н. С. Павлов. Экзаменатор понял, что перед ним способный юноша, и порекомендовал ему перейти на отделение чувашской филологии. Это одобрил также известный чувашский ученый профессор М. Я. Сироткин.

По окончании в 1950 году института Андреев получает направление в аспирантуру. Его реферат по психологии был

высоко оценен столичными учеными. К сожалению, приглашение из Москвы застряло где-то в Чебоксарах и не дошло до адресата, который в это время работал в Ядринском педагогическом училище. После Ядрина И. А. Андреев преподает в Цивильском педучилище и Канашском учительском институте, но не оставляет желания продолжить образование. В 1951-54 годах И. А. Андреев заочно обучается на отделении русского языка и литературы пединститута. Здесь в 1953 году его принимают в аспирантуру на кафедру чувашского языка и литературы. Научным руководителем назначается известный ученый-тюрколог, профессор В. Г. Егоров. После аспирантуры Ивана Андреевича оставляют работать на кафедре, а в 1957 году приглашают на должность заведующего сектором чувашского языка Научно-исследовательского института языка, литературы, истории и экономики при Совете Министров Чувашской АССР (ныне — Чувашский государственный институт гуманитарных наук).

С 1970 года жизнь и деятельность И. А. Андреева связана с Чувашским государственным университетом имени И. Н. Ульянова. Вначале он занимает должность доцента, затем — профессора кафедры русского языка. Вскоре И. А. Андреев переходит на кафедру чувашского языка и литературы и возглавляет секцию языковедения. В 1975 году было разрешено открыть кафедру чувашского языкознания. С этого времени и по сей день И. А. Андреев руководит ею. В 1983-90 годах Иван Андреевич работал деканом историко-филологического факультета.

Общепризнано, что И. А. Андреев внес весомый вклад не только в чувашское языкознание, но и в тюркологию в целом. Имея в виду это, выходец из чувашской диаспоры профессор-славист А. Н. Тихонов однажды сказал так: «Иван Андреевич — ученый высочайшего уровня. Он прекрасно знает, на какой полке располагается тот или иной элемент языка, если представить язык как набор разнообразных инструментов». Труды И. А. Андреева интересуются, ими пользуются не только деятели науки, но и студенты, учителя, руководители школ. Иван Андреевич всегда исследует родной язык, пишет свои труды исходя из практических задач преподавания чувашского языка школьникам и студентам. Именно поэтому профессору Андрееву было оказано большое доверие —

подготовить проект республиканского образовательного стандарта по чувашскому языку (“Народная школа”, 1996, №№ 1-2).

Как ученый-чувашевед И. А. Андреев главным образом изучает синтаксис, морфологию, словообразование, орфографию и пунктуацию чувашского языка. Этой тематике им посвящено более 200 работ — в этом списке есть монографии, статьи, учебники, учебные пособия, словари и т. п. Первым крупным исследованием ученого является монография “Причастие в чувашском языке” (1961). В ней рассматривается один из сложнейших вопросов тюркологии — разграничение простых и сложных предложений. Вопреки сложившейся в тюркологии теории, автор поддерживает учение Н. К. Дмитриева о том, что придаточными предложениями следует считать те конструкции, которые имеют свое подлежащее, предлагает отказаться от терминов *развернутый член*, *составное сказуемое*. Один из ведущих тюркологов профессор Н. А. Баскаков отнес книгу чувашского ученого к наиболее успешным исследованиям, посвященным причастиям в тюркских языках (Рец. на кн.: Андреев И. А. Причастие в чувашском языке. Чебоксары, 1961 // Учен. зап. ЧНИИ. Чебоксары, 1962. Вып. 21. С. 306-309). В ходе обсуждения этой работы в Москве профессор А. А. Юлдашев рекомендовал И. А. Андрееву представить монографию на защиту в качестве докторской диссертации. Тем не менее Иван Андреевич не принимает это предложение и после успешной защиты (1962 г.) становится кандидатом филологических наук. Мысли, высказанные им тогда относительно сложного предложения, получили дальнейшее развитие во второй части труда “Вопросы чувашского синтаксиса” (1975). В этом исследовании впервые в тюркологии рассмотрены концептуальные проблемы сложного предложения. Как утверждает чувашский ученый, сложное предложение структурно должно состоять из двух или более простых предложений, которые не имеют части признаков самостоятельно функционирующих предложений. Совокупность слов можно считать сложным предложением по следующим признакам: 1) если в данном единстве есть несколько модальных форм, не являющихся однородными членами; 2) если есть два или несколько единств, имеющих слова, связанные между собой как подлежащее и сказуемое; 3) если есть слова и словосочетания,

не связанные с предикативным элементом предложения. Основным конститутивным признаком предложения является второй из указанных. Вместе с тем необходимо отличать сложное предложение от линейной последовательности нескольких самостоятельных и серии однородных предложений. Сложное предложение от других связей предложений отличается тем, что оно по смыслу всегда делится на две части. По наличию или отсутствию специально выраженных средств связи этих частей сложные предложения делятся на две группы: 1) сложные предложения без формального показателя связи, 2) сложные предложения с формальным показателем связи. Термин *бессоюзное сложное предложение* в отношении чувашского языка неприемлем, так как в нашем языке части сложного предложения связываются не только союзами и союзными словами, но и послелогоми, аффиксами и порядком расположения. Кстати, автор утверждает, что сложноподчиненные предложения с относительной связью (с союзными словами) выделяем только по традиции. На самом деле связь осуществляется с помощью интонации, как в сложных предложениях без формального показателя связи.

В 1970 году И. А. Андреев защитил диссертацию на соискание ученой степени доктора филологических наук по теме "Структура простого предложения современного чувашского языка". Эту работу академик А. Н. Кононов назвал пионерским исследованием, имея в виду то, что в ней впервые в тюркологии освещено коммуникативное строение простого предложения, а интерпретация его грамматической структуры произведена на основе принципа синтагматики. Многие вопросы, поднятые в докторской диссертации И. А. Андреева, нашли подробное освещение в первой части монографии "Вопросы чувашского синтаксиса" (1973), некоторые раскрыты во второй части этой книги и многочисленных статьях. Как пишет автор, предложение является одним из видов синтагм, основной единицей синтаксиса. Словосочетание, как и слово, выражает понятие, а предложение служит для передачи мысли. Словосочетание всегда двухкомпонентно, предложение может быть и однокомпонентным. Предложение невозможно без качества, называемого предикативностью, а словосочетание им не обладает. По сравнению с русским языком в чувашском языке имеют большое распространение глагольные предложения: *Добрый день! — Ырă*

кун пултӑр! Успехов Вам! — Ӑнӑсу пултӑр Сире! Мысль состоит из двух частей, называемых в логике субъектом и предикатом. В предложении из них могут реализоваться обе или одна. Порядок слов в чувашском языке служит для выражения коммуникативной (смысловой) структуры, основные элементы которой называются темой и ремой предложения, выделения смыслового ядра высказывания и для грамматической связи слов и словосочетаний. Предложения, в которых тема предшествует реме, характеризуются прогрессивным порядком слов, а в случаях, когда рема предшествует теме, порядок слов принято считать регрессивным. Прогрессивный словоупотребление имеет два вида. Один из них называется обычным, при нем сказуемое располагается в конце предложения: *Ӑшӑ ҫил питрен ачашлать*. При втором виде сказуемое со своего обычного места перемещается влево: *Сереза пӑрре те лӑпкӑ лараймарӑ паян урока*. Второй вид, по мнению И. А. Андреева, следует обозначать термином *инверсия*. В связи с тем, что ядро ремы в чувашском языке выделяется порядком слов (расположением непосредственно перед сказуемым), чувашская речь отличается ровной интонацией. Интонация как средство выделения ядра ремы требуется тогда, когда в предложении используются специальные слова, частицы и т. п., которые могут создавать противовес порядку слов: *Аптраса ҫитнӑ ҫыншӑн хир варринчи тунката та Турӑ пулас пек туйӑнать*. Как при прогрессивном, так и при регрессивном порядке слов голос на реме несколько усиливается и повышается в тоне. Характер интонации на теме зависит от порядка слов: при прогрессии голос постепенно повышается (явление окситонии), а при регрессии — понижается (баритония). Как при прогрессии, так и при регрессии между темой и ремой возникает пауза, но ее нужно отличать от пауз, образующихся между речевыми тактами.

Разбор по членам предложения не способствует правильному пониманию его грамматического строя — он не позволяет видеть, как связаны на самом деле слова, разрушает истинный смысл сказанного. Подлежащее и сказуемое мы выделяем только по традиции. В рамках привычных понятий главным членом предложения фактически является сказуемое, так как оно, во-первых, все слова группирует вокруг себя, во-вторых, своей формой осуществляет предикацию. Выделение второстепенных членов необходимо проводить по единому

критерию — в зависимости от того, какой части речи подчиняется слово. Согласно этому в чувашском языке следует выделять два второстепенных члена — определение и дополнение. Определением следует считать слово, подчиненное существительному, а дополнением — слово, зависимое от других частей речи.

Поскольку выработанные до сих пор критерии весьма расплывчаты, в чувашском языке возникают трудности в разграничении предложений по цели высказывания. Поэтому И. А. Андреев предлагает учитывать только один признак — наличие или отсутствие особых средств выражения вопроса. В соответствии с этим предложения в чувашском языке делятся на две группы: вопросительные и невопросительные. Обе разновидности могут быть модалными и немодальными.

В чувашском языке особые средства применяются лишь для выражения отрицания. Утверждение обозначается отсутствием отрицания. Средства отрицания в чувашском предложении располагаются в составе сказуемого или в непосредственном соседстве с ним.

И. А. Андреев исследовал также словосочетания в чувашском языке (Структура именных синтагм в чувашском языке // Филология: Учен. зап. ЧНИИ. Чебоксары, 1969. Вып. 39. С. 78-105). Некоторые мысли по этому вопросу высказаны в книге “Вопросы чувашского синтаксиса”. Автор раскрывает существо понятия “синтагма”. Словосочетание как вид синтагмы состоит из двух расположенных рядом и связанных подчинительной связью компонентов. В зависимости от того, какой частью речи является главный компонент, различают синтагмы именные и глагольные. Именные синтагмы, о которых идет речь в указанной выше статье, могут быть, как и другие синтагмы, простыми и сложными. В простых синтагмах соединены два знаменательных слова, а в сложных — три и более. Именные синтагмы в зависимости от состава компонентов делятся на три типа: 1) синтагмы, в которых главный компонент выражен одним словом, а зависимый — двумя или более словами (*кайăк юрриллĕ / вăрман*); 2) синтагмы, в которых главный компонент состоит из нескольких слов, а зависимый из одного слова (*çавра / çăка сĕтел*); 3) синтагмы, в которых оба компонента состоят из двух или более слов (*сылтăм енчи / çамрăк вăрман*). В составе словосочетаний могут быть как нарицательные, так и собственные имена. В

простых синтагмах, как правило, собственное имя является определяющим компонентом: *Николаев космонавт* “космонавт Николаев”. Они более привычны нашему сознанию. Как исключение встречаются словосочетания типа *кўршĕ Хĕлип* “сосед Филипп”, *купăсă Павăл* “гармонист Павел”. Что касается сложных синтагм, то более привычными являются словосочетания типа *кўршĕ хĕрĕ Кулине* “дочь соседа Акулина”. Попадая в более крупную глагольную синтагму, именные синтагмы с собственным именем в главном компоненте, будучи неустойчивыми, как правило, распадаются.

Интонация словосочетания в корне отличается от интонации предложения. Если в предложении зависимая по смыслу часть (рема) произносится с повышением и усилением голоса, то в словосочетании наблюдается противоположное явление: хотя порядок слов здесь регрессивный (зависимый компонент стоит впереди главного), интонация окситональная — как при прогрессивной последовательности слов в предложении. Это И. А. Андреев объясняет тем, что в чувашском языке наблюдается тенденция сжатия синтагм, согласно которой пауза между компонентами либо сильно сокращается, либо исчезает вовсе. В результате словосочетание как бы приобретает единое фонетическое ударение. Вместе с тем это сопровождается утратой смыслового содержания компонентов словосочетания, и синтагма по значению начинает приближаться к слову. Тем не менее язык позволяет произносить словосочетание и в баритональном ритме. Вот в чем заключается причина разного восприятия одного и того же словосочетания: одни считают его словосочетанием, а другие — словом. Причем отмечается такая закономерность: степень слияния тем выше, чем короче компоненты синтагм. Например, компоненты словосочетания *хĕр ача* “девочка” в интонационном отношении связаны сильнее, чем в синтагме *ывăл ача* “мальчик”, так как зависимые компоненты не равны по линейной длительности: *хĕр* — односложное слово и состоит из трех фонем, а *ывăл* — двусложное слово и состоит из четырех фонем. Хотя словосочетания *шурă хурăн* и *шур хурăн* “белая береза” одинаковы по значению, тем не менее зависимые компоненты являются фонетическими вариантами одного и того же слова *шур(ă)*. Краткий вариант притягивается к слову *хурăн* с большей силой, чем полный. Синтагмы *хура сĕл* “смерч”, *хура тул* “гречиха”, *хура тăхлан* “свинец” отличаются длительностью

главных компонентов, поэтому степень сжатия слов в первых двух выше, чем в последней. Наличие формальных средств связи уменьшает степень сжатия компонентов синтагм. Ср.: *сур аки* — *сурхи ака* “весенняя пахота”, *кёр тырри* — *кёрхи тырă* “озимые хлеба”. Это же наблюдается при появлении между компонентами частиц: *лутраях та шёшкё*, *сарă майăр*, *пёчкёсё те лаша*, *турă лаша*. Указанные закономерности, по свидетельству И. А. Андреева, проявляются и в глагольных синтагмах: *хапăл ту* “проявлять гостеприимство”, *чуп ту* “целовать”, *ас ту* “запоминать”, *ас та туман* “и не вспомнил”, *алă пар* — *ал пар* “обмениваться рукопожатием”, *ал та ан пар* “даже рук не пожать”. Таким образом, из учения И. А. Андреева о структуре синтагм следует вывод о том, что словосочетание в чувашском языке, несмотря на различную степень сжатия компонентов, существует как синтаксическая конструкция и ее статус как таковой следует сохранять и на письме.

Как знатока грамматики чувашского языка автора школьных программ и учебников И. А. Андреева волнует состояние чувашской орфографии и пунктуации. Основной целью ученого является снятие противоречий и разумное упрощение письма. По вопросам орфографии и пунктуации Иван Андреевич написал множество статей и книг (О новых правилах чувашской орфографии. Чебоксары: Чувашск. кн. изд-во, 1963, с. 39; Орфография чувашского языка // Орфография тюркских литературных языков СССР. М.: “Наука”, 1973. С. 270-284; Чувашская орфография: проблемы и решения // Известия НАНИ ЧР. Чебоксары, 1996, № 2. С. 126-138; Чувашская пунктуация: Учебное пособие / Чувашск. ун-т. Чебоксары, 1989, с. 92; Чувашская пунктуация: прошлое, настоящее, будущее. Чебоксары: Чувашск. кн. изд-во, 1990, с. 143; Пунктуация нужна не для теории, а для ясности мысли в тексте // “Народная школа”, 1995, № 1. С. 86-92 и др.). В качестве члена и председателя Орфографической комиссии Чувашской Республики ученый участвовал в двух дискуссиях (1956-61, 1987-90 гг.). В первой дискуссии И. А. Андреев предложил пути перехода от двусистемной, усложненной орфографии к односистемной, а также единообразного написания основ заимствованных слов, был инициатором введения отдельного написания словосочетаний. Во время второй дискуссии удалось скорректировать некоторые правила чувашской орфографии,

принять правила пунктуации, способствующие более точной передаче мысли. В частности, И. А. Андреевым предложено правило, согласно которому словосочетание, независимо от значения, в основном следует писать раздельно. Поскольку часть носителей чувашского языка словосочетание воспринимает как слово, допускается слитное написание тех синтагм, которые так писались доньше. Одним из новшеств, введенных в чувашскую пунктуацию, является обособление слов по семантическому (смысловому) принципу. Например, в предложении *Асан та сичёмён талхърса, сёр валецессе хирёс тӓрӓссё нумай ятлӓ хресченсем* запятая ставится для того, чтобы показать на связь слов *асан та сичёмён талхърса* со словами *сёр валецессе хирёс тӓрӓссё нумай ятлӓ хресченсем*. Связь слов *асан та сичёмён талхърса* со словами *сёр валецессе* выражается отсутствием запятой. Редактором последних правил (Чувашская орфография и пунктуация: Свод орфографических и пунктуационных правил / ЧНИИ. Чебоксары: Чувашск. кн. изд-во, 1992, с. 80) является И. А. Андреев. Он же автор пунктуационных, соавтор орфографических правил.

Заслуживают внимания работы, посвященные разграничению словообразования и формообразования и толкованию понятия конверсии (К вопросу о выделении категории относительных прилагательных в тюркских языках // Вопросы чувашской литературы и языка: Учен. зап. ЧНИИ. Чебоксары, 1966. Вып. 39. С. 90-103; К вопросу о выделении частей речи в тюркских языках в свете теории о первичной и вторичной синтаксических функциях // Филология: Учен. зап. ЧНИИ. Чебоксары, 1970. Вып. 46. С. 179-195). Как утверждает автор, употребление одной части речи в роли другой *шурӓ ўт* “белая кожа” — *ўт шурри* “белизна кожи”, *ӓшӓ кӓмӓл* “добрая душа” — *чун ӓшши* “душевная теплота” связано с тем, что “значение тюркского слова во многих случаях гораздо шире: оно указывает не столько на конкретное понятие, сколько на понятийную область”. Значение тюркского слова, в отличие от русского, больше зависит от контекста. В этом отмечается характерная для тюркских языков тенденция к кодовой экономии (Типы языковой экономии и их взаимодействие в структуре чувашского языка // Гуманитарные науки. Вып. 1: Известия АН ЧР. Чебоксары, 1993. № 1. С. 37-50). Функционирование одной части речи в позиции другой, по мнению ученого, следует рассматривать

не в плане словообразования, а в грамматике. Как утверждает Иван Андреевич, языковая экономия в разных языках выражается по-разному, но их специфика не является основанием говорить о несовершенстве (бедности) или превосходстве (богатстве) того или иного языка. Характерная для чувашского языка кодовая экономия ведет к расширению текста. В то же время язык борется с этим нежелательным явлением. Сокращению текста в чувашском языке служат отсутствие классифицирующих и согласовательных категорий, широкое использование словопорядка для связи слов и предложений, выравнивание парадигм по аналогии и сокращение длины слова. Уменьшение длины слова, к сожалению, противоречит агглютинативному характеру чувашского языка, ослабляя целостность морфем в слове.

Развитие литературного языка, школьного образования невозможно без словарей. Понимая это, И. А. Андреев принимал и принимает активное участие в решении научных и практических вопросов чувашской лексикографии. Он — один из редакторов и составителей наиболее полного “Русско-чувашского словаря” (1971), “Чувашско-русского словаря” (1982, 1985). По инициативе и под руководством И. А. Андреева также издан “Чувашско-русский словарь” 1961 года. Много сил вложил ученый в создание и пополнение генеральной словарной картотеки в научно-исследовательском институте (ныне — институт гуманитарных наук).

Профессор И. А. Андреев в течение всей своей научной деятельности принимает активное участие в пополнении и совершенствовании чувашской терминологии. В частности, им написана статья “Чѣлхе терминѣсен аталану сѣл-йѣрѣ” (Чăваш терминологийĕн ыйтăвĕсем: Тĕпчев ёсĕсем / ЧНИИ. Шупашкар, 1979. 88 кăл. 110-137 с.). Под руководством И. А. Андреева в 1985 году кафедра чувашского языкознания университета выпустила серию чувашско-русских словарей лингвистических терминов. Им лично подготовлено пособие, посвященное терминам синтаксиса, там же есть статья о становлении синтаксической терминологии в чувашском языкознании.

Широта интересов ученого видна и из его участия в изучении личных имен. В 1983 году издана его книга о чувашских антропонимах “Сын ячĕсем”. Им же написаны разделы для сборников “Личные имена народов РСФСР” и “Личные имена

народов СССР”.

В конце 60-х годов И. А. Андреев впервые в чувашеведении организовал социологическое исследование чувашского языка с целью выявления функций родного и русского языков в среде сельского населения республики. Результаты этого исследования обобщены в статье “О размерах распространения двуязычия среди сельского населения Чувашской АССР” (Филология: Учен. зап. ЧНИИ. Чебоксары, 1970. Вып. 46. С. 3-19), получившей высокую оценку в отечественном языкознании. Иван Андреевич является также организатором и участником многих диалектологических исследований.

В 1991-94 годах И. А. Андреев возглавлял специально созданную при верховном органе власти республики комиссию, которая подготовила проекты закона о языках в Чувашской Республике (1990) и государственной программы по его реализации.

Школа, учебно-методический комплекс по чувашскому языку — предмет неустанных забот И. А. Андреева. Им подготовлены и изданы программы по чувашскому языку для У-ХІ классов чувашских школ (1996), У-ІХ классов (1996) и І-ІУ классов русскоязычных школ (1997), составлена программа практического курса чувашского языка для неязыковых вузов, техникумов и профессионально-технических училищ (1992). С 1978 года издается учебник чувашского языка (синтаксис) для УІІ-УІІІ (УІІІ-ІХ) классов чувашских школ. Для взрослых, не владеющих чувашским языком, выпущен “Учебник чувашского языка для русских” (1992, 1996). Авторский коллектив под руководством И. А. Андреева в 1995 году выпустил учебник “Чăваш сăмахĕ” для У класса русской школы. Подготовлены и сданы в производство учебник чувашского языка для УІ класса и методическое пособие по работе с учебником для У класса.

Профессор И. А. Андреев постоянно заботится о подготовке научных и учительских кадров. По его предложению с 1992 года в Чувашском государственном университете ведется подготовка учителей чувашского языка для русских школ. Многие известные чувашеведы обязаны своим становлением и научным ростом профессору И. А. Андрееву. Только аспирантов, защитивших кандидатские диссертации, насчитывается более десяти. Многие из его учеников стали докторами наук.

И. А. Андреев пользуется большим авторитетом среди

тюркологов России и всего мира. Его статьи помещены во многих авторитетных в научном мире изданиях, таких как “Языки народов СССР”, “Языки народов мира” и др. Об авторитете ученого говорит и то, что его избирают в состав научных комитетов и советов высших уровней.

И. А. Андреев был президентом-организатором Национальной академии наук и искусств Чувашской Республики, он — ее действительный член. Он был членом Советского комитета тюркологов при АН СССР (1972-1989), чл ном Головного совета по филологии при Министерстве высшего образования Российской Федерации (1971-1991), является членом научно-методического совета по языкам при Министерстве общего и профессионального образования Российской Федерации, членом диссертационного совета по защите докторских и кандидатских диссертаций Чувашского университета.

Академик И. А. Андреев награжден грамотами, медалью “Ветеран труда”, ему присвоено почетное звание “Заслуженный деятель науки Чувашской Республики”.

Все, кто причастен к исследованию чувашского языка и его преподаванию, сердечно поздравляют Ивана Андреевича Андреева — крупного ученого, старшего товарища, учителя и наставника — с юбилеем, желают ему крепкого здоровья, неиссякаемой энергии, успехов в благородной работе на благо родного народа, большого счастья, которое он действительно заслуживает.

И. А. Андреев,
главн. научн. сотр. НМЦ Чувашского РИО

Национальная школа в системе общеобразовательных учреждений России

Термин “национальный” применительно к школе, по сложившейся традиции, имеет значение “нерусский”. Он пришел на смену прежнему “инородческий”, показавшемуся после революции 1917 г. чем-то уничижительным.

В ходе своего развития в советский период национальная

школа претерпела значительные изменения. Вначале, как и в дооктябрьские годы, она была школой исключительно с нерусским составом учащихся, которые либо совсем не владели русским языком, либо владели им лишь в малой степени. В отличие от дооктябрьского периода все школьные курсы в ней изучались только на родном языке. Сроки обучения были ограничены четырьмя, а затем семью годами.

С появлением средних школ с десятилетним сроком обучения объем и содержание обучения значительно расширились. В силу разных причин, прежде всего ввиду отсутствия во многих нерусских языках терминов для выражения научных понятий, обучение учащихся в старших классах на родном языке стало затруднительным. К тому же, по мере активизации межэтнических контактов в ходе индустриализации страны, нерусское население стало быстро приобщаться к русскому языку. В этих условиях в старших классах нерусской средней школы было призвано целесообразным вести обучение на русском языке — прежде всего потому, что он располагал необходимым терминологическим арсеналом для передачи научных понятий.

С 1960 г. на русский язык обучения национальные школы стали переходить с более ранних этапов обучения. В чувашской, а также в ряде других национальных школ Поволжья, переход на русский язык обучения осуществлен с V класса. В этом не было бы особой беды, если одновременно не были сокращены часы по всем классам на изучение родного языка. Перевод национальных школ на русский язык обучения со столь ранних этапов не мог не вызвать отрицательных последствий. Социальный престиж родного языка в глазах его носителей стал падать.

Индустриализация страны повсеместно стимулировала миграцию сельского населения в города. Но в городах и поселках городского типа места национальным школам не нашлось. В Чувашии, например, даже в районных центрах с чисто чувашским населением обучение было переведено на учебный план русской школы. Родной язык в них перестал изучаться даже как предмет. Думается, подобное явление имело место не в одной Чувашской Республике. В образовательной системе появился парадоксальный феномен — русская школа с нерусским составом учащихся. Городские школы с некоторых пор стали

именовать школами с многонациональным составом учащихся. Национальная школа, в которой национальный компонент сохранился в качестве второстепенного придатка, оказалась вытесненной в сельскую глубинку.

Положение стало меняться с принятием законов о языках. В Чувашии этот закон был принят в октябре 1990 года. По этому закону в учебные планы всех городских школ в качестве второго языка был введен чувашский. В X-XI классах стала изучаться чувашская литература. Во всех школах — как сельских, так и городских — представлен также предмет “Культура родного края”. Все это привело к сближению двух типов школ — русской (по языку обучения) и национальной. А это, в свою очередь, заметно ослабило стремление нерусских родителей обучать своих детей только в русских школах.

К слову, следует заметить, что различие между русской и нерусской школами не стало четким и по языку обучения, ибо и в так называемых национальных школах (почти все они расположены в сельской местности) в средних и старших классах языком обучения является русский.

Вряд ли можно утверждать, что происшедшие за последние годы изменения привели к окончательному решению национальных проблем образования. В Чувашии, к примеру, в составе городского населения, за редким исключением, преобладают чуваша. Их дети язык своих родителей изучают как второй (неродной) язык — наряду с теми учениками, которые действительно этого языка не знают. Такая ситуация порождает ряд проблем как учебно-методического, так и нравственно-этического и политического характера. Не подлежит сомнению, что это положение, как и в прежние годы, продолжает подпитывать нигилизм по отношению к своему народу, его языку, культуре и будущему в целом.

Для укрепления и развития национального самосознания городским чувашам (и, наверное, не только им!) подлинно национальная школа нужна не меньше, нежели сельским. Создание сети и системы национальных образовательных учреждений в городе, как представляется, должно быть одной из важнейших задач органов народного образования. В Чебоксарах, кстати, такие школы и классы стали появляться, хотя их пока немного. В таких республиках, как Татарстан, Башкортостан, их намного больше. Язык обучения в этих

образовательных учреждениях должен быть предметом особого разговора.

Острой проблемой национальной школы России продолжает оставаться слабая обеспеченность учебно-методической литературой и аудиовизуальными средствами. Особую актуальность она приобрела в школах национальной диаспоры, т. е. за пределами национальных республик.

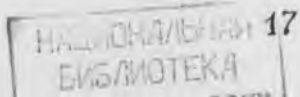
Как известно, русский язык в национальной школе одновременно является и предметом изучения, и языком обучения. Качество усвоения содержания изучаемых в школе дисциплин во многом зависит от уровня владения нерусскими учащимися русским языком.

Велика роль русского языка как посредника в процессе приобщения к достижениям мировой культуры, науки, техники и технологии. Создание современной научно-технической терминологии для большинства национальных языков России и ее внедрение в сознание носителей этих языков в ближайшей перспективе проблематично, если не сказать больше. Следовательно, для приобщения к мировой культуре, науке и технологии остается для нас пока один путь — через русский язык.

К тому же с распадом СССР русский язык не перестал быть одним из мировых языков (наряду с другими пятью официальными языками ООН — английским, французским, испанским, арабским, китайским), языком межнационального и межгосударственного общения. Русский язык нам необходим и как язык общения, и как язык познания и развития. Но, как говорил наш мудрый патриарх Иван Яковлевич Яковлев, — не вместо родного, а наряду с родным.

Проблема русского языка остается актуальной больше всего для сельской школы, где вне школьных стен отсутствует активная речевая среда. Правда, в современных условиях отсутствие бытовой речевой среды в значительной мере компенсируется радио и телевидением. Однако к полноценному восприятию устной и письменной информации сельскую нерусскую молодежь может готовить только школа.

С учетом сказанного для сельской национальной школы в изучении русского языка на первое место выдвигается работа по привитию и закреплению навыков устной и письменной речи — расширение словаря, усвоение фразеологии (и не только

к-43813

широкоупотребительной), умение грамотно излагать мысли устно и письменно.

Национальная школа вряд ли может быть одинаковой для всех нерусских народов России, ибо неодинаковы сами этносы как по своей численности, как по условиям жизни и труда, культурным традициям. Есть этносы, еще целиком или частично живущие за счет традиционных методов хозяйствования — охоты, рыбной ловли, морского промысла, отгонного и пастбищного скотоводства. Для других привычными стали все современные формы аграрного или индустриального производства. Народы Поволжского региона относятся именно к последней группе.

Национальные интересы этносов, несмотря на их различия в культуре и традициях, неотделимы от интересов общероссийских, общегосударственных. Российская цивилизация и государственность являются общим достоянием для всех живущих в России народов. Всем им Россия гарантирует мир и спокойствие, для всех она является общим домом. В строительство этого дома все проживающие в России народы вносили и вносят свой вклад. Этноцентризм, проявляющийся в последние годы в политике, равно как в культурной и духовной сферах, можно понять и объяснить. Но нельзя не признать, что он ни в коей мере не отвечает интересам самих этносов, поскольку обрекает их на самоизоляцию, отчуждение от других народов. Наивно думать, что Чувашия, примкнув к тюркскому миру и игнорируя общероссийские интересы, наладит полноценные экономические, культурные и прочие связи с остальным цивилизованным миром. То же самое можно сказать и о соседних финно-угорских народах, которых небескорыстные зарубежные проповедники активно зовут в общий финно-угорский дом, которого никогда в истории не было и который неизвестно где хотят построить.

Задача национальной школы — воспитать полноценного гражданина России, уважающего ее культурные и духовные ценности и в то же время остающегося членом своего этнического сообщества, не забывающего язык и обычаи своих отцов и дедов. Лучшие, главные духовные и нравственные ценности несут общечеловеческий характер, выработанные разными этносами, они не противостоят друг другу и не сталкиваются между собой. И потому тот, кто их чтит, уважает и любит как свой, так и другие народы.

Отрыв от общероссийского образовательного стандарта, излишний крен в национальную специфику (скажем, в виде восторженного восхваления и пропаганды ушедших в прошлое обычаев и традиций, этнографических особенностей и деталей, предметов прошлого сельского быта и прочее), под каким бы лозунгом они не проводились, оставляют нас в прежней ситуации поставщика некавалифицированной рабочей силы для экономически более развитых регионов России.

В прошлом все народы Поволжья представляли собой аграрное общество с соответствующей культурой и традициями. Между тем современное человечество прочно связало себя с индустриальной культурой, стало сообществом индустриальным. Народы, желающие шагать в ногу с историей, не могут оставаться вне этого процесса. Древнее язычество, активно пропагандируемое частью чувашской и марийской интеллигенции, также вряд ли совместимо с современной индустриальной культурой.

Некоторые исследователи (в частности известный этнопедагог Г. Н. Волков) полагают, что национальная школа должна базироваться исключительно на этнопедагогических традициях¹. С таким мнением трудно согласиться. Традиции народной педагогики сформировались в недрах аграрного общества с характерным для него общинным укладом. Стержень народной педагогики составляет обучение и воспитание детей в процессе их вовлечения в совместную со взрослыми трудовую деятельность. Современное производство чаще всего исключает такую современную деятельность детей и взрослых. Да и прежняя общинная идиллия осталась далеко в прошлом.

Новые условия жизни и производства требуют реализации иных принципов и подходов в обучении и воспитании подрастающего поколения, не отвергающих, впрочем, и этнопедагогику. Главная роль воспитателя и обучающего давно уже от родителей перешла к учителю. И вместе с ним на школу — основное образовательное и воспитательное учреждение, установленное обществом.

Этнопедагогический фундамент скорее всего может быть пригодным для таких национальных школ, где население по-прежнему продолжает жить в рамках традиционных форм хозяйства — охоты, рыбного промысла, скотоводства.

За последнее столетие нерусские народы Поволжья в

значительной степени стали более рассеянными, дисперсными. По данным переписи 1989 г., почти две трети татар (73,5 %) и мордвы (72,8%), более половины марийцев (51,7%) и чувашей (50,8%) уже живет за пределами своих республик. Фактически все они освоили географическое пространство России и даже ближнего зарубежья. Национальная школа не вправе игнорировать это обстоятельство. Она должна готовить подрастающее поколение к жизни и труду в этом пространстве, а не только в ограниченном регионе, где компактно проживает часть этноса.

В. Н. Пушкин,
директор НМЦ Чувашского РИО

Проблемы подготовки учебно-методических комплексов по предметам национально-регионального характера

Основными целями Научно-методического центра ЧРИО, созданного в 1995 г., являются создание и внедрение в школьную практику современных учебно-методических комплексов по предметам национально-регионального характера. Именно они составляют сущность республиканского компонента в содержании образования. Создание НМЦ диктуется задачами, поставленными перед Чувашским Республиканским институтом образования, который призван наряду с повышением профессионального уровня и переквалификацией педагогических кадров, обеспечить чувашскую школу современной концепцией развития, а также соответствующей научно-методической базой.

Подобные центры подготовки учебно-методических комплексов новационного характера давно и плодотворно работают во многих республиках и областях России.

Научно-методический центр сразу же после его создания приступил к подготовке учебников, хрестоматий, методических разработок, словарей и т. д. по школьным предметам, прежде всего по чувашскому языку и литературе, культуре родного края.

Впервые в истории чувашской школы в НМЦ подготовлены

проекты республиканских образовательных стандартов по чувашскому языку (И. А. Андреев), культуре родного края (А. Г. Григорьев, М. И. Скворцов), чувашской литературе (В. Н. Пушкин). Это позволило поставить на научную основу составление учебных программ и учебников для школ разных типов и разных уровней обучения. Так, составлена новая программа по чувашскому языку для I-IV классов русских школ. Ведется подготовка учебников для VI и VII классов на основе новых программ.

Общепризнано, что богатство материнского языка, устное народное творчество и художественная литература входят в жизнь ребенка задолго до поступления в школу и воздействуют на него независимо от форм обучения. Поэтому языковая подготовка и литературное образование в школе на национальной основе должны восприниматься как неперемное условие становления развития личности учащихся.

Между тем традиционные программы чувашской школы, скопированные с аналогов русской школы, не отвечают современным требованиям. Родной язык и литература не занимают должного места в учебном плане национальной школы. Несмотря на четкие требования закона о языках, дискриминационное отношение к ним сохраняется даже в обновленных учебных планах.

Традиции преподавания чувашского языка как родного в национальных школах республики и за ее пределами, сложившиеся в советский период требуют коренной ломки. Однако выработанные за десятилетия методические шаблоны делают нереальным быстрое преобразование старой изжившей себя системы. Новое должно вводиться постепенно, поэтапно, с широким использованием вариантных подходов. С учетом сказанного Научно-методический центр совместно с кафедрами ЧРИО избрало стратегию разумного сочетания сложившихся традиций и накопленного арсенала с новыми методическими решениями.

В подготовленных проектах программ по чувашскому языку для начальной школы (Л. П. Сергеев) и для V-IX классов (И. А. Андреев) предпринята попытка сочетания традиционного системного подхода обучения языку с развитием речи. Задача сейчас состоит в том, чтобы параллельно с доработкой проектов развернуть экспериментальную работу по ним в школах. С

учетом результатов этой работы предстоит составить учебники и другие элементы комплекса для всех классов общеобразовательных школ и дошкольных учреждений.

Новой для общеобразовательной школы и других учебных заведений является программа по родному языку для учащихся, окончивших чувашскую основную школу. Раньше в старших классах не отводилось часов для родного языка. Сейчас они есть, но учителя находятся в большом затруднении — как их использовать.

Программа ставит целью совершенствование навыков устной и письменной речи, а также расширение языкового кругозора, ознакомление со статусом и функцией чувашского и русского языков в связи с современными процессами общественного развития. Должное внимание уделено разъяснению Положений Закона о языках в Чувашской Республике.

Наряду с решением этих первоочередных задач остро стоит вопрос о разработке принципиально новых программ, учитывающих достижения мировой науки и дидактики. Эта работа рассчитана на первоначальную реализацию в экспериментальных классах школ. На наш взгляд, ее следует увязать с учебным процессом соответствующих отделений вузов.

Сотрудники НМЦ в основном завершили составление новой программы по родной словесности. Действующая программа была апробирована в школах еще с 1986 года и утверждена в 1991 году. Она намного отличается от предыдущей, но сегодня и эта программа не отвечает требованиям литературного образования. Поэтому в ходе подготовки учебников к печати авторы были вынуждены внести в них значительные изменения.

Еще в 1992-93 учебном году в ЧРИО были разработаны методические рекомендации для учителей чувашской литературы, где ставилась цель новой интерпретации советской классики, замены художественных текстов, изучение которых не способствует эстетическому воспитанию и ослабляет тягу учащихся к литературе. До создания новой в НМЦ переработана действующая программа, вышедшая в свет в 1997 году вторым изданием. Но изменения в обществе, новая концепция народного образования требуют полного пересмотра программного литературного материала с учетом новых критериев, замены примитивной историко-литературной хроники подлинными эстетическими ценностями. В курс чувашской словесности

предполагается включение таких произведений, которые способствуют нравственному становлению личности, воспитанию правильного вкуса, уважительного отношения к традиционным духовным богатствам родного народа в контексте мировой культуры. Поэтому авторы программы по чувашской литературе предполагают для изучения только материал, отвечающий высоким эстетическим требованиям. Совершенное в художественном отношении произведение является наиболее эффективным в учебном процессе. Естественно, при таком подходе к материалу учитываются возрастные особенности учащихся.

Одним из определяющих компонентов литературного образования является стимулирование творческой деятельности учащихся. Выполнение учебных заданий аналитического и творческого характера позволяет ученику приблизиться к наиболее полному пониманию литературного текста. Развитие творческих способностей учащихся является неотъемлемым требованием новой концепции литературного образования.

Новая программа, согласно концепции, предъявляет особые требования к таким качествам учителя литература, как умение точно оценить литературный факт и помочь оформить мысль ученику.

Новая программа по литературе должна способствовать воспитанию учащихся в духе любви к своему народу, стимулировать интерес к его истории, фольклору, традициям, классическим произведениям художественной литературы. Основные идеи концепции литературного образования и варианты программ обсуждены на курсах учителей чувашской словесности, они вызвали большой интерес.

С целью развития национально-русского двуязычия в общеобразовательных школах особое внимание уделяется подготовке различных словарей, в том числе таких, как чувашско-русские, русско-чувашские, татарско-чувашские словари и разговорники, а также терминологические словари по физике, математике, биологии, химии и географии, по лингвистике.

В помощь учителям чувашского языка и литературы выпущены сборник текстов для диктантов, ряд плакатов о жизни и деятельности чувашских писателей и поэтов.

В связи с введением в учебные планы школ курса "Культура родного края" начата подготовка учебного комплекса по этому

предмету. В 1993 году выпущена первая программа, а в 1994 году — учебное пособие “Культура родного края” на русском языке для учителей и учащихся (составитель М. И. Скворцов). В данное время готовится к сдаче в издательство его 2-ая часть.

В издании учебно-методических материалов по национально-региональному компоненту имеются определенные трудности. Из-за недостатка выделяемых средств ежегодно сокращается объем издаваемой учебной литературы.

Следующая серьезная трудность в подготовке учебно-методических комплектов национально-регионального компонента это то, что из-за сокращения финансирования почти невозможным стали командировки авторов учебников в сельские школы. Это привело к тому, что авторы не могут изучить и использовать в своих работах передовой опыт учителей, плодотворно провести опытно-экспериментальную работу в базовых школах. Свертывание выделяемых средств для выезда в командировки также привело к невозможности авторов учебников повышать свою квалификацию или пройти научную стажировку в ведущих вузах страны. Мы как бы варимся в собственном соку. Почти не знаем какие передовые методики и технологии выработаны по подготовке учебно-методических комплектов в соседней республике Татарстан или Башкирской Республике. А как решаются актуальные проблемы учебников по родным языкам и литературам в тюркских государствах, например в Азербайджане, Казахстане или Турции — здесь у нас нет почти никакой информации. Одной из причин невыполнения плана издания также является несвоевременная подготовка рукописей авторами. На наш взгляд, причина здесь кроется и в том, что у нас низкие ставки гонораров, узок круг авторов учебников. Одни и те же авторы заняты были в разработке нескольких учебников, что отрицательно сказывалось и на качестве, и на сроках подготовки рукописей.

Расширение круга авторов — это особая проблема. Часть авторов хорошо знает предмет исследования, владеет методикой его преподавания, однако не имеет опыта подготовки печатных работ, особенно школьных учебников. Здесь мы сталкиваемся с проблемой подготовки молодых авторов и организации их учебы.

Работу тормозит также ряд других нерешенных вопросов. Прежде всего — это отсутствие материально-технической базы. Рукописи, которые готовятся в НМЦ, особенно малообъемные и

малотиражные, такие как проекты программ, методические разработки, экспериментальные учебники и т. п. не имеет смысла издавать через книжное издательство или другие ведомственные типографии. Нами давно ставится вопрос о необходимости базы малой типографии в НМЦ для выпуска подобной литературы. Школам, учителям требуются оперативные рекомендации, инновационные разработки не только по чувашскому языку, литературе, но и по истории, географии края, экологии, экономике.

Сейчас ставится задача создания не просто учебников, а целых учебно-методических комплексов по предметам. Вот, например, создание учебного комплекса по чувашскому языку предполагает разработки соответствующей концепции и республиканского образовательного стандарта, учебного плана и программ, учебников, методических руководств и целого “шлейфа” дополнительных компонентов, таких как словари, прописи, азбуки в картинках, разработанные материалы, сборники упражнений и дидактические материалы по классам, аудиовизуальные средства и т. д.

До сих пор работа по созданию учебных пособий носила в основном стихийный характер и почти целиком зависела от наличия авторов, уровня их подготовленности. Сейчас наступило время разработать теоретические основы создания программ и учебников по чувашскому языку, литературе, русскому языку в чувашских школах, истории и культуре родного края, предметам эстетического цикла.

До того, как приступить к подготовке любого учебника, авторский коллектив должен иметь представление о теоретических, общедидактических и конкретно-методических его основах, месте учебника в системе комплекса.

На наш взгляд, существенными в этом плане являются такие вопросы, как определение содержания образования, распределение его элементов по годам обучения, способы организации учебной деятельности, контроля за ней.

Сколько времени в программах конкретных предметов нужно выделить, чтобы оптимально сочетались приобретение знаний и развития творческих способностей? Какова оптимальная мера традиционно сложившейся структуры содержания образования? Какие разделы предметов следует исключить, чтобы решить проблему перегрузки учащихся? На эти и другие вопросы следует

найти ответы не в ходе работы по готовому учебнику, а до его подготовки.

Необходимо более разумно, психологически грамотно распределить разные виды умений по годам обучения и предметам, разработать способы их формирования и требуемый уровень.

Пока что самим авторам приходится вырабатывать принципы рациональной организации и подачи учебного материала в учебниках. У нас нет ученых, специально занимающихся психологическими проблемами построения учебников. Всю эту работу, включая и экспериментальные исследования, авторам приходится делать самим.

При подготовке учебно-методического комплекса учебник и книгу для учителя мы рассматриваем как его ядро; именно учебник должен стать основным средством обучения. Анализ действующих учебников по языку и литературе дал возможность выделить те вопросы, которые необходимо решать в неотложном порядке, т. е. уже при подготовке переизданий. В частности, имеется в виду оптимизация объема учебников за счет корректировки художественных текстов по литературе или упражнений по языку.

Создание НМЦ в составе института образования — это лишь первый шаг к образованию настоящего центра по подготовке нужных чувашской школе учебно-методических комплексов, без которых невыполнимо успешное выполнение требований “Закона о языках в Чувашской республике” и Президентской программы “Новая школа”. Впереди большая и сложная работа, требующая согласованных усилий ученых, методистов и руководителей органов образования республики.

М. К. Енисеев,
*профессор Чувашского
педагогического института*

Методы обучения в Симбирской чувашской школе

В течение всей своей педагогической деятельности И. Я.

Яковлев преследовал основную цель — подготовку учащихся к жизни, к практической деятельности. При этом он исходил из того, что школа не может дать своему выпускнику все необходимые в жизни знания. Поэтому большое значение придавал формированию у учащихся умения самостоятельно добывать необходимые знания.

Цель выработки у учащихся умений добывать истину своими силами преследовала и программа по педагогике, составленная под руководством И. Я. Яковлева. Она требовала ознакомления будущих учителей с общими методами научных исследований (синтез и анализ, сравнительный анализ), с особенностями их применения учениками.

Методы обучения, предложенные Иваном Яковлевичем, исходили именно из задачи приобщения учащихся к методам научных исследований. Поэтому основное внимание в подготовке будущих учителей уделялось изучению таких методов школьного обучения, которые по своему содержанию близки к методам познания. В программу по педагогике были включены такие “способы и приемы, употребляемые учителем”, как синтетический, генетический, эвристический, сократический и т. п.

Новые методы обучения, вводимые И. Я. Яковлевым, преследовали новые по тому времени цели и задачи. Они призваны были осуществлять сознательное усвоение учебного материала, пробуждать у учащихся творческую активность, научить их своими силами добывать необходимые в жизни знания. Все это находит отражение во многих работах Ивана Яковлевича. Так, в “Отчете о состоянии земледельческой фермы по состоянию с 15 марта 1893 года по 1 января 1894 года”, рассматривая задачи обучения сельскохозяйственному труду, он большое значение придает проведению практических занятий на участке школы. По разработанной им системе проведения таких занятий, каждый воспитанник школы был должен принять участие во всех видах сельскохозяйственных работ. Руководитель занятий обязан был продемонстрировать приемы данного вида работы, сопровождая их объяснениями. Затем он следил, чтобы работа выполнялась учащимися правильно. При этом И. Я. Яковлев рекомендовал спрашивать воспитанников, почему эта работа производится так, а не иначе. От учеников требовалось ведение дневника, куда они должны были записывать

приемы исполнения работ, полезные практические советы. Организация и проведение практических занятий преследовали определенную цель — выработать у учащихся необходимые в жизни умения и навыки и прочно их закрепить.

Воспитанники Симбирской школы приучались не только к сельскохозяйственному труду, но и к другим видам работ, необходимым в хозяйстве крестьянина. Школа располагала хорошо оборудованными мастерскими. Ученики собирали плуги, веялки, молотилки, различные аппараты для школьного физического кабинета, изготовляли мебель, вешалки для школы, переплетали книги в библиотеке, шили для себя, участвовали в постройке школьных зданий, в уборке помещений, двора.

И. Я. Яковлев считал необходимым создание такой обстановки, которая подталкивала бы ученика в процессе выполнения практических работ вспоминать изученное в классе, советоваться с преподавателями, обращаться за справками к учебникам и к другим книгам. “Каждая неудача, — писал И. Я. Яковлев, — заставляет их найти ее причину, чтобы впредь можно было ее избежать”¹.

В целях развития познавательных способностей учащихся на сельскохозяйственной ферме школы было организовано проведение метеорологических наблюдений. Воспитанники изучали природные явления, учились их предсказывать.

Ценность каждого конкретного метода обучения И. Я. Яковлев определял тем, насколько он способствует сознательному и основательному изучению предмета, побуждает учеников к самостоятельным опытам и наблюдениям, развивает у них трудолюбие, ответственное отношение к делу.

Рекомендации по решению указанных выше задач школьного обучения И. Я. Яковлевым изложены в ряде работ.

Новые методы обучения предполагали прежде всего творческую активность самих учеников в изучении нового материала. Это можно показать на примере методики изучения грамматических правил. Усвоение их достигалось проведением следующих последовательных работ: “а) выписывание на классной доске примеров для ввода известного правила правописания; б) списывание этих примеров учениками; в) вывод и определение правила; г) диктовка примеров для закрепления правила; д) прочитывание учениками выписанных примеров по тетрадам товарищей с целью проверки работы и исправления

допущенных ошибок”². После списания примеров с доски учитель давал задания, которые требовали тщательного анализа этих примеров. Затем ставились вопросы, подводящие учеников к обобщающим выводам. Таким образом, в познании нового, в установлении новой истины непосредственно участвовали сами ученики.

Исключительное значение сравнению и сопоставлению И. Я. Яковлев придавал в “Букваре для чуваш”. Это можно объяснить тем, что одной из дидактических основ букваря был принцип сознательности. Так же, как и известные отечественные педагоги, К. Д. Ушинский, Л. Н. Толстой, В. И. Водовозов, Н. Ф. Бунаков, Д. Д. Семенов, В. Я. Стоюнин, — И. Я. Яковлев сравнение считал основным дидактическим приемом, рассматривал его как важное средство обеспечения сознательного усвоения изучаемого материала. В одном из методических указаний по работе над букварем он писал: “Слова — упражнения на каждую букву — расположены вертикальными столбцами... сходные части слов стоят под сходными же. При таком расположении и сходные части и разница в буквах выступают выпукло и обращают на себя внимание; дети с первых же шагов приучаются прибегать к сравнению и сопоставлению, относиться к читаемому вполне сознательно”¹. Таким приемом пользуются и при составлении букварей для сегодняшней школы.

Особое внимание умственному развитию учащихся в Симбирской школе уделялось на уроках родного и русского языков. Например, выполнялись различные упражнения, развивающие творческое мышление учеников, обеспечивающие сознательное и прочное усвоение изучаемого материала. На уроках русского языка проводились такие виды работ:

- диктант объяснительный и проверочный;
- грамматические упражнения;
- письменное изложение прочитанных статей;
- небольшие самостоятельные сочинения повествовательного характера (в первом классе сначала ученики пишут на чувашском языке, а затем переводят на русский язык);
- переложения;
- описания по сочинениям различных авторов;
- описания на темы, взятые из жизни, близко знакомой воспитанникам;
- описания предметов и явлений, требующих

непосредственного наблюдения;

— составление повествований по сочинениям авторов;

— составление повествований на темы, взятые из жизни воспитанников;

— составление характеристик;

— составление рассуждений;

— самостоятельные работы, в которых должны быть элементы описаний, повествований и рассуждений¹.

Творческие сочинения Иван Яковлевич рассматривал как средство развития умственных способностей ученика. Он отмечал, что такие сочинения на родном языке приучают учащихся последовательно излагать свои мысли, а перевод их с чувашского языка на русский способствует сознательному усвоению русского языка.

И. Я. Яковлев разработал систему подготовки учащихся к самостоятельным творческим работам с использованием собственного жизненного опыта. В старшем отделении школы он предлагал приступать к опытам самостоятельных письменных упражнений, для которых материалом могут послужить разные случаи, пережитые самими детьми. Широко практиковалось проведение сочинений на свободные темы: “Как горел наш дом”, “Как я заблудился в лесу”, “Памятные случаи в моей жизни”, “Языческие верования в нашей деревне” и т. д. Такие виды работ, несомненно, требовали анализа глубокого переживания, наводили детские головы на новые мысли и рассуждения.

Часто применялась такая форма работы, как переложение: ученик должен был изложить своими словами прочитанный рассказ или изложить прозой выученное наизусть стихотворение.

В Симбирской школе часто проводились уроки объяснительного чтения. В зависимости от содержания изучаемого материала они проводились по-разному, но основной целью их всегда являлось обеспечение сознательного усвоения. Эту же цель преследовал и определенный алгоритм деятельности на подобных уроках. Так, при изучении стихотворения работа должна была осуществляться в следующей последовательности:

— краткая предварительная беседа с целью разъяснения основной мысли стихотворения;

— образцовое чтение учителя;

— чтение стихотворения по частям, заключающим в себе законченную, определенную мысль;

- объяснение непонятных детям слов и выражений;
- вторичное чтение по частям и воспроизведение прочитанного;
- чтение стихотворения целиком;
- пересказ прочитанного по вопросам и без них;
- коллективное (шепотом) чтение стихотворения с целью его заучивания.

Определенные цели преследовали уроки, на которых читались рассказы. Прежде всего необходимо было развивать навыки сознательного, выразительного чтения. На этих уроках изучались также правила орфографии и пунктуации.

Уроки объяснительного чтения проводились в виде разбора текстов на исторические, географические и другие темы. При этом работа проходила в следующей последовательности: 1) чтение статьи по частям и подробное воспроизведение прочитанного; 2) обобщение отдельных мыслей прочитанной части, формулирование ее заглавия; 3) вторичное чтение всей статьи в целом; 4) воспроизведение прочитанного по плану, составленному и записанному на доске при чтении отдельных частей статьи¹. Особое внимание уделялось объяснению непонятных слов, встречающихся в изучаемом тексте.

В соответствии с изложенной выше методикой основными видами работ на уроке являются осмысленный пересказ прочитанного и усвоение значений новых слов. Такой метод обучения старая школа в основном отвергала, но в Симбирской школе, руководимой И. Я. Яковлевым, он применялся широко и плодотворно.

Наряду с родным языком основным предметом преподавания в чувашских школах И. Я. Яковлев считал русский язык. При этом он прежде всего руководствовался своей искренней любовью к чувашскому народу, к России и верой в ее великое будущее. Одной из задач Симбирской школы И. Я. Яковлев считал приобщение чувашей к передовой русской и мировой культуре, развитие чувства любви к великому русскому народу. Приобщение чувашских деятелей к русской культуре, ознакомление их с прошлым русского народа И. Я. Яковлев считал возможным только посредством изучения русского языка.

Иван Яковлевич указывал, что к изучению русского языка следует приступать лишь после основательного изучения грамматики чувашского языка. И в этом он руководствовался

прежде всего принципом сознательности и творческой активности учащихся в процессе обучения; утверждал, что преподавание на родном языке вызывает интерес к учению, к школе. Успех может быть обеспечен только при преподавании на родном языке, когда изучаемый материал ученик усваивает сознательно. В работах И. Я. Яковлева неоднократно отмечается, что дети с радостью ходят в школу, слыша там родную речь.

И в преподавании родного языка основным условием успеха Иван Яковлевич считал сознательное усвоение учащимися изучаемого материала. Для него составляло большую радость видеть беглое и осмысленное чтение детьми чувашской книги и их умение рассказывать ее содержание. Для достижения таких целей он предлагал применять различные методы, в том числе и такие, как беседа учащихся между собой по содержанию прочитанного, объяснение самими учениками непонятных слов и выражений и др.

Изучение русского языка в чувашских школах И. Я. Яковлев рекомендовал начинать с разговорных уроков. Вначале ученики должны были усвоить названия близких и знакомых им предметов по-русски.

В системе приемов обучения родному и русскому языкам в чувашских школах большое внимание уделялось переводу текстов с русского на чувашский и наоборот. Как одна из основных задач школы рассматривалась подготовка учителя, хорошо знающего как русский, так и чувашский языки.

Симбирская чувашская школа давала прочные и основательные знания. Изучаемый материал ученики усваивали сознательно. Инспектор, посетивший школу, отмечает: "Отрадное впечатление производит старший класс школы. Обыкновенные крестьянские ребята, с грубыми руками, волосами, обстриженными по-мужицки, в лаптях. Но этот парень отлично объясняет на доске извлечения квадратного корня, со смыслом толкует об уравнениях и спокойно беседует с вами о правилах логики. Вот это действительно здоровый дух в здоровом теле"¹.

Осуществлению принципа сознательного усвоения учащимися учебного материала в Симбирской чувашской школе способствовали не только сама постановка преподавания, но и весь внутренний режим школы. Непедагогические меры наказания (применение розг, оставление без обеда) не разрешались. Карцеры, журналы для учета повинностей

воспитанников отсутствовали. Сохранение таких порядков в условиях царского режима и постоянного наступления реакции И. Я. Яковлеву стоило больших трудов.

Л. П. Сергеев,
Чăваш педагогика институчĕн
профессорĕ

Пуçламăш классен орфографи минимумĕ çинчен

Чăвашла таса, хитре те тĕрĕс çырма вĕрентесси — пуçламăш школ учителĕн тĕп тĕллевĕсенчен пĕри. Паллах, пĕрремĕш класрах вĕренекекsene орфографи правилисемпе паллаштарасси çинчен калаçу пулма пултараймасть. Шкула вĕренме пынă ача малтан сас паллисене, кайран уйрăм сăмахсене кĕнекерен е доска çинчен пăхса çырса илме хăнăхса пырать.

Орфографин ансат правилисене пуçласа иккĕмĕш класс программине кĕртнĕ, ку вăл педагогикапа психологи тĕлĕшĕнчен тĕрĕс. Анчах та хăш-хăш сăмахсене тĕрĕс çырма малтан вĕрентмелле-ши? Урăхла каласан, чăваш чĕлхин орфографи минимумĕ пуçламăш школта еплерех пулмалла? Ку тĕлĕшпе пирĕн методистсем ятарлă тĕпчев туман, кĕçĕн классен орфографи минимумĕ хай тĕллĕн, стихийăллă майпа йĕркеленсе пынă.

1930-мĕш çулсен пуçламăшĕнче чăваш чĕлхи вĕрентмелли ятарлă программăсемпе хатĕрленĕ çĕнĕ учебниксем пичетленсе тухаççĕ. Вĕсене паллă чĕлхе тĕпчевши тата методисчĕ Тимухха Хĕветĕрĕ хатĕрленĕ. Çав кĕнекесенче кашни класра мĕнле орфографи правилисене вĕрентмеллине пуçласа аңлантарнă. Автор орфографи минимумне тĕрĕс аңланнă: тĕрлĕ сăмахсемпе грамматика формисене çырмалли правилăсене çамăл та ансат аңлантарса пама май тупнă. Вĕсенчен хăшĕ-пĕрисемпе эфир халĕ те усă куратпăр.

Орфографи минимумне йĕркелесси çамăл ĕç мар. Кунта çак ыйтусем мала тухса тăраççĕ: а) кĕçĕн çулхи ачасене вĕрентмелли орфографи правилисене палăртасси; б) вĕсене тупса палăртрăмăр пулсан хăшĕсене 2-мĕш, хăшĕсене 3-мĕш, хăшĕсене вара 4-мĕш класра вĕрентмеллине уйăрасси; в) словарь йĕркипе çырма

вѣрентмелли сѣмахсенчен хѣшѣсене асѣннѣ классенче вѣрентме, хѣшѣсене аслѣрах классенче вѣрентмешкѣн хѣварма сѣнесси; в) правилѣсене учебникра ѣнлантарса памалли меллѣ йѣркене тупасси: вѣсене орфографи правилисен пуххинчи евѣрлех е кѣшт улѣштарса, ансатлатса памалла? Їакнашкал ѣйтусем татах та пур.

Чи малтанах, орфографи минимумне туса хатѣрлес тесен пусламѣш школсен лексика минимумне палѣртмалла. Ку ѣсе малтан та туман, халѣ те тѣвакан џук. Лексика минимумне тумашкѣн куллен усѣ куракан текстсенчи сѣмахсен тѣтѣшлѣхне кѣтартакан словарьсем кирлѣ. Вѣсем те халлѣхе џук-ха.

Ку таранччен пухѣннѣ опыта, вѣренѣ программисемпе учебниксене шута илсе џапла калама пулатъ: халѣ усѣ куракан орфографи минимумѣн никѣсне, тѣпреп илсен, тѣрѣс тесе йышѣнмалла. Унта џакнашкал сѣмахсемпе грамматика формисене џырассине шута илнѣ:

а) кулленхи калаџура тѣтѣш усѣ куракан сѣмахсене;

ѣ) ача-пѣча, школ тематикипе џыхѣннѣ сѣмахсене;

б) школ предметѣсемпе џыхѣннѣ, ачасен кулленхи пуплевѣнче џурекен сѣмахсемпе терминсене;

в) вырѣс чѣлхинчен йышѣннѣ, чѣвашсем куллен усѣ куракан сѣмахсене.

Пуплеве аталантарма асѣннѣ ушкѣнсене кѣрекен сѣмахсен пусламѣш формисене џеџ мар, тѣтѣш тѣл пулакан грамматика формисене те џырма вѣрентмелле. Вѣренѣ программинче ун пек ѣйтусем пур. Кунта џакнашкал асѣрхаттару туни вырѣнлѣ: хѣш-пѣр чухне эпир грамматика правилисене вѣрентместпѣр пулсан та џав правилѣсемпе џыхѣннѣ грамматика формисене мѣнле џырмаллине асѣрхаттаратпѣр. Тѣслѣхрен, программѣпа килѣшѣллѣн учебникра 2-мѣш класс ачисене *вулаџџѣ, ѣслѣџѣ, тѣрѣшѣџѣ* йышши сѣмахсенче икѣ џ џырмалли џинчен каланѣ.

Їавѣн пекех глаголѣн пѣрреллѣ хисепри 3-мѣш сѣпат форминче џемџелѣх палли (ь) џырмалли џинчен каланѣ (*каять, тѣвать* т. ѣт. те). Ку класри ачасем глаголсен сѣпачѣ тата хисепѣ џинчен вѣренмеџѣ, “ѣџ-хѣл” терминпа та усѣ курмаџѣ. Їавѣнпа та ѣйтѣва “ѣсе пѣлтерекен *ларать, вулатъ, лармасть, вуламасть* йышши сѣмахсенче џемџелѣх палли (ь) џырасси” тенѣ.

Пусламѣш шкулта вѣренекен ачасене чылай сѣмаха грамматика правилисемпе џыхѣнтармасѣр, словарь йѣркипе тѣрѣс џырма вѣрентмелле. Їавѣнпа та школ учебникѣсенче унашкал

сăмахсене хăнăхтарусен текстне те кертмелле, ятарлă майпа та (тĕслĕхрен, тăваткал клеткăсенче палăртса е урăх тĕслĕ сăрăпа пичетлесе) ҫырса памалла. Унсăр пуҫне кашни класс учебникенче кĕске орфографи словарĕ хушса пани усăллă.

Орфографи минимуменче хăш-пĕр йывăртаррах пайăр ятсене ҫырасси те пулмалла. Программăпа килĕшүүлĕн 2-мĕш класра ҫын ячĕсемпе хушамачĕсене тата ашшĕ ячĕсене, хула, ял, урам ячĕсене, килти выльăх-чĕрлĕх ячĕсене пысăк сас паллипе пуҫласа ҫырма вĕренесҫĕ. Асăннă ыйтусене вĕреннĕ чухне учителĕн ачасене хайсен тăван ялĕпе унти урамсен ячĕсене, кил-йышĕнчи тăванĕсен ячĕсене те тĕрĕс ҫырма вĕрентмелле.

Ҫапла вара мĕн асăрхаттарнисене, унпа пĕрлех ку таранччен ҫирĕпленнĕ традицие шута илсе йĕркелесен пуҫламăш классен орфографи минимумĕ ҫакан пек пулса тухать.

И К Л А С С

1. Ҫын ячĕсене (вĕсен тĕрлĕ варианчĕсене), хушамачĕсене, ашшĕ ячĕсене пысăк сас паллипе пуҫласа ҫырасси:

а) *Михаил — Миша, Наталья — Наташа, Николай — Коля, Петр — Петя, Александр — Саша, Анна — Аня, Ольга — Оля;*

ă) *Константин Васильевич Иванов, Андриян Григорьевич Николаев, Татьяна Николаевна Ярдькова.*

А с ă р х а т т а р н и: вырăс чĕлхинчен кенĕ ятсен пĕчĕклетĕ ачашлу формисене ҫавашсем хайне майлă йĕркелесҫĕ (*Иван — Ваня, Ванюк, Ванюш, Ванькка* т. ыт. те). Вăл вариантсен шучĕ пысăк, пурне те, уйрăмах кĕҫĕн классенчех, вĕрентме ҫук. Ҫавăнпа та учителĕн, унашкал ыйту сиксе тухсан, уйрăм, пайăр ятсене ҫырасси-вуласси ҫинчен каласа панипе ҫырлахма тивет.

2. Хула, ял, урам, юхан шыв, ҫырма, кўлĕ, пĕве ячĕсене пысăк сас паллипе пуҫласа ҫырасси: *Шупашкар, Муркаш, Анаткас, Атăл, Кĕтне, Ҫуткўль, Тарăн пĕве.*

3. Выльăх-чĕрлĕхĕн пуҫран панă уйрăм ячĕсене пысăк сас паллипе пуҫласа ҫырасси: *Кампур* (йытă), *Шурҫамка* (лаша), *Мăрмăр* (кушак).

4. Хытă усă сасăллă сăмахсенчи *л', н', т'* ҫемҫе хупă сасăсене ҫемҫелĕх паллипе (ь) палăртасси: *выльăх, халь, ахаль, кукăль, супăнь, мăкăнь, мăкăль, шукăль.*

5. Еҫе пĕлтерекен *ларать, вулать, лармасть, вуламасть*

йыпши сәмахсенче сөмсөлөх палли (ь) сырасси.

6. Хытә уса сасәллә сәмахри хәш-пәр хупә сасәсем сөмсөн илтәннини паләртма ю, я сас паллисем сырасси: *выля, атя, Илюш, Ванюк.*

7. Хупә сасә сөмсөн илтәннини сырура э, е, ё, и, ў сас паллисемпе паләртасси: *кёнеке, пилеш, ўпре, этем, кетў.*

8. Вәрәм хупә сасса икё пәр пек сас палли сырса паләртасси:

а) япала ячөсенче: *атте, анне, асатте, асанне, пичче, шәлләм, аппа, кукка, мәнакка;*

ә) япала шутне пөлтерекек сәмахсенче: *пәрре, иккё, вищё, тәваттә, вуннә, аллә;*

б) япала паллине пөлтерекек сәмахсенче: *паттәр, маттур, суккәр, тәттәм;*

в) ёсе пөлтерекек сакән йыпши сәмахсенче: *вуламащё, ёслесщё, вуламащё, ёслемещё;*

г) хәш-пәр ытти сәмахсенче: *карттус, саппун; сәрашси, турилкке; кәркка, куккук; сәрттан; шаркку; валли, хыссян; сулла, хёлле. кёркунне, суркунне.*

9. Вырәс чөлхинчен йышәннә сәмахсене тәрәс сырасси: *автобус, библиотека, больница, герой, дежурнай, диктант, директор, доска, ещөк, ёлка, журнал, завод, задача, класс, коньки, комбайн, комбайнер, лётчик, майка, машина, мастерской, отличник, парта, помидор, портфель, ракета, расписани, ручка, сад, самолёт, сумка, телевизор, тетрадь, тракторист, учитель, учительница, ферма, физкультура, форточка, щётка т. ыт.*

10. Сәмаха пәр йөркерен тепәр йөркене кусарасси: *вәрман, сул-ла, ан-не, пё-лёт-сем, япа-ла, ёне-сем.*

Ш К Л А С С

1. Б, г, д, ж, з, ф, о, ц, щ сас паллисене вырәс чөлхинчен йышәннә сәмахсенче сырасси:

а) *автобус, автомобиль, велосипед, грузовик; кофта, тапочка, костюм, туфли, шарф, юбка, кроссовка;*

ә) *простынь, умывальник, угол, холодильник, этажерка;*

б) *арбуз, кефир, консерв, мармелад, повидло, сосиска, шоколад, пельмень;*

в) *бамбук, кедр, лиственница;*

г) *анис, антоновка, петрушка, укроп;*

д) *тигр, акула, осетр, рак, тритон.*

2. *Е, ё, ю, я* сас паллисене сырасси:

а) *епле, ешёл; Ллка; юман, япала, кая;*

ә) *кёнеке, серте, выля, атя, Таня.*

3. Уйәракан җәмҗеләх паллине сырасси: *кёсье, җемье, тухья, мәрье, Патәрyel.*

5. *Ҙ, ч* хупә сас паллисем хысқан *ы е и* сырасси:

а) *сыру, сын, сыва́х, чыс, чылай;*

ә) *симёс, сирёк, чикё, читлөх.*

6. Вәрәм хупә сасәсене сырура паләртасси: *варинкке, карсинкка, писиххи, сараппан, улмусси, чәрәш тәрри, чәрәш ләсси, упа сарри, юман хуппи, шапа хупаххи, вёлтәрен тәрри, ула такка, шыв нәрри, шапа чөппи, пулә чөппи, ачашшән, вәрттән, хуллен, пысаккән.*

7. Ч умәнчи *л', н'* хупә сасәсен җәмҗеләхне ятарласа паләртманни: *калча, мунча, кунча, шалча.*

8. *Т, н, л* сасәсемпе пөтекен сәмахсенче җәмҗеләх палли (*ь*) сырсан сәмах пөлтерөшө улшәнни: *турат — турать, юрат — юрать, сурат — сурать, сунат — сунать, тәват — тәвать.*

9. Мәшәр сәмахсене дефиспа сырасси: *йёпе-сапа, әс-тән, йёри-тавра, сил-тәвәл, тыр-пул, сөр-шыв, ял-йыш, тум-тир.*

10. Хытә сәмах сүмне аффиксән хытә варианчө хушәннине әнланасси: *вәр-ләх, вёт-лөх, туп-сан, пөл-сен, кая-кан, киле-кен.*

11. *-сем, -мөш, -скер, -хи, -чен* аффикссем хытә сәмах сүмне те, җәмҗе сәмах сүмне те хушәнни: *лашасем, ёнесем; пёрремөш, тәваттәмөш; лайахскер, җемҗескер; ирхи, касхи; касчен, ик сехетчен.*

12. Усә тата *л* сасәсемпе пөтекен сәмахсем сүмне *-лә (-лө)* аффикс хушәнсан икө *л* сырасси: *лашаллә, мәйракаллә, сухаллә, уксаллә, хөвеллө.*

13. Усә тата *л* сасәсемпе пөтекен сәмахсем сүмне *-ла (-ле)* аффикс хушәнсан икө *л* сырасси: *лапталла, пуканетле, футболла, шашкәлла.*

14. *- Ләх (-лөх)* аффикс хушәнса пулнә сәмахсенче пөр *л* сырасси: *юманләх, шөшкөлөх, кусләх, питлөх.*

15. Нумайлә хисеп аффиксө *-сем* хытә сәмах сүмне те, җәмҗе сәмах сүмне те хушәнни: *ачасем, кёнекесем, йәмрасем, вёренесем.*

16. *Ш, с* сасәсемпе пөтекен сәмахсем сүмне нумайлә хисеп

аффиксё хушанна сáмахсене сырасси: *юлташсем* (юлташшем мар), *йывăçсем* (йывăçсем мар), *чăвашсем*, *çимёçсем*.

17. Хальхи вăхăтри пёрреллэ хисепри глагол формисене тёрёс сырасси: *вулатăп* (вулап мар), *вёренетёп* (вёренеп мар), *вулатăн* (вулан мар), *вёренетён* (вёренен мар).

18. -лă (-ллё), -лла (-лле) аффикслă сáмахсене пёр йёркере тепёр йёркене куçарасси: *ла-шал-лă*, *фут-бол-ла*, *хё-вел-лё*, *пука-нел-ле*.

19. Уйăх ячёсене а́нланса сырасси: *январь*, *кăрлач*; *февраль*, *нарăс*; *март*, *пуш уйăхё*; *апрель*, *ака уйăхё*; *май*, *су уйăхё*; *июнь*, *çёртме уйăхё*; *июль*, *утă уйăхё*; *август*, *сурла уйăхё*; *сентябрь*, *авăн уйăхё*; *октябрь*, *юпа уйăхё*; *ноябрь*, *чўк уйăхё*; *декабрь*, *раштав уйăхё*.

ІУ К Л А С С

1. Мăшар сáмахсене дефиспа сырасси: *çăкăр-тăвар*, *сёт-су*, *сётел-пукан*, *хурт-кăпшанкă*, *хурт-хăмăр*, *шăна-пăван*, *хаçат-журнал*, *ача-пăча*.

2. Икё хут калакан сáмахсене дефиспа сырасси: *хёрлё-хёрлё*, *ял-ял*, *пин-пин*, *сарă-сарă*.

3. Вăйлă степень формине дефиспа сырасси: *сап-сарă*, *хёп-хёрлё*, *хуп-хура*, *ем-ешёл*, *кăн-кăвак*, *сап-сутă*.

4. *Вырăс чёлхинчен йышанна сáмахсене тёрёс сырасси*: *алоэ*, *апельсин*, *груша*, *дельфин*, *жираф*, *какао*, *кактус*, *кит*, *кофе*, *крахмал*, *крокодил*, *лимон*, *мандарин*, *морж*, *ондатра*, *персик*, *песец*, *рассольник*, *сарделька*, *студень*, *сыр*, *тефтель*, *тюлень*, *шницель*.

5. Япала ячён тёрлэ падеж формисене сырасси:

а) *а*, *е* сасăпа пётекен сáмахсен пару падеж формине: *вёренене*, *лашана*, *кёнекене*, *хулана*;

ă) *ă*, *ё* сасăсемпе пётекен сáмахсен камăнлăх тата пару падежёсен формисене: *тулă* — *туллăн*, *тулла*; *сёлё* — *сёллён*, *сёлле*; *пёрчё* — *пёрчён*, *пёрче*; *хурçă* — *хурçăн*, *хурçа*;

б) *у*, *ў* сасăсемпе пётекен сáмахсен камăнлăх тата пару падежёсен формисене:

кётў — *кётёвён*, *кётёве*;

пăру — *пăрăвăн*, *пăрăва*;

в) сáмах вёçёнче çемçелёх палли (ь) сыракан тёслёхсен камăнлăх тата пару падежёсен формисене:

тетрадь — *тетрадён*, *тетраде*;

макӕль — *макӕлӕн*, *макӕле* (ь ҕырмалла мар);

г) *й* сасӕпа пӕтекен сӕмахсен пару падеж формине: *аш-какай* — *аш-какая*, *сарай* — *сарая*, *уй* — *уя*.

д) *л*, *ль*, *н*, *нь* сасӕсемпе пӕтекен сӕмахсен вырӕн тата туху падежӕсен формисене:

район — *районта*, *районра*, *районтан*, *районран*;

сӕтел — *сӕтелте*, *сӕтелре*, *сӕтелтен*, *сӕтелрен*;

учитель — *учительте*, *учительре*, *учительтен*, *учительрен*;

макӕнь — *макӕньте*, *макӕньре*, *макӕньтен*, *макӕньрен*;

е) *сть*, *сь*, *зь* сас паллисемпе пӕтекен сӕмахсен тӕп мар падеж формисене (ҕ ҕырмалла):

власть — *властӕн*, *власта*, *властра*, *властран*;

область — *областӕн*, *областа*, *областра*;

князь — *княстӕн*, *княста*, *княстра*.

6. *ль*, *нь* сас паллисемпе пӕтекен сӕмахсем ҕумне -лӕ аффикс хушӕнса пулнӕ паллӕ ячӕсенче ҕемҕелӕх палли (ь) ҕырасси: *медаль* — *медальлӕ*, *шинель* — *шинельлӕ*, *супӕнь* — *супӕньлӕ*.

7. Шут хисеп ячӕсене пӕрререн пуҕласа вуннӕ таран уйрӕм каланӕ чухне хупӕ сасӕ вӕрӕммӕн илтӕннине икӕ хупӕ сас паллипе палӕртасси: *пӕрре*, *иккӕ*, *виҕҕӕ*, *тӕваттӕ*, *ҕиччӕ*, *вуннӕ*.

8. Сӕпат местоименийӕсен падеж формисене ҕырасси: 1) *ӕлӕ*, *ӕл*; *ӕсӕ*, *ӕс*; 2) *ӕпир*, *ӕпӕр*; *ӕсир*, *ӕсӕр*; 3) *манра*, *манран*; *санра*, *санран*; 4) *пирӕнте*, *пирте*, *сирӕнте*, *сирте*; 5) *пирӕnten*, *пиртен*; *сирӕnten*, *сиртен*; 6) *вӕл* — *унӕн*, *ӕна*, *унран*.

9. Хальхи вӕхӕтри глагол формисене ҕырасси — нумаилӕ хисепре: *вулатпӕр* (*вулаппӕр* мар), *вулатӕр* (*вулаттӕр* мар), *вуластӕ* (икӕ ҕ).

О межнациональном аспекте изучения литературы в чувашской школе

В проекте республиканского стандарта по чувашскому языку, разработанном академиком И. А. Андреевым, обоснован принцип его изучения в сопоставлении с неродным языком. Это позволяет развивать аналитические способности детей, формировать широту их кругозора. Универсальная значимость данного принципа подтверждается и практикой литературного образования учащихся.

Необходимость сравнительно-типологического подхода к словесному искусству сформулирована еще в варианте обновленной учебной программы 1993 года с ее установкой на широкое изучение русской, зарубежной и родной литератур. Проблема межнациональных литературных взаимосвязей оказывается центральной в историко-литературном курсе словесности в национальных школах. Такое изучение предполагает исследование общего и особенного, сходства и различия в художественной культуре разных народов на различных этапах их развития.

Научные принципы подобного подхода определены в трудах академика Н. И. Конрада, собранных в книге “Запад и Восток”¹. В своей концепции ученый исходит из положения, согласно которому “лишь всемирно-исторический аспект открывает природу исторических явлений во всей ее полноте и значений”, а история любой отрасли человеческого знания выходит “далеко за пределы одного какого-нибудь народа”. В работе “О смысле истории” он приводит на этот счет интересные примеры. Скажем, название известной отрасли математики алгебра имеет арабское происхождение, и в то же время сами арабы многим обязаны в этой области эллинам и индийцам. История логики содержит три линии развития — индийскую, китайскую и европейскую. Знакомые каждому со школьных лет понятия “гласные звуки”, “согласные звуки”, звуки “губные”, “язычные”, “зубные”, были уже в VIII веке известны китайцам, а те в свою очередь узнали о них от индийцев. “Фактов”, свидетельствующих, что история человечества есть история именно всего человечества, а не

отдельных изолированных народов и стран, можно привести сколько угодно и во всех областях”, — замечает Н. И. Конрад. При этом никак не отвергается самобытность каждого, пусть даже малочисленного народа, имеющего свою историю.

Если говорить о словесном искусстве, то и здесь сохраняется отмеченная диалектика. “Литературные связи,.. — пишет автор, — есть проникновение одной литературы в мир другой литературы” (указанный сборник, статья “К вопросу о литературных связях”, 1957). Наглядно обозначаются и конкретные формы такого проникновения. Так, например, европейская литература проникала в литературы Востока “в своем собственном облике”, то есть в подлиннике, — при посредстве писателей, хорошо знающих западные языки. Конрад пишет о японском писателе Хасэгава Фтабатэй, читавшем на русском произведения Тургенева, Гончарова, Гоголя, Достоевского, Чехова. Другой, наиболее массовой формой межкультурного общения является художественный перевод, создающий “...новый языковой облик переводимого произведения, и в этом виде произведение и начинает существовать для данного народа”. В качестве переводчиков выступают обычно те же самые писатели-полиглоты, которые “приводили” в свою страну чужую литературу.

Н. И. Конрад приводит ряд примеров, и среди них особенно впечатляющий — перевод на японский язык рассказа И. С. Тургенева “Свидание”. Упомянутый уже Фтабатэй при переводе кропотливо потрудился над замечательным описанием березовой рощи. Знаменательно, что отрывки из этого фрагмента печатались даже в хрестоматиях в качестве образцов японской речи. Вторая же часть “Свидания” — диалог камердинера с крестьянской девушкой — такого интереса не вызвала. В чем же тут дело? Оказывается, всеобщее внимание привлекли не столько словесно изображенные картины русской природы, сколько приемы ее описания. Японские писатели привыкли к идущей от отечественной живописи так называемой линейной перспективе, соответственно которой подбирались и речевые средства. В пейзаже Тургенева переводчик открыл и для себя и для читателей новое видение природы — глубину пространства, воздушную перспективу, соединенную со светотенью. Сцена же общения барского лакея и крепостной мало что значила для японцев, ибо воспроизведение подобных сентиментальных

историй было для них уже привычным.

Очень важным для понимания специфики формирования многих национальных культур представляется вывод Конрада о роли художественного перевода: переводчик может ставить перед собой задачи особого рода, одна из которых обусловлена “освоением с помощью перевода нового творческого метода” и разработкой соответствующей стилиевой системы. Поэтому художественный перевод оказывается органическим слагаемым историко-литературного процесса, фактором, определяющим его конкретную направленность.

Третьей формой межлитературных связей является воспроизведение в данной национальной словесности содержательных мотивов произведения инационального. Классический пример — “печальная повесть” о восточных Ромео и Джульетте — рассказ о трагической любви юноши к прекрасной Лейле, впервые оформленный в виде поэмы азербайджанским поэтом Низами на персидском языке (1188). Спустя более трех столетий узбек Навои создал по этому сюжету свой вариант, который представляет собой и не перевод, и не совершенно новое произведение. Конрад особо отмечает роль явления национальной адаптации, приспособления. Сюжет и персонажи произведения одной литературы часто трансформируются в произведении другой литературы и обретают соответствующий ее средствам и традициям национальный облик. Так, в 1666 году был издан сборник японских рассказов “О необычайных происшествиях”, воспроизводивший китайские рассказы — но весьма своеобразно: место действия переносится из Китая в Японию, а персонажи-китайцы становятся японцами.

Следует отметить и возможность некоего общего жанра, вариативно, национально специфических формах реализующегося в разных литературах. Конрад имеет в виду предания о Будде, сложившиеся в древней Индии. В конкретном смысле Будда — это обожествленное имя основателя религии буддизма Сиддхартхи Гаутамы, якобы родившегося в результате непорочного зачатия, как и в последствии богочеловек христианского мира Христос. На основе рассказов о Будде и сложился жанр жития, получивший широкое распространение.

Итак, каналы межлитературного обмена разнообразны, отмеченные в этом процессе закономерности помогают освоению художественной словесности — русской, зарубежной и чувашской,

ибо, процитируем еще раз Н. И. Конрада, “мы живем в век национальных литератур”. С этой точки зрения чувашская словесность дает богатый материал для сравнительно-типологических наблюдений и обобщений, имеющих непосредственную значимость и для школьной практики.

Еще в 1960-е годы отечественная наука выдвинула тезис об ускоренном развитии отдельных национальных литератур. Тот же Н. И. Конрад в статье “Проблемы современного сравнительного литературоведения” (1959) привел выразительный пример с японской словесностью, которая прошла основные стадии художественного процесса — от классицизма до символизма — не за столетие, как, скажем, французская литература, а за сорок лет. На материале истории болгарской литературы такую особенность выявил Г. Гачев в книге “Ускоренное развитие литературы”. Спустя почти двадцать лет он написал исследование “Чингиз Айтматов и мировая литература”. По мнению Гачева в известной повести Айтматова “Джамия” сосредоточена вся история мировой литературы. Здесь и романтическая концепция личности, и ее возрожденческая трактовка, и традиции западноевропейского куртуазного романа, и коллизии античной трагедии, и даже перекличка с современной французской прозой, и, естественно, стихия национального фольклора. Примерно в этом же “духе ускорения” рассматривается творение классика чувашской словесности К. В. Иванова “Нарспи” в книге С. А. Александрова, где автор находит взаимодействие различных художественных систем — мифа, ренессанса, романтизма, реализма¹.

Недавно издано исследование Ю. М. Артемьева, посвященное чувашской словесности начала XX века, полезное и для практики школьного изучения родной и русской литературы, в том числе в сравнительно-типологическом ключе. Касаясь роли И. Я. Яковлева в культурном развитии Чувашии, автор трактует его деятельность как “неизбежный результат внутренней эволюции чувашского народа. Просто Европа намного раньше встала на этот путь, чуть позже Россия... Здесь действует одна и та же закономерность историко-культурного развития”². Заключается она в максимальной интенсификации данного процесса, когда на малом временном отрезке происходит освоение большого инационального художественного опыта, достижений европейского и русского искусства.

Характеризуя яковлевский этап, развитие чувашской культуры, А. В. Васильев хорошо раскрыл его экстенсивную сущность, когда осуществлялась смена типов сознания и наблюдалось широкое освоение различных жанровых форм: очерка, рассказа, притчи, диалога, лирической миниатюры, баллады, прозаической басни, поэмы, нравоописательной повести, сатирического памфлета¹. Такое количественное накопление не могло не привести к качественному скачку в эволюции художественного мышления чувашского народа. Это отразилось в творчестве Иванова. Даже биография его является примером интенсивного духовного развития. С. А. Александров удачно подметил особую природу историзма поэмы “Нарспи”, который заключается не во внешних приметах эпохи, а во взаимодействии, в своеобразном совмещении различных творческих систем, то есть различных этапов культурного развития. Вот почему не угасают споры о своеобразии художественного метода Иванова.

В рамках сравнительно-типологического подхода выполнены научные труды Е. В. Владимирова, затрагивающие краеведческий, теоретический, историко-литературный аспекты изучения межнациональных литературных связей. Особую значимость для учителя-словесника представляет его книга “Обретение традиций”, где проанализированы конкретные направления и формы освоения молодой чувашской литературой эстетических завоеваний русской классики Пушкина, Лермонтова, Некрасова, Тургенева, Л. Толстого, Чехова, Горького, Есенина, Маяковского¹.

Еще один существенный, но почти не исследуемый аспект проблемы литературных связей: некоторые чувашские писатели, как и представители других национальных литератур, создавали свои произведения и не на родном для них языке. В советскую эпоху возникла даже своеобразная плеяда русскоязычных писателей (А. Ким, Т. Пулатов, О. Сулейманов), принадлежащих к различным национальностям, но пишущих на русском языке. Рождается вопрос: в каком реальном соотношении находятся одинаковая языковая форма и выражаемые в ней разные типы национального содержания? В примере с Ч. Айтматовым этот вопрос особенно сложен и интересен: киргизский писатель на русском языке создает своеобразную одиссею судьбы Едигея Жангельдина — казаха по рождению и духу. Литературоведение

явно нуждается в специальном анализе этого нового явления духовной культуры контактирующих народов.

Ю. М. Артемьев,
*гл. научн. сотр. Чувашского
республиканского института образования*

О проблемах изучения чувашской литературы в русскоязычной школе

В целостной системе культуры художественная литература занимает одну из важнейших ячеек. В функционировании литературно-художественного сознания того или иного народа (нации) в определенные периоды не исключены явления, когда зеркало критики и научно-теоретический взгляд не адекватно отражают сущность тех или иных фактов, творческих созданий и т. д. Причины этого, как правило, связаны с тем, что методология эстетики подвержена идеологическому диктату или же вследствие скачкообразного развития художественного сознания движение теоретической мысли отстало от живой динамики историко-литературного процесса. Тогда возникает необходимость обновить критерии оценки литературных ценностей, переставить основные акценты с учетом функциональных запросов времени. Именно поэтому литературоведение и история литературы должны постоянно чутко прислушиваться к ритму функционирования и развития национального литературно-художественного сознания, улавливать внутренние импульсы его обновления.

Изучение чувашской литературы в X-XI классах русскоязычных школ республики в настоящее время сопряжено с рядом трудностей. Преодолеть их можно лишь тогда, когда эта дисциплина будет обеспечена хорошим учебником, а также учебно-методическим комплексом. Над решением этих проблем сегодня трудится авторский коллектив Научно-методического центра Чувашского республиканского института образования. Недавно выпущена I часть хрестоматии, ведется работа по составлению последующих частей. В ближайшее время увидит свет и учебник по истории чувашской литературы.

Задачи, стоящие перед авторами настоящего учебника более скромны, нежели те, которые предполагает академическая наука. В соответствии с программой школьного курса “Чувашская литература”, хронологические рамки учебника отражают весь путь, пройденный национальной художественной литературой от истоков до настоящего времени. При этом слишком большой объем материала не позволяет включить в учебник хотя бы даже беглый анализ творческого наследия многих чувашских писателей, а также творения безымянных авторов. Тем не менее, включаемый в учебник материал может дать учащимся русскоязычных школ наиболее важные общие сведения и выработать у них целостное представление о чувашской словесности. На данном этапе предпочтение, отданное автором учебника тому или иному писателю, а также выбор конкретного произведения впрямую зависят от ряда “внешних”, так сказать, приводящих обстоятельств. Так, скажем, весьма значительный объем материала, касающийся “литературного быта” (эпистолярное наследие чувашских писателей, дневники и письма и т. д.), до сегодняшнего дня остаются не переведенными на русский язык, а выполненные посредственными толмачами переводы художественных произведений не дают адекватного представления об уровне развития чувашской словесности, о ее национальном своеобразии, традициях и т. д. Поэтому с особой тщательностью и бережностью нужно проделывать работу по сбору, отбору имеющегося материала, по его осмыслению, анализу и оценке.

Литература каждого народа берет начало из устнопоэтического творчества. Этот неиссякаемый родник не только в бесписьменные эпохи, но и сегодня продолжает живой водой подпитывать творчество мастеров художественного слова. Один из важнейших целей учебника — познакомить учащихся хотя бы с некоторыми основными жанрами чувашского фольклора, с его эстетикой и поэтикой. В действиях и помыслах образов и персонажей нашли отражение вековые чаяния и мечты чувашского народа о свободе, равенстве и счастье, выражены нравственные и этические нормы. Предлагаемые автором образцы устной поэзии должны выполнять не только чисто познавательные и информативные задачи, расширяя кругозор читателя. В них должно ощущаться биение пульса эпохи, это — зеркало, в котором запечатлелись острый ум, смекаливость,

находчивость, человеколюбие самого творца, т. е. народа. Одновременно они должны быть образцами подлинно художественного слова, богатыми, яркими красками, искрометными выражениями, изобразительными средствами, хотя перевод в большинстве случаев в значительной степени обеспечивает совершенную форму подлинника. Но без подобных потерь пока обойтись невозможно. Национальное своеобразие, специфические особенности жанровых форм и красок чувашского фольклора — это слепок душ безымянных поэтов и импровизаторов прошлого. Именно этим восхищался народный поэт Чувашии П. Хузангай, когда писал в своих предсмертных строках: “Учитель мой, народ наш велик, безграничны его ум и внутренняя мощь”. Эту же истину поэт подтвердил своим поэтическим шедевром-циклом стихов под общим названием “Песни Тилли”. Мудрый, как сам народ, Тилли, никогда неунывающий, неисправимый оптимист и балагур — герой устнопоэтического творчества. Обладавший тонким эстетическим вкусом и безошибочным чутьем П. Хузангай, непревзойденный мастер чувашского слова, еще более уплотнил и углубил мысль текстов народных песен, придал образу Тилли цельность и объемность, довел до совершенства музыкальность и упругость стиха. Стихотворный цикл “Песни Тилли” глубоко раскрывает характер и склад души чуваша, в нем содержатся глубинные архетипические пласты, уходящие корнями в восточную афористику. Познакомившись с этими стихами, учащиеся смогут воочию убедиться в том, что сила подлинной поэзии и сегодня черпается из живого источника фольклора — кладезя народной мудрости и гармонии. Стихи эти отражают не только прошлое, в них воплощена также неброская красота чувашской земли и природы.

Учащиеся средней школы, впервые приступающие к изучению истории чувашской литературы, бесспорно хорошо знакомы с творчеством великих русских писателей — Пушкина, Лермонтова, Гоголя, Достоевского, Л. Толстого, Чехова и др. Русская классика еще в 19 веке создала многие шедевры, получившие общечеловеческое признание. По сравнению с ней чувашская литература молода и ее достижения значительно скромнее. Тем не менее, она уже в 19 веке обрела “лица не общее выражение”, в своих лучших образцах обличала социальное и нравственное зло, отстаивала интересы трудового

человека, заряжена была гуманистическим содержательным пафосом. Свои творческие искания чувашские писатели сверяли с произведениями русских авторов, явившимися школой мастерства; подражание и учеба, переводы на родной язык помогли представителям молодой словесности твердо стать на собственные ноги, создать вполне оригинальные художественные образцы. Бесспорный интерес представляет и тот факт, что несмотря на ускоренное развитие, чувашская литература на пути своего становления сумела обозначить “этапы” классицизма, сентиментализма, романтизма просветительского реализма. Конечно, речь идет лишь о характерных явлениях и некоторых тенденциях, а не о классически сформировавшихся литературных направлениях, которыми отмечены, скажем, исторически длительные пути западноевропейских литератур. Тем не менее, эти факты подтверждают наличие общих закономерностей в становлении всех литератур, независимо от возраста и от уровня развития.

Важно было в учебнике отразить историческое значение вклада чувашских просветителей в развитие национальной культуры. Чувашское просветительское движение делится на несколько этапов и в зависимости от программных устремлений и задач в нем сосуществовали, одновременно противоборствуя, разные идейные течения. Особо надо отметить исторически важную роль деятельности представителей так называемого религиозного просветительства. После завоевания Казанского ханства (1552 г.) край Поволжья вошел в состав российского государства. Естественно, геополитическая стратегия царизма на первый план выставила задачу не только социально-экономического, но и религиозно-нравственного освоения вновь завоеванных окраин. Но процессы руссификации и христианизации особого размаха достигают лишь в 18 веке, “когда пришли интеллигенты с западным образованием, они начали руссификацию” (Л. Гумилев). Это явилось прямым следствием Петровских реформ. С этого времени интерес к чувашской истории, культуре, фольклору, языку, этнографии со стороны научной общественности, церкви, миссионеров резко возрастает. Российская академия в Санкт-Петербурге наряжает научные экспедиции, записываются образцы фольклора, ведется работа по составлению первых чувашских словарей и грамматик, переводятся церковные книги и т. д. Все это дало сильный

толчок к постепенной разработке письменности. Приезжие ученые, путешественники, миссионеры, участники научных экспедиций с удивлением для себя открывают таинственный и непривычный мир чувашского народа, записывают его фольклор, пытаются проникнуть в глубины духовной жизни. Собранный богатый материал публикуют в виде книг, брошюр, научных и популярных статей, очерков. Именно благодаря энтузиазму таких собирателей стали известны и остались в истории словесности имена чувашских поэтов Хведи, Ягура и др.

Таким образом, старописьменная чувашская литература, зародившись в XVIII веке, функционирует вплоть до середины XIX века, т. е. до появления просветительской системы Ильминского. И только в 50-х годах прошлого столетия на повестку дня остро встали и по-серьезному были опознаны роль и значение родного языка в школьном обучении детей. Чувашский просветитель И. Я. Яковлев, опираясь на богатый опыт Ильминского, претворяя в жизнь основы его просветительно-идеологической системы, разработал новую письменность, открыл Симбирскую чувашскую учительскую школу, в которой ввел чувашский язык в качестве орудия преподавания дисциплин. Именно этой школе исторически было суждено стать первым крупным очагом национальной культуры. Здесь возникает первая литературная школа, из которой выходит целая плеяда поэтов, таких как Гаврила Кореньков, Гурий Комиссаров, Константин Иванов, Николай Шубоссинни, Федор Павлов и др. Одновременно идет динамичный процесс становления и таких видов искусств, как театральное, изобразительное, музыкальное и т. д.

Следует отметить и то, что вслед за Симбирской школой и благодаря ей, одно за другим возникают гнезда чувашской культуры в Казани (конец XIX в.), в Самарской губернии (рубеж XIX и XX веков), в Уфе (1910-е годы). Все это также дало мощный импульс к развитию различных родов, жанров, форм и поэтико-стилевых систем в дореволюционной чувашской словесности.

Нельзя не отметить и роли переводов с русского на чувашский язык. В начале XX века чувашские писатели на родном языке могли читать многие произведения Пушкина, Лермонтова, С. Аксакова, Л. Толстого, Короленко, Кольцова, Некрасова, Андерсена, Гете и др. Учеба у русских классиков

помогла чувашским литераторам овладеть писательским мастерством, приемами живописания словом, способствовала пробуждению профессионального интереса к тайнам литературного творчества и глубинам человеческой психологии.

Таким образом, хронологически последовательное, поэтапное изучение истории чувашской литературы с преобладающим вниманием к наиболее значительным именам и к их творчеству позволяет однозначно утверждать, что чувашская письменность и словесность не являются младописьменными¹. Национальное литературно-художественное сознание уже до 1917 года в своем развитии достигло значительного уровня. В этом прежде всего велика историческая заслуга патриарха чувашской культуры И. Я. Яковлева. А вершиной дооктябрьского литературного развития стало творчество К. Иванова.

После революции 1917 года чувашская литература возрождается заново и ее творческие поиски становятся неизмеримо сложными и многогранными. Глашатаем революции выступил пламенный патриот и талантливый поэт Михаил Сеспель. Вся его литературная, государственная и общественная деятельность посвящена была возрождению национальной культуры, строительству новой жизни. Идеал поэта был равноправный, обладающий высоким чувством достоинства, живущий созидательным трудом, образованный чуваш. В своих стихах он рисует его романтически возвышенным. "Чуваш с могучим сердцем, житель новой эры, Плечами подпирая неба свод...". Трудно, а то и невозможно было примирить кристально чистые убеждения и абсолютную преданность делу революции с реалиями и действительностью, далеко не совершенными, к тому же трудно поддававшимся немедленной переплавке. Отсюда усиление трагических ноток в стихах и письмах поэта-революционера, а также трагизм всей личной судьбы и жизни. Тем не менее, великий поэт своим творчеством, своими новаторскими стихами на многие годы определил и наметил пути развития всей чувашской литературы. Он произвел коренную реформу чувашского стиха. Новаторские начинания были подхвачены его последователями — С. Эльгером, П. Хузангаем, В. Митгой, В. Рзаем, И. Тукташем, И. Ивником, Я. Уксаем, С. Шавлы и др.

В послевоенные годы в чувашской литературе один за другим рождаются исторические романы. Это период зрелости

и возмужания эпической прозы, углубленного и масштабного осмысления событий далекого прошлого. Романы Хв. Уяра “Тенета”, Н. Мраньки “Жизнь прожить — не поле перейти”, К. Турхана “Свияга впадает в Волгу”, Н. Ильбека “Черный хлеб” и другие по праву вошли в золотой фонд национальной литературной классики. В эти годы романное мышление утвердило себя и в поэзии (“Семья Аптраман” П. Хузангая). Всероссийское признание получило драматургическое творчество автора десятков пьес Н. Терентьева.

Учащиеся 11 класса знакомятся и с некоторыми новыми именами, произведения которых не оставляют равнодушными читателя взыскательного и духовно богатого. Творчество целого ряда крупных писателей в учебнике представлено монографически, но из-за обилия материала многие имена включены в обзорные главы.

Е. Е. Андреева,
*доцент Чувашского
педагогического института*
В. В. Андреев,
доцент Чувашского университета

Особенности глагольного словообразования в чувашском языке

При функционировании языка происходит определенное комбинирование корневых и служебных (словоизменяемых, формообразовательных, словообразовательных) морфем, а также сочетание аффиксальных морфем друг с другом. Конечный аффикс примыкает к предыдущему как к компоненту лексической единицы. Аффиксы словообразования активны до тех пор, пока сочетаются с единицами других уровней и одного с ними уровня. Примером постепенной утраты жизнеспособности аффиксов является существование в языке некоторых непродуктивных формантов, встречающихся лишь в составе двух-трех слов или даже в единичных образованиях, ср. именные аффиксы *-мӑр*, *-са*, *-тӑк*, *-пӑк* (*-лӗк*), *-ске* и т. д., глагольные *-та* (*-те*), *-че*, *-пӑн*,

(-пён), -хан, -хат и др.

Язык имеет ограничения в образовании разных единиц — морфем, слов, словосочетаний, предложений. Уяснение этих ограничений представляет большой интерес для языкознания. Во-первых, это дает возможность выявлению пустых ячеек в словообразовательной системе языка, которые могут быть заполнены или не заполнены в соответствии с нормами языка. Во-вторых, можно будет выявить еще не востребованные деривационные возможности, а также описать типологию словообразовательного синтеза чувашского языка и линейную расположенность морфем в структуре производных единиц.

Порядок морфем в производных словах определяется, во-первых, всей предшествующей словообразовательной историей конкретного инвентаря, представленного в языке, а также распределением в системе деривационных морфем определенных значений. Историю развития слова можно представить в виде цепочки, ср.: *савър* — *саврӑн* — *саврӑнӑç* — *саврӑнӑсу* — *саврӑнӑсусӑр* — *саврӑнӑсусӑрлӑх* “неуклюжесть, инертность”; *пӑлхан* — *пӑлхану* — *пӑлханусӑр* — *пӑлханусӑрлӑх* “спокойствие, невозмутимость”; *сивӗч* — *сивӗчлен* — *сивӗчлентер* “затачивать”; *туй* — *туйӑм* — *туйӑмсӑр* — *туйӑмсӑрлат* “делать менее чувствительным”; *кӑвас* — *кӑвасак* — *кӑвасаклан* — *кӑвасаклантар* “делать кислым”; *кӑк* — *кӑкар* — *кӑкарӑн* “быть привязанным”; *шив* — *шивсӑр* — *шивсӑрлан* — *шивсӑрлантар* “лишать воды, обезвоживать” и т. п.

Определенная часть производных глагольных конструкций относится к более отдаленным от нашего времени словам, другая часть — к более близким. Из многоступенчатых по развитию слов самыми древними являются слова первой степени словообразования, а самыми молодыми — основы последней ступени.

Словообразовательная история определяет и морфемный состав и структуру слова. Кроме того, образование производных слов определяется различными факторами, влияющими на порождение производных конструкций. К их числу относятся и сложившиеся в языке комбинаторные ограничения. Например, в чувашском языке не могут сочетаться аффиксы *-лӑх* (*-лӗх*) и *-тар* (*-тер*), *-у* (*-ӹ*) и *-ӑç* (*-ӗç*), *-сӑр* (*-сӗр*) и *-шка* (*-шке*) и т. д. Не комбинируются глаголообразующие морфемы *-тат* (*-тет*) и *-ӑл* (*-ӗл*), *-ка* (*-ке*) и *-ал* (*-ел*), *-лаш* (*-леш*) и *-ӑç* (*-ӗç*), *-а* (*-е*) и *-ӑн*

(-ён), -ал (-ел) и -тар (-тер) и т. д.

Однако сочетаемость аффиксов — не постоянная величина. Отсутствовавшие в прошлом комбинации могут проявляться в нынешнем состоянии языка, а те, которые не материализованы сейчас, могут появиться в будущем. Например, в фонд лексики чувашского языка сравнительно недавно вошло производное слово с нехарактерным для чувашского языка сочетанием морфем -*ән* (-ён) и -*лăх* (-лэх), ср. *уççăн-лăх* (*уçç-ән-лăх*). Это связано с калькированием русских слов. После этих предварительных замечаний перейдем к рассмотрению конкретного материала.

Из взятого нами для исследования лексического материала (5170 единиц) подавляющее большинство производных глагольных основ (3287 слов, или 63,57 %) состоит из двух морфем — корня и аффикса. Приведем небольшую их часть с некоторыми аффиксами:

-**ла(-ле)**: *йёрле* “следить, выслеживать; следовать за кем-либо”; *кусла* “примечать; наблюдать, следить”; *ăвăсла* “вощить, натирать воском”; *бетонла* “бетонировать”;

-**лан(-лен)**: *тăварлан* “солиться; засаливаться”; *тăвăллан* “разбушеваться”; *вачаклан* “становиться кислым, горьким”;

-**лат(-лет)**: *илемлет* “украшать”; *вăрахлат* “замедлять, затягивать”; *кўплет* “падать с шумом”; *парлат* “быстро взвиваться, вздыматься, подниматься”;

-**тат(-тет)**: *тăпăлтат* “топать, стучать ногами”; *тёнкёлтет* “звякать, бренчать; семенить, ходить мелким шагами”;

-**лаш(-леш)**: *тушлаш* “подружиться”; *вёрлеш* “шуметь, галдеть”;

-**а(-е)**: *вёче* “злиться, раздражаться”; *лăка* “трясти, качать, колебать”;

-**та(-те)**: *варта* “тесать, обтесывать”;

-**ка(-ке)**: *хашка* “пыхтеть, шумно дышать”; *пашка* “тяжело дышать, пыхтеть”;

-**ар(-ер)**: *кёлер* “бучить, парить, золить”; *хытар* “подтягивать, затягивать; делать более строгим”; *ситер* “доводить, довозить”;

-**ăр(-ёр)**: *палăр* “проявляться, виднеться; отличаться”; *ухăр* “ухать”;

-**ал(-ел)**: *кёвел* “скисать; свертываться (о крови)”; *сёнел* “обновляться”;

- әл(-әл)**: *урәл* “трезветь”; *самәрәл* “толстеть, полнеть”;
- ан(-ен)**: *пушан* “пустеть, опоражняться; становиться свободным”;
- ән(-ән)**: *пухән* “собираться, набираться”; *тәрән* “вонзаться, втыкаться”;
- ат (-ет, -т)**: *мәкат* “делать тупым, тупить”; *семсет* “размягчать, делать мягким”; *чәтрет* “трясти, сотрясать”;
- аҫ(-еҫ)**: *валес* “раздавать, распределять”;
- әҫ(-еҫ)**: *сапәҫ* “сражаться, биться”; *тытәҫ* “схватываться, сцепляться”;
- аш(-еш)**: *тиркеш* “быть разборчивым, придирааться”;
- әш(-әш)**: *сәреш* “гнить, подгнивать”; *сәкеш* “бодаться”;
- әрка(-әрке)**: *асәрха* “замечать, подмечать; следить”;
- кәр(-кәр)**: *чашкәр* “шипеть, шуметь”;
- кәш(-кәш)**: *вәйкәш* “бросаться, кидаться”;
- ра(-ре)**: *павра* “болтать, трещать без умолку”;
- ча(-че)**: *тәпче* “расспрашивать, исследовать”;
- мәш(-мәш)**: *урмәш* “ругаться, бесноваться”;
- шән(-шән)**: *ютшән* “сторониться, чуждаться”.

В любом языке из конечного фонда элементов (фонетических, грамматических, деривационных) создается беспредельное количество комбинаций. Каждая комбинация имеет формальное завершение, причем большинство завершенных форм является базой для последующих словообразовательных комбинаций. Таким образом производные конструкции сами становятся исходными.

Структура производного слова поддается количественному изменению. В качестве единицы измерения могут выступать звуки, слоги или морфемы. Первый из названных параметров определяет лишь длину слова, не отражая его морфемной протяженности (усложненности), второй же отражает как морфемную, так и фонетическую организованность слова, т. е. его глубину и длину.

Слова могут содержать столько морфем, сколько позволяет сложившаяся система языка. Структурная характеристика производящих основ помогает установить эти пределы в аффиксальном словообразовании.

По нашим данным часть производной глагольной лексики (1691 слово, или 32,70 %) содержит в своем составе три морфемы. А это означает, что их производящие основы являются

двухморфемными, т. е. словами первой степени деривации.

Обратимся к примерам. Вот некоторые глаголы второй степени деривации, образованные от двухморфемных основ с продуктивными аффиксами:

-ла(-ле): *йёпселе* “прокалывать (иглой); скреплять иглицами”; *майкӑчла* “надевать ошейник; заарканить”; *ӑслӑла* “изобретать, придумывать”; *ирёксёрле* “принуждать, неволить”;

-лан(-лен): *касма́клан* “захлестываться, быть затянутым петлей”; *кёрпеклен* “становиться зернистым, рассыпчатым”; *анса́рлан* “сужаться”;

-лат(-лет): *сурча́клат* “слюнить, слюнявить”; *ӑнсӑрлат* “лишать сознания, разума”; *вайса́рлат* “ослаблять, обессиливать”;

-лаш(-леш): *юнавлаш* “угрожать, грозить”; *сывлӑхлаш* “здороваться, приветствовать при встрече”;

-ан(-ен): *ӑша́рхан* “быть в жару”; *ху́скалан* “гнутья, изгибаться; кривляться”;

-ӑн(-ён): *ва́ркӑша́н* “развеваться, реять”; *пу́старӑн* “собираться, набираться”;

-ат (-ет-т): *ӑнка́рт* “догадываться, понимать”; *хуйха́рт* “причинять горе, печаль”;

-ӑс(-ёс): *курна́с* “встречаться, повидаться”;

-аш(-еш): *ме́кёреш* “реветь, издавать рев”; *те́ккелеш* “толкаться”;

-тар(-тер): *ише́лтер* “разрушать”; *кана́стар* “удовлетворять, устраивать”.

В качестве основы при глаголообразовании могут использоваться и трехморфемные основы, состоящие из корня и двух аффиксов. Таким образом, и слова второй степени словообразования являются базой для деривации.

Примеры:

-лан(-лен): *ку́лленче́клен* “стоять лужами, разливаться”; *сула́нкӑла́н* “становиться ухабистым”; *кана́сса́рлан* “тревожиться, волноваться”;

-лат(-лет): *виле́мсёрлет* “делать бессмертным”; *вите́мсёрлет* “делать неэффективным”;

-ӑн(-ён): *ха́партӑн* “выпячиваться, выпирать”;

-тар(-тер): *ка́ма́лса́рлантар* “вызывать недовольство”; *алта́клантар* “выбивать, делать ухабистым”.

Глаголов, образованных от трехморфемных основ, мы насчитали всего 179, что составляет 3,46 % от общего количества

производной лексики рассматриваемой области словообразования.

В чувашском языке очень мало глаголов, находящихся на четвертой ступени деривации, произведенных от четырехморфемных основ (12 единиц, или 0,23 %). Это такие слова, как *килĕшĕсĕрлен* “становиться неприличным, непривлекательным”, *авкаланчĕклен* “становиться извилистым”, *канăсĕрлантар* “беспокоить, тревожить”, *тухăсĕрлантар* “делать малоурожайным, неплодородным”, *чарусĕрлантар* “баловать”.

Нами выявлены лишь два глагола, созданных на базе пятиморфемной основы: *саврăнăсусĕрлен* “становиться неловким, неуклюжим” и *саврăнăсусĕрлат* “лишать подвижности, делать неловким”.

При рассмотрении слов, выступающих в качестве производящих основ в словообразовании глаголов, обнаруживается следующее. Количество морфем в производящей базе является существенным фактором при словопроизводстве. Глубина, или морфемная протяженность, производящих баз прямо пропорциональна количеству произведенных от них основ. Заданное значение вновь образуемого слова влияет на его протяженность, состав и порядок структурных элементов. Слово с определенным значением имеет соответствующую ему деривационную структуру, присущий ему внутренний предел. Чем длиннее слово, чем больше в нем морфем, тем оно информативнее.

Глаголообразующие основы чувашского языка, выступающие как материальный костяк производных слов, равны обычной основе — основе синтаксической формы слова. Но имеются и усеченные основы.

Как видно из приведенных примеров, самый протяженный глагол в чувашском языке состоит из 6 морфем: производящей основы в составе 5 морфем и заключительного деривационного форманта. В отличие от глаголов первой ступени словообразования, глаголы второй, третьей, четвертой и пятой ступеней имеют как поверхностную, так и глубинную деривационную структуру.

Наши подсчеты показывают, что наиболее продуктивными из морфемных производящих основ являются существенные (1346), далее активны глагольные основы: двухморфемные — (1218), трехморфемные (136) и четырехморфемные (10).

Наименее активными из одноморфемных производящих основ являются местоимения, из двухморфемных — существительные, из трехморфемных — прилагательные.

На современном этапе глаголообразования не представлены производящие основы следующих структурных типов: двух-, трех-, четырех-, пятиморфемные подражательные слова, наречия, числительные, местоимения, предикативные слова; четырех- и пятиморфемные глаголы. Среди двух-, трех-, четырехморфемных основ преобладают глаголы, одноморфемные же основы представлены в основном существительными.

Значительная часть чувашских глаголов образована от производных основ (1883 слова). Но слова, образованные от непроемных, одноморфемных основ, преобладают с разницей в 1404 слова. Таким образом, структурные факторы оказывают сильное влияние на создание новых слов.

Из каких бы частей ни состояла производящая основа, выступая как словообразовательная база, она представляет собой структурное и семантическое единство. Пока вновь созданная лексема не проживется в языке, новых слов на ее основе не создается. Трехморфемные слова — основы с двухморфемными производящими базами — составляют промежуточную группу между центром и периферией глагольной производной лексики чувашского языка.

Средняя глубина производных глаголов равна трем морфемам. Среди новообразований нет или почти нет слов, глубина которых превышала бы среднюю глубину. Тенденция к незначительному увеличению глубины слова поддерживается и усечением основ. Примеры: *шăнкăрав* — *шăнкăравла* “звонить”, *вăрă* — *вăрла* “воровать”.

Структурная и семантическая характеристика производящих основ глаголов способствует и изучению словообразовательной базы чувашского языка в целом.

Анализируя структурные особенности производящих основ, нельзя пройти мимо момента, характерного для глагольного словопроизводства, — образования вторичных основ от заимствованной лексики. Русский язык, будучи средством межнационального общения, является и проводником интернациональной лексики. Многие заимствования широко употребляются в научно-технических и общественно-политических текстах, а также разговорном языке. Это повлияло

и на словообразовательные процессы в чувашском языке. В системе глагольного словообразования можно выделить особый пласт — основы, образованные от заимствованных слов.

Глаголообразование происходит почти исключительно на базе именных заимствований. В качестве мотивирующей основы иногда используется адаптированная форма русского существительного, ср. *расхутла* “расходовать”, *прихутла* “приходовать” и т. д. В основном же глаголы образуются от неадаптированных заимствований с учением флексии, ср. *механизациле* “механизировать”, *яровизациле* “яровизировать”, *приватизациле* “приватизировать” и др. Нами выявлено свыше 500 глаголов с заимствованными основами. Особенностью их является то, что они образуются только при помощи аффиксов *-ла(-ле)*, *-лан(-лен)* и частично с *-лат(-лет)*.

Заимствованные производящие основы вступают в деривационные отношения как цельные основы. Для структурного анализа аффиксальной словообразовательной системы чувашского языка разложение их на морфемы не представляется актуальным. Поэтому мы их относим к одноморфемным исходным основам.

Среди исконно чувашских (тюркских) производящих основ немало таких, которые потеряли былую структурную ясность — членимость на составляющие части. Только при более глубоком этимологическом изучении этих слов можно обнаружить связи между архаичными корнями и формантами. В процессе исторического развития языка в таких словах произошло опрощение, в результате чего они превратились в непроемные точки зрения современного состояния языка. Примерами таких опрощенных основ глаголообразования являются *тусан* “пыль”, *шăрпăк* “щепка, лучина”, *тăнăç* “спокойствие”, *тўме* “пуговица” и многие другие.

Предложенин шухăш пайĕсене уйăрасси

Хальхи вăхăтра чĕлхеçĕсем предложенин хутшăнури пĕлтерĕшне тишкерессине пысăка хураççĕ. Предложени вăл — сынсене пĕр-пĕринпе хутшăнма, харпăр шухăшне ыттисене пĕлтерме, ыттисен шухăшне пĕлме май паракан единица. Кирек епле шухăша та эфир предложени калăпласа йĕркелетпĕр. Предложенин хутшăну сăлтавĕсенчен, тĕллĕвĕсенчен килекен тытăмĕ тĕрлĕ пулма пултарать.

Анчах чĕлхеçĕсем тахçанах кирек хăсан та предложенире шухăшăн икĕ пайĕ сăнланнине асăрханă:

1) калакан мĕн çинчен (мĕнле объект çинчен) шухăшланине кăтартаканни;

2) шухăш объектĕ пирки çĕнĕ хыпар пĕлтерекенни.

Шухăш объектне пĕлтерекен пая хальхи наукăра тема терминпа палăртаççĕ, çĕнĕ хыпар пĕлтерекеннине рема теççĕ.

Темăра та, ремăра та тĕрлĕ элементсем пулаççĕ. Ремăн тĕп элеменчĕ хай ушкăнне кĕрекен сăмахсене грамматика енчен пăхăнтарса тăрат. Ремăн тĕп элеменчĕ — шухăша палăртма чи кирли. Çавăнпа ана шухăш тĕшши теççĕ.

Çак теорию чĕлхе пĕлĕвĕнче чи малтан чех тĕпчевçи В. Матезиус аталантарма пуçланă¹. Ытти çĕршывсенчи чĕлхеçĕсем те чĕлхене çак енчен тишкерме пуçлаççĕ.

Чăваш чĕлхе пĕлĕвĕнче ку ыйтăва XX ĕмĕр пуçламăшĕнчех Н. И. Ашмарин хускатнă: “Когда на какой-либо части предложения делается особое повышение тона речи, то она ставится непосредственно перед сказуемым”¹.

Чĕлхе асталăхĕнче шухăш пайĕсене палăртассипе сыхăннă сăмах йĕркине çутатса паракан ёçсем чылай. Анчах çак ёсри мелсене тĕпченисем вара питĕ сахал.

Сăмахран, ку таранчен татаксене виçĕ енчен тишкернине курма пулат: вĕсен лексика пĕлтерĕшĕ, грамматика пĕлтерĕшĕ тата предложенири вырăнĕ.

Н. И. Ашмарин чĕлхери сăмахсене виçĕ ушкăна уйăрнă: ятсем, глаголсем тата татаксем. Татаксен шутне вăл, хальхипе шутласан, наречисене, хыçсăмахсене, союзсене, междометисене тата татаксене хайсене кĕртет². Чăваш чĕлхинчи татаксене халиччен ятарласа тишкермен-ха. Хăш-пĕр статьясенче татаксен

морфологи паллисене кăна çутатса панă.

Чѐлхери кирек епле сăмахăн пекех, татăксен те кашнин хайѐн пѐлтерѐшѐ пур. Калакан мѐнле хушма информаци пѐлтерессине итлекенни предложенире мѐнле татăксемпе усă курнинчен те пѐлме пултарать. Тѐслѐхсем: *Хамăр тантăшсенчен мѐн пурѐ те эпѐ сѐç ялтан тухса кайнă* (ыттисем ялтах юлнă) (Элпи). *Микулай сăмахѐ мана хама та тѐлѐнтерет* (ыттисене те тѐлѐнтерет) (Илпек).

Юлашки вăхăтра вырăс тѐпчевсисем татăксен предложенири хутшăнупа сыхăннă вырăнне тѐплѐнрех тишкерме кирлине палăртаççѐ. Çакна эфир И. М. Копыленко, М. Г. Щур, Г. Е. Крейдлина, Т. М. Николаева т. ыт. еçсене чѐ курапăр. Вѐсенче татăксене шухăш пайсене, шухăш тѐшшине уйăрмалли хушма мел тесе хаклаççѐ.

Чăваш чѐлхе пѐлѐвѐнче татăксен хутшăнури пѐлтерѐшне И. А. Андреев нумай тишкернѐ¹. Вăл кашни татăкăн, пѐлтерѐшне кура, хайѐн тивѐслѐ вырăнѐ пулнине палăртать. Предложенире татăксене пур сăмахпа та сыхантарма çук, ку вăл калаканăн шухăшне аңланма чăрмантарѐчѐ.

Уйрăмлăхсене шута илсе татăксене икѐ ушкăна пайлама пулать: пѐрремѐшѐсем шухăшăн икѐ пайне, темăпа ремăна палăртаççѐ, теприсем шухăш тѐшшине уйăраççѐ.

Пѐрремѐш ушкăна *ѐнтѐ, акă (ак), авă (ав), ара, вара* татăксене кѐртме пулать.

Çав татăксем темăна палăртнине кăтартакан тѐслѐхсем:

Эпѐ вара унпа пулас самантсене тўсѐмсѐррѐн кѐтетѐп (Лисаев). *Айăрѐ ара ури сине те тăраймастчѐ* (Погильдяков). *Халь ѐнтѐ умри сынна уйăрса илме те май пур* (Илпек). *Паян акă чѐри сўмѐнчи малтанхи юратăвне яланлăхах сўнтересѐѐ* (Элпи).

Çак пѐлтерѐшпех шухăш тѐшшине уйăракан татăксемпе те усă курма пулать. Тѐслѐхрен, *-ах(-ех), та(те), сѐç* татăксемпе:

Хăравсă сѐç сапла шухăшлама пултарать. Çулсем те хайсен черечѐпе иртеç (Илпек). *Яла ситсе юлташсене тѐл пулсанах пурин синечен те манса кайѐ* (Симунов). *Яла ситичченех лашине ерипен уттарса пычѐ Кѐркури* (Петров).

Кун пек тѐслѐхсенче шухăш тѐшши сказуемăй умѐн тăракан сăмах сине ўкет. Темăна палăртма пулăшакан сăмахсем чăваш чѐлхинче татах та пур: *тени, тенѐскер, тесен, пур, пулсан* т. ыт. Тѐслѐхсем: *Иѐрке тени йăлт аташса, ўпне-питне саврăнса кайнă*

(Аслан). *Лешсем пур ниепле те куçёсене усаймаççё, ачашшăн йынашкаласа илеççё те каллех çемсе тўшек çине йăванаççё* (Погильдяков). *Маншăн пулсан карта юпи те мăшăрлă ларать* (Уяр). *Сирёншён тесен пушших чуна кăларса пама хатёр* (Кăлкан). *Тăшман тенёскер пирён тавраран сирёлтёр* (Ашмарин).

Темăна палăртма çавăн пекех *вăл, вёсем* местоименисемпе усă кураççё. Ăна тема пулакан сăмах хыççан унпа пёр хисепре тата падежра йёркелесе лартаççё. Тёслёх: *Анна Ивановна вăл мён ёлёркренпех студентсене хваттере ярса усрать* (Артемьев).

Татаксемсёр пуçне ытти сăмахсем те темăна уйърма пултарнине Н. И. Ашмарин “Опыт исследования чувашского синтаксиса” кёнекере кăтартса хăварнă. Паллах, ун чухне тема, рема, шухăш тёшши терминсемпе усă курман. Анчах предложени шухăшлавпа сыхăннине, шухăш енчен предложение пайлама май килнине тёпчевсё ёнланнă: “Если нужно выставить с большей яркостью одно из имен в предложении, то для этой цели иногда прибегают к помощи местоимений “вăл” и “çавă”, а также пользуются второю формою причастия прошедшего времени от глагола те “говорить” (тени).

Наркăмăш вăл питё усал япала, ёна кăшт кăна çисен те çын билет¹”.

Ремăн тёп сăмахне палăртнине кăтартакан тёслёхсем:

Ял çыннисенчен чылайăшё Микуларан хăрама пăрахрё ёнтё (Максимов). *Çуммăн ларса, шăкăл-шăкăл калаçаççё вара вёсем* (Петров). *Кун çинчен Матруне тăхлачă хай каласа парё ак* (Симунов).

Чăваш чёлхишён ытларах чухне шухăш пайёсенчен пёрне кăна — ремăна палăртни те сителёклё. Пёр татакпах темăна та, ремăн тёп сăмахне те палăртнине кăмăл-туйăма палăртассипе сыхăнтараççё. Кăмăл-туйăм телёшёнчен нейтраллă предложенисенче, чан та, ремăна палăртнипех сырлахатпър. Эмоциллё предложенисенче вара чёлхе ремăна кăна мар, темăна та уйърма хушать.

Ремăри шухăш тёшшине уйърма пултаракан хатёрсем иккёмёш ушкăна кёрессё терёмёр. Чăваш чёлхинче вёсем сахал мар. И. А. Андреев палăртнă тăрăх, мёнле сăмахсемпе сыханма пултарнине кура шухăш тёшшине палăртма усă куракан татаксене виçё ушкăна пайлама пулать¹. Тёпчевсё кунта татаксем шухăш тёшши пулма уйъракан сăмах предложенире мёнле член пулнине те тишкерет.

Чăваш чѣлхинчи хăш-пѣр татăксем предложенири кирек епле сăмаха е сăмах майлашăвне те шухăш тѣшши туса уйăрма пултарасçĕ. Вĕсем пѣрремеш ушкăна кĕресçĕ: *та(те), сес(сех), кăна, анчах, -ах(-ех)*. Пурте хайсем палăртакан сăмах е майлашу хысçан тăрасçĕ. Умĕнчи сăмахсем объект, вăхăт, вырăн пѣлтерешлĕ пулма пултарасçĕ. Тĕслĕхсем:

Кил-йĕр таврашĕнчи кăвакарчăнсем те пѣрре-иккĕ анчах курăнкаласçĕ (хисепе пѣлтерет). *Лашине те вăл, сӑппи анчах тăрса юлнăскере, пĕчĕк ачана пăхнă пек пăхса чĕтрĕ, кўлме юрăхлă турĕ* (объект пѣлтерешлĕ). *Вăхăт ситсен тепĕр яла анчах, автан авăтман яла, куçатпăр* (вырăн пѣлтерешлĕ) (Петров).

Верандăра хамăр телефонистсем сес тăрса юлчĕс (ĕç тăвакана кăтартать). *Мĕне тăрать паян сес кĕвелнĕ турăх!* (вăхăт пѣлтерешлĕ). *Сакăр сăмарта сес тăрать* (виçе пѣлтерешлĕ) (Илпек). *Вĕсем пире сех мар, хайсен хăюллă тарçисене те савăн пекех юратмасçĕ* (объекта пѣлтерет) (Уяр).

Çак ушкăна кĕрекен ытти татăксем те тĕрлĕ пѣлтерешлĕ сăмахсемпе сыхăнаççĕ, вăл сăмахсем предложенире тĕрлĕ член пуласçĕ. Татăксен пѣлтереш сĕмĕнче сес кăшт уйрамлăх пур: *анчах, сес(сех), кăна* татăксен уйăру пѣлтерешĕ, *та (те), -ах (-ех)* татăксен вайлату пѣлтерешĕ пурри палăрать.

Иккĕмеш ушкăна кĕрекен татăксем сказуемăй пулакан сăмахсемпе майлашусене сес палăртаççĕ. Пѣрремеш ушкăнрисем пекех, вĕсем пѣлтереш тĕлешĕнчен уйрăлса тăма пултарасçĕ, анчах предложенире сказуемăй вырăнĕнче сес тăрасçĕ. Кусен шутне *-ске, -иç(-ĕç), -ха, -и, -им, хать, сав, çак* татăксем кĕресçĕ. Тĕслĕхсем:

Анчах та унта патшалăха лешмелĕх тырă хатĕрлемен-ха (Петров). *Эпĕ а́на питĕ лайăх пĕлетĕп-ске* (Артемьев). *Ман сийĕмри тумăм йĕркеллех-ши?* (Илпек). *Анчах лешĕн а́нланмашкăн вăхăчĕ сук сав* (Чебоксаров). *Матюç аппа куçне пѣрре ма́члаттаринчĕ хать* (Игнатьев).

Иккĕмеш ушкăна эфир ыйту татăкĕсене те кĕтрĕмĕр, мĕншĕн тесен вĕсем те предложенире сказуемăй пулакан сăмахпа сес сыхăнаççĕ. Вырăс чѣлхинче ыйту татăкĕсем шухăш тѣшши пулакан сăмаха е сăмах майлашăвне уйăрса кăтартаççĕ, предложение тĕллевĕпе ыйтуллă тăваççĕ. Вĕсемпе сыхăннă сăмахсем кирек епле предложени членĕ те пулма пултарасçĕ.

Вырăс чѣлхинче: *Сестра ли тебя встречает?; Встречает ли тебя сестра?; Тебя ли сестра встречает?*

Чăваш чĕлхинче: *Сана аппу кĕтсе илет-и?; Кĕтсе илет-и сана аппу?; Аппу сана кĕтсе илет-и?*

Чăваш чĕлхинчи ыйту татакĕ предложени ыйтуллă пулнине кăна кăтартать. Шухăш тĕшши пулакан сăмах вара сказуемăй умĕнех вырнашат. Сказуемăя хайне логика ударенийĕпе каланă чухне вăл предложени пуçламăшне куçса ларать.

Ыйту татакĕсемпе вырăс тата чăваш чĕлхисенче тĕрлĕрен усă курни вĕсен функцийĕсем пĕрешкел пулманнинчен килет.

Предложенире шухăш пайĕсем рема-тема йĕркепе вырнаçнă чухне сказуемăй предложени пуçламăшĕнче тăрать, шухăш тĕшшине хай çине туртса илет. Анчах та сказуемăй шухăш енчен чи кирли пулнине çак йĕркепе палăртни темăпа рема йĕркине пăсать. Çавăнпа апа хай вырăнĕнчех хăварса шухăш тĕшши пулнине палăртма çўлерех асаннă татаксемпе усă кураççĕ. Ку татаксем предложенири ытти сăмахсемпе те сыхăнсан, сказуемăй шухăш тĕшшине хай çине туртса илнине эпир палăртайман пулăттăмăр. Анчах та çак çирĕп йĕркене пăсна тĕслĕхсем пайтах тĕл пулаççĕ, уйрамах поэзире. Çакан сăлтавĕсем тĕрлĕрен пулма пултарасçĕ: вырăс чĕлхин витĕмĕ, савăсен янăравлăхне шута хуни т. ыт. те.

Вулакан е итлекен шухăша тĕрĕс аналтан тесен пуплевре чĕлхере çирĕпленнĕ йĕркесене пăхăнмалла. Хай пĕлтерĕшлĕ сăмахсене эпир шухăша кура тивĕслĕ йĕркепе вырнаçтаратпăр пулсан пулăшу пĕлтерĕшлисене те (уйрамах татаксене) пуплевре аста килнĕ унта лартса хураймастпăр.

Çўлерех эпир икĕ тĕрлĕ татаксене пăхса тухрăмăр. Кусемсĕр пуçне вĕсенчен уйрăлса тăракан *тин* татак пур: вăл глагола аналтанаракан вăхат пĕтерĕшлĕ сăмаха феç уйăрма пултарать. Тĕслĕхсем: *Валерий хĕр ачасене иккĕмĕш курса куçсан тин курчĕ* (Лисаев). *Халтан кайса тăнне сухатнă каччă пĕрер сехетрен тин куçне усрĕ* (Симунов).

Чылай чухне предложенире шухăш тĕшшине палăртакан темисе татак та пулма пултарать. Вĕсем кашни тĕрлĕ сăмахпа е пĕр сăмахпа кăна сыхăнма пултарасçĕ. Пĕр сăмахан хутшăнури пĕлтерĕшне икĕ-виçĕ татакпа палăртни те тĕл пулат, ытларах вĕсем сказуемăя уйăрасçĕ. Тĕслĕх: *Этемĕн тăнĕ-пусĕ сысна вити мар-çке-ха* (Симунов). Калаçура шухăш тĕшшине палăртма татаксене виçĕрен ытларах ярамласа кайни те тĕл пулат. Тĕслĕх: *Юрри аванах та мар пулĕ те ёнтĕ* (Ашмарин). Çапла туни калаçăва перекетсĕрлет тата мелсен хакне чакарать.

Ҷавън пекех предложенири темиҶе сáмах Ҷумне татáк хушни те тёл пулать. Тёслэх:

- 1) Аттепе анне // паян сана кётрёҶ.
- 2) Аттепе анне // паян та сана кётрёҶ.
- 3) Аттепе анне // паян та сана ҶеҶ кётрёҶ.

Пёрремёш предложенире шухáш тёшши *сана* сáмах Ҷине ўкет, мёншён тесен вáл сказуемáй умён унпа юнашар вырнаҶнá. Иккёмёшёнче *та* татáк *паян* сáмахáн пёлтерёшне вáйлатать. Шухáш тёшши Ҷак сáмах пулма тивёҶ. Унсёр пуҶне вырáнён-йёрки тáрáх *сана* сáмах та шухáш тёшши пулас туртáмлá. Кун пек хирёҶўлёхне вара пуплевре интонаци татса парать. ВиҶҶемёш тёслэхре *сана* сáмах шухáш тёшши пулнине татáклáнах калама пултаратпáр, мёншён тесен ун Ҷумёнче пёлтерёшне вáйлатакан ҶеҶ татáк пур.

Шухáш тёшшине уйáракан татáксен хисепне ўстерни пур Ҷухне те предложени шухáшне кирлё пекех уҶáмлá тáваймасть, мёншён тесен татáк йышáннá сáмахсем предложенире темиҶе те пулма пултараҶҶё, шухáш тёшши вара вёсенчен пёри кáна пулма пултарать. Тёслэх: *Ухтиван тáруках нимён те тупса калаймарё* (Уяр). Кунта икё сáмах Ҷумёнче палáрту татáкёсем пур (тáруках, нимён те). Вёсемсёр пуҶне сказуемáй умёнчи *тупса* сáмаха та логика ударенийёпе калама пулать. Кун пек тёслэхсенче палáрту татáкёсемлё сáмахсене эфир яланах палáртса калатпáр. Сказуемáй Ҷумёнчи сáмахáн вара морфологи паллисем Ҷук. Ҷавънпа та унáн хáйне шухáш тёшши таран Ҷёклеме интонаци вáйё яланхинчен ытларах кирлё.

Чёлхе мелёсенчен ыттисем те тёл пулаҶҶё предложенисенче:

1) сказуемáя Ҷуклá формáра лартни: *Эпё сире вáйпа ёнентерместёл.*

2) сказуемáй вырáнёнчи глагола килёҶўллё наклоненине лартса -чё аффикс йышáнтарни: *Килсе кайинччё хáть пёр кунлáха.*

3) сказуемáй шутне кёрекен икё глагола та пёр формáра лартни: *Тёлённипе унáн куҶё чарáлчё кайрё.*

4) сáмаха икё е темиҶе хут калани: *Эпё вёсен аллисене тытса хыттáн-хыттáн чáмáртарáм.*

5) кирлё сáмахáн уҶá е хупá сассисене вáрáмлатса калани: *Кунта мёнле хитре-е-е!*

6) сáмахáн ударени вырáнне куҶарни: *Тамара йёкёте каялла*

таврәнма тарха'сласа ыйтатъ.

7) пёр харӑс темиҫе мелпе уйӑрни: *Кёмсёр-кёмсёр-р-р!* турӑ аслати (сӑмахӑн вырӑнӑ-йӑрки; икӑ хут калани; сасса вӑрӑмлатни).

Ҫак мелсенчен чи тӑтӑш тӗл пулаканнисем — ятарлӑ татӑксем. Татӑксем калаҫӑва тӗрӗсрех те ӑнланмалларах тума май параҫӑ. Ҫыру чӗлхи те, калаҫу чӗлхи те ҫак сӑмахсемсӗр уҫӑмлӑ пулма пултараймасть.

А. В. Емельянова,
аспирантка Чувашского государственного университета

Средства выражения темы и ремы в чувашском предложении

В зависимости от того, что сообщается в предложении, устанавливается особое соотношение между его компонентами. Обычно в предложении вычленяются два основных компонента: первый из них обозначает исходное в сообщении, второй содержит наиболее существенное, т. е. то, ради чего высказывание было осуществлено. Эти части принято называть темой и ремой.

Актуальное членение предложения (деление его на тему и рему) обычно подсказывается семантико-синтаксическими связями и взаиморасположением компонентов высказывания. В языке существуют определенные схемы, обеспечивающие осуществление коммуникативного задания. Например, конструкция с препозицией подлежащего и постпозицией сказуемого предназначена для стандартного выражения темы и ремы. Рема указывает на признаки, свойства, состояния, действия субъекта и выражается прилагательными и глаголами. Тема указывает на субъект и выражается словами с предметным значением — именами собственными или нарицательными, местоимениями.

Позиции темы и ремы в структуре предложения могут занимать не только подлежащее и сказуемое и их группы, но и любые грамматические члены — по одному или в сочетании друг с другом. Не вызывает особых затруднений разграничение темы и ремы в предложениях, например:

а) с пространственным значением темы: *Ял хёрринче*

тўремрех сёрте / ёне ферми вырнашнă. “На околице, ровном месте, расположилась ферма” (Ухли). *Сул хёрринче / арман ларать.* “Возле дороги стоит мельница” (Лисина).

б) с временным значением темы: *Сёркас / юр ўкнĕ.* “Прошлой ночью выпал снег” (Лисина). *Кёркунне-суркунне / пўрте шыв каять.* “Осенью и весной протекает крыша” /Артемьев/.

в) субъективным или предметным значением темы. Рема содержит нечто сообщаемое об этом лице или предмете. Такое соотношение темы и ремы типично для двусоставных предложений. Например: *Йĕкĕт / султан пăрăнса тăчĕ.* “Юноша сошел с дороги” (Ухли). Сказуемое в таких предложениях бывает не только глагольным, но и именным. Например: *Пирĕн хурчĕ те / ахаль хурт мар.* “У нас и пчелы — не простые пчелы” (Лисина). Тема может быть выражена не только подлежащим, но и субстантивным дополнением: *Майра инкене / епле те пулин тытса чарасах пулать.* “Тетю Майру как-нибудь надо остановить” (Лисина).

Описание грамматической функции порядка слов в предложении традиционно опирается на учение о членах предложения. Исследователи задачу синтаксиса видят в том, чтобы на основе этой традиционной идеи создать учение о членах предложения, отражающее сегодняшний уровень знаний о строении предложения. Теория актуального членения не исключает использования понятий о членах предложения, а напротив, активно оперирует ими. Для актуального членения основным критерием объяснения того или иного порядка слов являются смысловые отношения между компонентами. В чувашском синтаксисе основной функцией словопорядка в предложении считается коммуникативно-синтаксическая. Письменная речь у нас предпочитает четкую подлежащно-сказуемую схему, резко ограничивая употребление других структурных схем.

Придерживаясь этих ориентиров, можно сказать, что место подлежащего связано с разграничением субъекта и предиката высказывания. В предложении *Вучахри юман кăварĕ сийĕпе кăвак сулăм явăнать* (Лисина) субъектом является сочетание *Вучахри юман кăварĕ сийĕпе*, предикатом — группа глагольного сказуемого *кăвак сулăм явăнать*. А в предложении *Кăвак сулăм вучахри юман кăварĕ сийĕпе явăнать* субъектом является

подлежащее *Кăвак сұлам*, предикатом — группа глагольного сказуемого *вучахри юман кăварё сийёпе явăнать*. Таким образом, при помощи порядка слов мы выделяем компоненты высказывания — тему и рему. Это и есть основная, коммуникативная функция порядка слов в чувашском языке.

В то же время порядок слов можно объяснить и с точки зрения самой структуры предложения. Внутри предложения слова объединяются в отдельные блоки, называемые синтагмами, по бинарному принципу. Так, в предложении *Автобус пёр каслă ял хушшине кёрсе каять* “Автобус заходит в деревню с одной улицей” различаются следующие синтагмы: *кёрсе — каять; ял — хушшине; пёр — каслă*. И все эти синтагмы вступают в бинарные отношения со словом автобус.

В каждой синтагме два члена, один из них является определяемым, другой — определяющим. В тюркологии принято их обозначать терминами детерминирующий компонент и зависимый компонент. Определяемый член располагается на втором месте, определяющий на первом. Расположение слов внутри предложения строго обусловлено иерархией связей. В предложении *Вучахри юман кăварё сийёпе кăвак сұлам явăнать* сочетание *кăвак сұлам* находится рядом со сказуемым именно потому, что внутри предложения оно прежде всего связано с ним. Точно так же слово *вучахри* находится на данном месте потому, что выступает в качестве определяющего компонента к сочетанию *юман кăварё сийёпе*. Эти связи устанавливаются в соответствии со смыслом высказывания. Изменение же смысла высказывания ведет к установлению новых связей.

Таким образом, коммуникативная функция словопорядка в предложении неотрывна от синтаксической, т. е. налицо коммуникативно-синтаксическая функция порядка слов в чувашском предложении.

В чувашском языке при прямом порядке слов наибольшей устойчивостью характеризуется лишь сказуемое: оно находится в постпозиции. Рядом с ним стоит компонент, выражающий суть нового сообщения, а в начале предложения компонент, выражающий предмет речи. В большинстве случаев тема выражается грамматическим подлежащим либо обстоятельственными членами, куда входит и дополнение. Ядро ремы может быть выражено различными грамматическими членами. Следовательно, обычный порядок слов в письменной

речи таков: подлежащее — обстоятельственные члены — сказуемое; либо обстоятельственные члены — подлежащее — сказуемое.

Порядок слов в теме существенной роли не играет. Когда тема имеет структуру распространенную, она включает в себя слова, связанные друг с другом семантически и грамматически. Когда она нераспространенная, то состоит из одного компонента.

В отличие от темы, порядок слов в составе ремы подчинен твердой закономерности: непосредственно перед сказуемым располагается ядро ремы, независимо от того, выражено оно подлежащим или обстоятельственными словами. Все остальные компоненты дистанцируются от сказуемого сообразно своей значимости в структуре высказывания. Таким образом, порядок слов является релевантным для выделения ядра высказывания.

Ядро ремы может изменить свою позицию и передвинуться ближе к началу предложения. Это происходит в том случае, когда ядро ремы выделено с помощью особых показателей (частиц) или редупликаций. Например, в предложении *Коля ик аллипе те пусне ярса тытрё* “Коля обеими руками схватился за голову” (Артемьев) наличие усилительной частицы *те* перетягивает логический центр на компонент *ик аллипе*.

Текстовые примеры убеждают в том, что в составе ремы только место сказуемого является устойчивым. Обычно оно находится в самом конце предложения. Остальные слова, в зависимости от коммуникативной цели, могут менять место, хотя существуют потенциальные возможности изменить и место сказуемого в реме. Например: *Киле / халтан кайса таврәнчэ Маюк инке* “Домой вернулась, выбившаяся из сил, Маюк инке” (Лисина). В этом предложении сказуемое изменило свою обычную позицию — передвинулось к началу ремы. Ядро ремы тоже продвинулось к началу предложения. Сказуемое может занять место и в абсолютном начале предложения: *Нумайланчэс / ситменлэхсем ял хусалэхёнче / уйрәмах юлашки сұлсенче* “Прибавилось недостатков в сельском хозяйстве особенно в последние годы”. В таком случае само сказуемое становится ядром высказывания, приобретает сильную логическую акцентуацию, и рема предшествует теме. Нарушается обычный порядок слов в предложении: мы имеем обратный порядок слов, или регрессию.

А. П. Долгова,
Гуманитари әсләләх
институчән еҗченә

Ыйтуллә предложени интонацийән хәш-пәр уйрәмләхәсем

Хәш-пәр тәпчевсәсем интонацие ыйтәва паләртакан тәп мел тесе шутлаҗсә. Теприсем вара интонаци ыйтәва паләртассипе сыхәнман теҗсә. Интонаци — пуплевән яланхи элементчә, җырура ун уйрәмләхәсене эпир чарәнү паллисем лартса кәтартатпәр. Интонаци паләрәмәсен шутне сасә тонә улшәнни, сасә вайәпе тембрә, каланин хәвәртләхә кәреҗсә. Мән тума кирлә-ха интонаци? Чәлхеҗсәсем интонаци икә төрлә функци пурнәҗланине паләртаҗсә: 1) пуплеве йәркелесси — пуплев юхәмән пәлтерәшлә пайәсене (синтагмәсене) уйәрасси; 2) пәлтерәш паләртасси — кунта хутшәнү тәллевәсене кәтартма, кәмәл-туйәм хусканәвәсене тата ырлани-хурланине уҗса пама пуләшнине кәртеҗсә.

Ку е вәл пуплев сыпәкне (предложение е текста) төрәс интонаципе калама вәрентесси — чәлхе дидактикин пысәк пәлтерәшлә пайә. Тәван чәлхепе калаҗаканән пуплев интонацийә ятарласа сәнаса-туса пымасәрах, хәнәху шайәнче йәркеленет. Ачаран чәвашла калаҗса шул җулне җитнә ачасем тәллевә енчен төрлә йышши предложенисене сасса төрәс кәвәлесе, җәмәлләнах калаҗсә. Җавәнпа та шул учебникәсенчи “калуллә интонаци”, “ыйтуллә интонаци” йышши терминсен пәлтерәшә вәсене шухәшлаттармасть те. Чәваш чәлхине иккәмәш чәлхе, ют чәлхе шучәпе вәренекенсене вара мәнле шухәша мәнле интонаципе каламаллине кәтартма тиветех. Анчах чәваш пуплевән интонацине халиччен кирлә таран тәпчемен, җавна май паян та чәлхе әсләләхә шул методикине җителәклә пуләшу парса пыраймасть. Ытти чәлхесене вәрентес еҗре интонаци ыйтәвә тахәнах пысәк ырән йышәнать. Акә ырәс чәлхин методисчәсем әсләләх пәтәмлетәвне шута илсе уҗәмлә сәнүсем парасә. Җырәс чәлхеҗсәсем пуплев интонацине төрлә енлән тишкерсе унән җичә тәсә (интонационные конструкции) пуррине паләртнә. Интонаци компонентәсен җав майлашәвәсем хәйсем тәллән (лексикапа

грамматика майёсемсёр) пуплев сыпакёсен пёлтерёшне палартма пултараймаççё, вёсенчен пёри те грамматика пёлтерёшёпе сыханман. Тёслёхрен, виççёмёш йышши конструктори предложени синтаксисне тата лексика тытамне кура ыйтава палартма та, калулла е хистевлё предложени йёркелеме те пулашатъ. Таса (камал-туйам паларамёсемсёр) ыйту вара тёпрен илсен иккёмёш, виççёмёш тата таваттамёш тёслё майлашусенче паларать¹.

Палла ёнтё, ку е вал пёлтерёше палартма кашни чёлхе хайён мелёсемпе, хайён хатёрёсемпе уса курать. Апла пулсан чаваш чёлхинче ыйту предложенийёпе интонаци мёнле сыханура тарасçё-ха? Чаваш чёлхин интонацине халиччен грамматика мелёсен шутёнче те², фонетика объекчён шутёнче те³ типкерсе пәннә.

Эпир кунта чаваш пуплевён интонацийё синчен тёпчевсёсем халиччен мён каланине пётёмлетсе унан функцийёсене палартса тухасшан. Интонацин тёп функцийё — пуплеве йёркелесси: вал кашни предложениех саса телёшёнчен пёрлештерсе тарать; чаваш интонацийё ытларах чухне саса тонё малтан хәпарса, унтан анса пынипе паларать. Апла пулсан чаваш чёлхинчи предложени ялан тенё пекех вёслену интонациллё пулатъ. Интонаци — предикаци мелёсенчен пёри, анчах чаваш чёлхинче интонаци пайти кунта вырас чёлхинчинчен пёчөкрех: чаваш предложенийёсенче предикацие ытларах глаголән модальлөх формисем палартаççё. Предложенин шухаш пайёсене уйарма та чаваш чёлхинче интонаципе мар, ятарла формасемпе, предложенири сәмахсен выранё-йёркипе катартаçси тёп выранта тарать⁴.

Тёпчевсёсем чаваш чёлхинче интонацин пёлтерёше палартас функцийё вайлах маррине палартаççё. Интонацин предложени теллевне палартасинчи выранё пирки вара пёр шухашлах сукрах. С. П. Горский интонацие улаштарса пёр тытамла предложениренех калулла, ыйтулла, кашкарулла пуплевсем тума пулатъ, чаваш чёлхинче ыйтулла интонаци те, кашкарулла интонаци те пур тенё. Вал илсе катартна терлө теллевлө предложенисен интонаци схемисем пётёмёшле илсен пёр евөрлех куранаççё¹. Хальхи чаваш пуплевёнче пёр тытамла предложенисене интонаци мелөпех ыйтулла е калулла тума май килнине хаш-пёр тёпчевсёсем вырас чёлхин витёмөпе аналантаççё.

И. А. Андреев чаваш чёлхин синтаксисне тёпченё май сапла

сирёплетсе каланă: “чăваш чĕлхинче ыйтулă предложени ыйтусăррисенчен интонаципе мар, чи малтан ыйту сăмахёпе ыйтуллă татаксем пуррипе (урăхла каласан, лексикапа грамматика тĕлĕшĕпе) уйрăлса тăрать”². В. И. Котлеев та чăваш интонацине техника хатĕрĕсемпе тишкернĕ хыççăн ыйтуллă предложенисенче ятарлă интонаци çук е вăл пысăк вырăн йышăнмасть тесе палăртнă³. Илсе кăтарти схемăсем те тĕпрен илсен сакнах сирёплетеçĕ: ыйту сăмахёсемлĕ предложенисенче ыйту сăмахё çинче тон çўлелле хăпарса илет те предложени вĕçнелле анса пырать; **-и**, **-ши** татаксемлĕ предложенисенче ыйту таткăкĕ предложени вĕçенчи сăмах хыççăн пулсан сĕç сайра хутра интонаци çўллĕ шайпа вĕçленме пултарать.

Г. П. Петров, пĕр енчен, интонацин предложени тĕллевне уйăрас функциĕ çук тенĕ, тепĕр енчен, “пĕр-пĕр фраза ыйтуллă е ыйтусăр пулнине вĕсен интонацине кура сĕç уйăрма пулать” тесе хăварнă². Анчах та, пирĕн шутпа, çўллĕ тонпа вĕçленекен интонаци юлашки предложени тĕллевне (ыйтуллă пулнине) мар, калаканăн кăмăл-туйăмне палăртать.

Эппин, интонаци предложени тĕллевне кăтартмасть: ыйту сăмахёсемпе **-и**, **-ши** татаксем умĕнчи сăмах çинче сасă тонĕ кăштах хăпарса илин çав сăмахсем предложенин шухăш тĕшши пулнинчен килет, çак пулăма урăхла логика ударенийĕ теçĕ. Пуплевре вара ыйту местоименийĕсемпе татăтăкĕсемсĕр ыйтуллă предложенисем чылай тĕл пулатпăр. Вĕсем пурте вырăс чĕлхи витĕмĕпе пулнă та чăваш чĕлхин тĕп нормисене пасаçĕ-ши?

Чĕлхеçĕсем чăваш чĕлхинче ыйтăва ятарлă сăмахсемпе татăкĕсемсĕрех, ыйту интонацийĕпе палăртма май пурри çинчен каланă: *пулас, пулĕ, пулмалла, тесен* сăмахсем, **-сан**, **-сен** аффикслă деепричастисем, модальлĕх сăмахёсем, е союз кĕрекен ыйту предложенийĕсем çинчен С. П. Горский, И. А. Андреев асăнса хăварнă.

Эпир те илемлĕ литературăра, публицистикăра, вĕрену кĕнекисенче тата халăх сăмахлăхенче сакан евĕр предложенисем чылай тупрамăр. Пирĕн картотекăра пĕтĕмпе пине яхăн тĕслĕх пуханчĕ. Вĕсене ушкăнласа тухма пулать.

Иккĕленĕвĕн тĕрлĕ сĕмĕсене, “пулма пултарать” тенине, “сапла-ши, сапла мар-ши” тенине пĕлтерекен **-тăр (-тĕр)**, **те**, **тев**, **шет**, **-тем**, **пулĕ (пуль)**, **пулас**, **пулмалла**, **пулинех**, **пулать**, **элле**, **имĕш**, **ахăр**, **ахăртне**, **ахăртнех** модальлĕх сăмахёсемлĕ,

паллә мар местоимениллә ыйту предложенийёсемпе калакан хай мён илтни-курнине шансах кайманнине паләртать. Чылай чухне иккёленү пёлтерёшлө ыйту предложенийёсем хурав пама хистемессё те (риторика ыйтәвёсем). Пирён пуплевре иккёленү пёлтерёшлө пёр пек тытәмлә предложенисем ыйтуллисем те, ыйтусәррисем те тёл пулма пултарассё. Танлаштарәр: *Тен, вәл халё те институтра вёренет пулө?* (Артемьев). *Тен, шәпах сав самантсенче суралнә пулө манән журналист пулас ёмёт ...* (“Ялав”). Сакән йышши ыйтуллә предложение каланә чухне сасә пуплевён малтанхи пайёнчипе танлаштарсан сүллёрех шайпа вёсленет. Ыйтусәр предложени интонацийё вара калуллә предложенин евёрах вёсёнче сасә аннипе паләрать. Ыйтусәр предложенисем кун пек чухне ыйтуллисенчен калаканән иккёленёвё сахалтараххине пёлтернипе уйрәлса тәрассё.

Условие пёлтерекен **тәк (тёк), пулсан, енчен, эхер** сәмахсемпе -сан (-сен), -сассән (-сессён) аффиксsemлө деепричастипе пёрле а, е союзсем, **пулсан** союзпа **тен, каләпәр** сәмахсем тёл пулассё. Ыйтакан сын кун йышши предложенисемпе унта кәтартнә услови пурнәслансан мён пулма пултарасса пёлме усә курать. Вёсенчи ыйту пёлтерёшө контекстран е пуплев ситуацийёнчен килет теме пулать, хайне евёр “каласа пётер-менлөхе” пула интонаци те сүллө шайрах вёсленет.

Суйлавләха кәтартакан е; те; е ..., е; те ..., те уйәру союзёсем те ыйту предложенийёсем йёркелеме пултарассё: *Эпё нимён тума аптәрарәм. Ман сукмакәм — те каялла, те малалла?* (Алентей). Вёсемпе усә курса автор ыйтура хәех хурав варианчөсем сёнсе пәхать. Чылай чухне сакән йышши предложени умёнчи пуплевсем ыйтуллә пулассё: *Гена чәнласах Платона вуланә-ши? Е вуламан?* (Емельянов). Вёсен интонацийё маларах асәннә иккёленүллө ыйту предложенийёсенчи пекех.

Уйәру союзёллө ыйту предложенийёсене контекстран килекеннисен шутне кёртме пулать. Контекстран е пуплев ларутәрәвёнчен килекен ыйту предложенийёсем урәх йышшисем те тёл пулассё: *Пәхәр-ха эсир унән сән-пичё сине: мён чухлө йёр унта? Сырма шәйәрлан?* (Ефимов). *Пуян хёрё пусупа Мёншён сапла хәтлантән? Ёмёр курман намәса Ват пусәма кәтартрән?* (К. Иванов). *Тен, нимён те пулса иртмен? Каштанов та вёсен кёлетне сөнө тырә шыраса килмен? Коля та хулана кайман?* (Емельянов).

Асәннә төслөхсемсёр пусне юлашки вәхәтра каласу

чѣлхинче те, хаҫат-журналпа илемлѣ литературара та ятарлă мелсемсѣрех йѣркеленѣ таса ытуту предложенийесен тѣслѣхѣсем тѣл пулма пуҫларѣҫ: *Вăл мана каламасăр пѣлтернѣ?* (Петровская). *Анчах пирѣн пата та пырса куратнах эс, шăллăм. Килѣшетпѣр ҫапла?* (Краснов). *Ҫăлăнăҫ Муҫкавра кăна?* (“Хыпар”). Чѣлхеҫесем ҫак пулама тѣрлѣрен хаклаҫсѣ. Пѣрисен шучѣпе, ҫакă чăваш чѣлхишѣн ют пулам, вăл вырăс чѣлхин витѣмѣпе аталаннă. Теприсем вара ҫаканта чѣлхе хайѣн шалти саккунѣсене пăханса аталаннине кураҫсѣ. Пирѣн шутпа, таса ыйтăва местоименисемпе е татăксемпе палăртаси — чăваш чѣлхин палла уйрăмлăхѣ. *Чăн чăвашшăн Эс мана куртăн? Вăл киле кайрѣ?* йышши предложенисем тѣрѣс туйанма пултараймаҫсѣ.

В. В. Алмазов,
*Чăваш университетчѣн
аслă преподавателѣ*

И. А. Андреев чăваш ячѣсене тѣпчени

Кирек хăш чѣлхе лексикисе те икѣ ушкăна пайланать — пайăр ятсем тата пайăр мар ятсем. Чѣлхе пѣлѣвѣнче пайăр мар ятсене тѣпчессине маларах хураҫсѣ. Чăваш чѣлхинчи пайăр мар ятсене те, акă, XVIII ѣмѣртех тѣпчеме пуҫланă. Пайăр ятсене вара XIX ѣмѣр вѣсѣнче кăна асăна пуҫланă. Н. И. Золотницкий, И. А. Износков ѣсѣсенче хăш-пѣр ял ячѣсен пулăвѣ ҫинчен асăнни тѣл пулкалать. Ҫын ячѣсене XX ѣмѣр пуҫламăшѣнче Н. И. Ашмарин тата В. К. Магницкий пухса тѣпчеме пуҫланă. Ун хыҫсăн ку ѣсе ытти тѣпчевсѣсем те хутшăннă.

Пайăр ятсем — чѣлхен пысăк пѣлтерѣшлѣ пуянлăхѣ. Пѣр-пѣр вырăн, ҫын ятѣнче халăх историйѣ те, культуры те, тѣнѣ-ѣненѣвѣ те, йăли-йѣрки те палăрать. Пайăр ят пѣлтерѣш тѣлѣшѣнчен ахаль сăмахсенчен уйрăлса тăрать: вăл пѣтѣмѣшле алава мар, пѣр-пѣр уйрăм япалана ят парать. Калăпăр, ял тесе кирек мѣнле яла калатпăр, Чăнтăр вара — пѣр уйрăм ялăн ячѣ. Ҫавна май чылай чухне топоним е антропоним чѣлхере сыхланса юлман сăмахсене е формăсене упраса хăварать, чѣлхе историне те, халăх кун-ҫулне те тѣпчесе пѣлме пулăшать. Унсăр пуҫне

пайър ятсенче лексикапа грамматика телешенчен хайне майла уйрамлахсем пулма пултарассе.

Пайър ятсене тепчес ес чаваш челхе пелевенче 60-меш сулсенче сене вайпа аталанма пуслать. Сын ячесене ятарласа тепчессине И. А. Андреев пусарать. 1964 султа вал "Чаваш календаренче" таван челхе тымаренчен тухня ятсем синчен статья каларать. Ку ыиту малашне те унн тепчев есенче пысак ыран йышанать.

Паян кун таташ илтенекен ятсене кана асра тытсан чаваш ячесем синчен пайарран каласма салтав та сук темелле. Олег, Дмитрий, Сергей, Кристина, Эльза — мен чавашлах пулар ку ятсенче? Анчах чавашсен яланах кун пек ятсем пулман. Асларах усемри сынсем хушшинче Йаван, Петер, Микулай, Марье, Тарье еверле ятсем чи таташшисем пулна, Йаканат, Уртем, Матерне, Укахви ятсем те йышла пулна. Пер вяхтра пуранакан, анчах терле усем ушканенчи сынсен ячесем раснарах пулма пултарассе. Анчах асанны ятсем пурте — православи тенепе кенескерсем. Елек-авал чавашсен ман аслашшесем менле ятсемпе сурене-ха? Тата ят парассин йали-йерки еплерех пулнши? Сак ыитусене пуслас хускатня И. А. Андреев хай ессенче. Таван челхе тымаренчен тухня ятсем шутне вал Кашкар, Упа, Чеке, Парчкан, Ахах, Мерчен йышшисене кертет, сакнашкал ятсенче тотемизм йере паларнине сиреплетет.

И. А. Андреев тепчесе пелне тарях, ят парассинче чавашсен сакан пек йерке паларать: ывал ачана сер синче чупакан чер чун е пула яче, хер ачана весен кайак яче паня. Килти выльях (лаша, ене, сурах, така, тиха, путек) е кайак-кешек (хур, кавакал, чях, автан, чепе) яче парас йерке чавашсен пулман. Акя, ытларах саралня арсын ячесенчен Упа, Кашкар, Арслан, Тиле, Куян, Сайкка, Пураш, Арлан, Карташ, Уланка, Калчак, Сасан, Керче, Кутан, Паргас, Керкке самахсене аснмалла. ырассен пек йывас-курак е пахча-симес ячесем панисем сук. Христос тенне йышаничен ырассен Редька, Капуста, Горох, Репа ятсем таташах тел пулна. Херарам ячесем хушшинче чавашсен Тари, Парчкан, Херхи, Путене, Текерлек, Чеке, Чана, Серси, Шапчак, Кавакарчан, Куккук йышшисем анля саралня. Камалламан кайак ячесене (тамана, сахан) паман. Сав вяхтрах вайля, шиксер кайак ячесене арсынсене те паня: Кайкар, Перхет, Хурчка, Амарт. Кайак ячесемсер пусне хер ачасене Ахах, Мерчен, Кемел, Нухрат, Ука, Тевет йышши хакля япала ячесене паня. Хере

1968 сұлта “Чăваш календаренчех” Иван Андреевич “Санăн хушамату мёнле?” статья пичетлесе кăларать. Ёлĕкрех хушамат тени хальхи пек “фамилия” тенине мар, хушма ят “прозвище” тенине пĕлтернĕ, тăрăхласа чĕнмелли сăмах пулнă. Чĕлхере ятсен йышĕ иксĕлми, кашни ялта пĕр ятлă сынсем сине-синех тĕл пулнă. Çавăнпа та аташсене уйăрма хушма ятсем панă. Хушма ят памалли сăлтавсем тĕрлĕрен пулнă: сыннăн сăн-пуç, хул-сурăм уйрăмлăхĕсем (Кăтра Михала, Вăрăм Çтаппан, Чăлах Эрнук, Уксах Якур). Āс-кăмăл еккине кура панă хушма ятсем те йышлă пулнă (Хаяр Левентти, Ухмах Йăван, Усал Йăкăнат). Унсăр пуçне сын мĕн ёспе ёслесе пурăннине пăхнă (Тимёрçĕ Ваçли, Арман Микули, Карченик — вырăсла харчевник сăмахран). Урăх енĕпе уйрăлса тăнине кура та ят панă, тĕслĕхрен, Вупшех хушма ята сынни час-часах “вообще” сăмаха каланăран хунă.

Çапах та иккĕмĕш, хушма ят функцийĕ, автор шучĕпе, малтанах урăхла пулнă. Вăл сын сывлăхне сыхлас ёсе пурнăçланă. Тĕшмĕшлĕ ашшĕ-амăшĕ ачасене чир-чĕр ан ертĕр тесе, усал-тĕселе улталас шутпа юриех Çўппи, Тĕппи, Лĕкки, Каяш йышши илемсĕр хушма ятсем панă. Е кайăк-кĕшĕке, чĕр чуна пĕлтереке ят хурса хаяр вăйсене сирсе яма май килесе шаннă, чиркўре хунă ятпа мар, Чĕкеç, Шăнкăрч, Курак йышшисемпе чĕннĕ.

Çырулăх сарăлнă май хушамат сăмахăн çенĕ пĕлтерĕш аталанса сирĕпленет, вăл “фамилия” тенине пĕлтерме тытăнать. Вырăс чĕлхи тĕслĕхĕпе чăваш чĕлхинче те сыннăн ашшĕ ячĕ (отчество) сўмне е малтанхи хушма ячĕ сўмне камăнлăх аффиксĕ хушса е калькăласа куçарса çенĕ хушаматсем тума пуçлаççĕ.

илем сунса панă ятсем те сахал мар: Илемпи, Чиперпи, Сарпике, Пике.

Тăван чĕлхе тымарĕнчен тухнă ятсем хушшинче И. А. Адреев сывнăн пĕр-пĕр тулашри палли, уйрăмлăхĕ тăрăх панисем чылай пулнине палăртать. Ку шута Кăтраç, Яка, Сарри, Хури, Уламас, Начка ятсене кĕртме пулат. Телей сунса ывăла Āрсай, çирĕп сывлăх сунса Тимĕр, Пăлат, Алмас, пуянлăх сунса Пуян(кка) ят панине асăрхать. Хăш чух ачана чир-чĕртен сыхлас тесе юриех илемсĕр ят панă: Усалук, Çўппи, Патак. Çавăн пекех чăвашсен хăш вăхăтра суралнине кура памалли ятсем те пулнă: Эрнепи, Эрнук — эрнекун суралсан, Тунюк, Тунепи — тунтикун суралсан, Калăмпи — калăмра суралсан, Нарспи — нарăс уйăхĕнче суралсан панă.

Кун пек тӗслӗхсем пайтах: Тунюков, Баландаев, Краснов, Кудряшов, Сидоров, Скворцов. Анчах, И. А. Андреев асӑрханӑ тӑрӑх, пур ят та “вырӑсланасшӑн” мар иккен. Аслут, Ахрат, Айхи, Сарри, Ахах, Айтӑк евӗр ятсем ним улшӑнмасӑр хушамат вырӑнӗнче ҫӳреҫҫӗ.

И. А. Андреев “Чӑваш календарӗнче” кӑларнӑ статьясене халӑх интересленсе, тулли кӑмӑлпа йышӑнать. Чӑваш антропонимӗсем ҫинчен тӗрӗс пӗлӱ паракан материалсем уйрӑмах учительсемшӗн, тӑван культурапа сӑмахлӑх пухса тӗпчекенсемшӗн усӑллӑ. Ҷакна шута илсе Иван Андреевич ку ыйтупа статьясем кӑларсах тӑрать. Вӗсенчен “Сармантейпе Сарпике ҫинчен”, “Хамӑр ята каласан” ӗҫсенче автор чылай ятсен этимологине уҫса парать. Ҷӱлерех асӑннӑ ӗҫсене пӗтӗмлетсе тата ҫенӗ пайсем, ҫенӗ материалсем чылай хушса, И. А. Андреев 1983 ҫулта чӑваш чӗлхе пӗлӗвӗшӗн пысӑк пӗлтерӗшлӗ ӗҫ — “Ҷын ячӗсем” ятлӑ кӗнеке пичетлесе кӑларать. Кӗнекене наука чӑнлӑхне ҫирӗп тытса, ҫав вӑхӑтрах яка та ҫыпӑсуллӑ чӗлхепе ҫырна. Вӑл пуриншӗн те, вӑл шутра ытла нумай вӗренмен ҫынсемшӗн те кӑсӑк, ӑнланмалла. Ҷав вӑхӑтрах кӗнекере халиччен чӗлхе пӗлӗвӗнче пӑхса тухман ыйтусене ҫутатса панӑ, ҫавӑнпа вӑл тӗпчевҫӗсемшӗн те пысӑк пӗлтерӗшлӗ.

Асӑннӑ ӗҫре автор чӑваш ячӗсене икӗ ушкӑна уйӑрать: православи тӗнӗпе кӗнӗ ятсем тата авалхи ятсем. Кашни ушкӑнӗ хӑй вакрах пайсенчен тӑрать. Православи тӗнӗпе ҫыхӑннӑ ятсем те тӗрлӗ тапхӑрта пӗр пек сарӑлман иккен. Унсӑр пуҫне ҫенӗ саманара тӗнпе ҫыхӑнман ҫенӗ ятсем те чылай пулнӑ: Ревмира, Мӗлс, Владлен, Трактор. Ӹлӗкхи чӑваш ячӗсем мӗнлерех пулнӑ-ха? Тата хӑш чӗлхерен кӗнӗ-ши вӗсем? Ят ҫынна мӗн тума кирлӗ? Ял хушшинче сӑмах вӗҫҫӗн ҫӳрекен ятпа хут ҫинчи ятӑн уйрӑмлӑхӗ пур-и? Ҷакӑ тата ытти нумай-нумай ыйтусене татса пама тӑрӑшать профессор хӑйӗн ӗҫӗнче. Ят парасси те — кӑткӑс пулӑм, ку вӑл ача ашшӗ-амӑшӗнчен кӑна килмест иккен. Кунта мода тени те пур, сасӑсем ашшӗ ячӗпе, хушамачӗпе килӗшнине те, ашшӗ ячӗ (отчество) епле янӑранине те шута илме тивет. Хальхи вӑхӑтра мӗнле-мӗнле ятсене хурас туртӑм вӑйлӑрах пулнине автор статистика кӑтартӑвӗсемпе ҫирӗплетсе парать. Кӗнекере аттесемпе пирӗн асаттесен ячӗсене мӗнлерех йӗркепе панине, мӑн асаттесем авал хӑш-хӑш ятсене килӗштернине тӗплӗн ҫырса кӑтартать. Чӑваш ячӗсен этимологине тишкерсе, хӑш ят тӑван чӗлхе тымарӗнчен, хӑшӗ тӗрӗк чӗлхисенчен, хӑшӗ

араб е перс чѣлхисенчен тухнине кѣтартса парать.

И. А. Андреев антропонимсемпе интересленнине унѣн каярах тухнѣ ѣсѣсем те сирѣплетесѣ. Хальхи вѣхѣтра чѣваш чѣлхипе, чѣваш ячѣсемпе пирѣн республикѣра пурѣнакан ытти халѣх сыннисем те кѣсѣкланасѣ. Вѣсен кѣмѣлне тивѣстерсе, Иван Андреевич вырѣс хаѣачѣсенче те статьясем кѣларать, чѣваш ячѣсене пропагандѣлатъ, хальхи вѣхѣтра хума сѣннѣ ятсен списокне парать.

Анлѣ тавракурѣмлѣ тѣпчевсѣ пулнѣ май И. А. Андреев топонимикѣпа та интересленет. Акѣ, сѣмахран, республикѣн анѣсри чиккипе Сѣр юкса иртет. Профессор ѣак шыв ячѣ чѣваш чѣлхине мѣнле лекнине тѣпчет. Ун шучѣпе, ку сѣмах — ѣармѣс чѣлхинчен кѣнѣскер.

И. А. Андреев ѣсѣсемпе паллашсан, ѣакѣ курѣнатъ: вѣл ѣмѣр тѣршшѣпех пайѣр ятсемпе (уйрѣмах сын ячѣсемпе) интересленнѣ, вѣсене халѣх хушшине сарас тѣллевпе пикенсе ѣсленѣ, ку енѣпе те чѣлхе пѣлѣвѣнче ѣивѣч тѣракан кѣткѣс темѣсене хускатнѣ, пысѣк ѣитѣнѣсем тунѣ.

М. Г. Данилова,
*республикѣри вѣренѣ институтѣн
аслѣ преподавателѣ*

ѣснѣ программа, ѣснѣ учебниксем

Самана улшѣнѣвѣсем школ пурнѣснѣ чылай ѣснѣлѣх кѣтрѣс. Вѣрентѣпе воспитани тѣллевѣсене вѣхѣт ытнине шута илсе йѣркелеме тивет. Ачасене харпѣр хѣй тѣллѣн пѣлѣ илме хѣнѣхтарасси, паянхи условисенче хѣйсен вырѣнне, ѣснѣ, ѣулне-йѣрне тупма вѣрентесси — тѣп тѣллевсенчен пѣри. ѣакна кура школти предметсем хушшинче тѣван чѣлхен вырѣнѣпе пѣлтерѣшѣ те ѣсмелле. Тѣван чѣлхе, тѣван культура ачан тавра курѣмне сарма, ѣс-хакѣлне аталантарма, пархатарлѣ кѣмѣл-туйѣмне йѣркелеме пулѣшатъ. Кунсѣр пуѣне вѣл пѣлѣлѣхе ѣстермелли тѣп никѣс шутланатъ.

Ку таранччен кѣларнѣ программѣсене ѣснетесси, вѣренѣ кѣнекисен тытѣмѣпе содержанине пуянлатса улѣштарасси те — паянхи ѣивѣч ытусенчен пѣри.

1996-мѣш сѹлта И. А. Андреев профессоран чаваш школѣсен У-ХІ класѣсенче таван чѣлхе вѣрентмелли сѣнѣ программы пичетленсе тухрѣ. 1993-мѣш сѹлта сак программан проекчѣ пичетленнѣччѣ. Ана тѣпчевсѣсем, методистсемпе учительсем тѣплѣн тишкерсе хакларѣс, нумай сѣнѹ пачѣс. Савна пула проект тата сирѣплетнѣ программа чылай уйрълса таращѣ.

Шел пулин те, автор хай сѣннѣ тивѣслѣ улшанусемпе сѣнѣлѣхсем программан сирѣпленинѣ вариантне кѣреймерѣс. Программа тытамѣ те, ку таранччен сирѣпленинѣ сулам паханса пулѣ, грамматика ыйтавѣсем сиче тытанса тарать. Чѣлхене школта вѣрентес ѣсе теори ыйтавѣсен ѣлкипе йѣркеленин ситменлѣхѣсене программа авторѣ хай те палартать. Анча халлѣхе ку ыйту хуравсър юлать.

Халиччен усă курнă учебниксенче теорин кăткăс ыйтавѣсем, правилăсем чылай пулни ачасен вѣренѣвне кăткăслатни сиччен тахсанах каласащѣ. Сѣнѣ программана тѣпе хурса ѣсленѣ сѣнѣ кѣнекесен авторѣсем сак ыйтава анăслă татса пама пултарассан туйанать. Ку тѣлѣшпе И. А. Андреев программан ум сăмахѣнче панă сѣнѣсене шута илни питѣ ырăнлă пулмалла.

Сѣнѣ кѣнекесем тытамѣпе те, содержанийѣпе те ачасемшѣн сăмăлрах, илѣртѹллѣрех, усăллăрах пуласса кѣтещѣ вѣренекемсемпе вѣрентекенсем. Уй амах дидактика материалѣ — пуплев тѣслѣхѣсем сиччен калас килет. Халăх сăмахлăхѣ — юрă-сăвă, ваттисен сăмахѣсем, тупмалли юмахсем т. ыт. те — ытарлăхпа, сăнарлăхпа, илемлѣх мелѣсемпе пуян. Вѣсем ачасен пуплев культурина аталантарма пулăшащѣ. Чѣлхемѣр чăн-чăнах илемлѣ те пуян. Апла пулсан сав пуянлăха вѣренѹ кѣнекисенче, текстсемпе ханăхтарусенче ытларах курачѣ. Кѣнекери материал ачасен культурина ѹстерекен, илеме туйма, тѣрлѣ лару-тăрура харпър хайне этеплѣ те тивѣслѣ тытма, сыпăсуллă каласма вѣрентекен тѣслѣх пулмалла.

Юлашки сѹлсенче аталантаруллă вѣрентѹ меслечѣпе кѣсѣн классенче сѣс мар, аслă классенче те тѣрлѣ предметсене вѣрентнѣ чухне анăслă усă куращѣ. Чаваш чѣлхин пулас учебникѣсемпе методика кăтартăвѣсенче Л. В. Занков, Д. Б. Эльконин, В. В. Давыдов меслечѣсемпе ырăнлă усă курни вѣрентѹпе воспитани тухăслăхне ѹстерме пулăшѣччѣ.

И. А. Андреев программана кѣртнѣ чылай сѣнѣлѣх тѣллевѣ — ытлашши кăткăслăхран хăталасси. Тѣслѣхрен, въл школ учебникѣнче сингармонизм пуламне усă сасăсемпе кăна

сыхъантарса ӧнлантарма сѣнет. Фонетика пайѣнче “хытӧ, сѣмсе, хутӧш сӧмах” ӧнлавсене, кун пирки чѣлхе пѣлѣвѣнче усӧмлӧх сук пирки, кӧларса пӧрахнӧ.

Шел пулин те проекта сѣннѣ сѣнѣлѣхе — предложенин кѣсѣн членѣсенчен иккѣшне — дополненипе обстоятельствӧна пѣрлештерес шухӧша сирѣплетнѣ программӧна кѣртмен, ӧна кивѣлле ѣслеме хӧнӧхнӧ сынсем хытӧ тиркенѣ. Сак ыту ачасемшѣн те, учительсемшѣн те пысӧк йывӧрлӧх кӧларса тӧратать. Чӧваш предложениѣнче дополненипе обстоятельствӧна пѣр-пѣринчен уйӧрма хѣн. Вӧхӧта ахаль сухатнисѣр пусне хальхи вариант ачасене нимех те памасть. Пирѣн шутпа, ку тѣслѣх эфир вѣрену ѣсѣнче вырӧс чѣлхипе тѣрѣк чѣлхисен тытӧм уйрӧмлӧхѣсене сителѣклѣ шута илменнине кӧтартать. Ку тѣлѣшпе тѣпчевсѣсем тахсанах ыту хускатасѣ, анчах вырӧс грамматика системин сулӧмѣ хӧй ѣсне тӧватех.

Х. Ф. Исхакова тѣпчевсѣ сӧпла сӧрять: “... в татарской лингвистической терминологии есть термин *ачыклагыч*, букв. “пояснение”, который обозначает родовое понятие по отношению к означаемым терминам *тӧмамлык* “дополнение” и *хӧл* “обстоятельство”... В туркменской грамматике предлагается оба понятия — “дополнение” и “обстоятельство” передавать термином *долдургыч*¹. Тѣрѣк чѣлхе пѣлѣвѣнче сирѣпленнѣ шухӧша чӧвашсен те шута илме кирлѣ пек туйӧнать.

Ытӧтӧвѣ ку ансат мар, тишкермелѣх те, тѣрлѣ енчен виссе каласмаплӧх та пур. Программӧн пулас кӧларӧмѣнче, вѣрену кѣнекисенче, паллах, ӧна татса парас пулать.

Программа содержанийѣ чылай сѣнелсе тарӧнланнӧ. Сӧмахран, чӧваш чѣлхи тытӧмѣнчи паллӧрах уйрӧмлӧхсем, чѣлхери перекетлѣх законѣ, сӧмахсем кѣскелни тата ытти ытусем тӧван чѣлхене тарӧнрах вѣренсе пѣлме пулӧшасѣ.

Автор фонетика, морфологи, синтаксис тишкерѣвѣн (разборӧн) пѣлтерѣшѣ пирки сӧмах пусарать. Хальлѣхе тишкеру хӧш-пѣришѣн — ачасен пѣлѣвне тѣрѣслемелли чи ӧнӧслӧ мел. Юлашки вӧхӧтра чӧваш чѣлхи учителѣсем те сѣнѣ йышши тѣрѣслев меслечѣсемпе усӧ курма пусларѣс. Вѣсен шутѣнче тѣрлѣ тестсем, компьютер программисем, перфокартӧсем т. ыт. те. Пирѣн алӧра халѣ хатѣр тестсем, компьютерпа ѣслемелли программӧсен тѣслѣхѣсем пур. Вѣсем кѣсех пичетленсе тухмалла. Сӧвсемпе ѣслеме хӧнӧхсан, ахӧртнех, учительсем хӧйсемех пѣр тишкеру мелне сѣс мала хурса хаклама пӧрахѣс.

Сёне программан кўртём сәмахәнче И. А. Андреев чөлхе терминёсем синче уйрәммән чарәнса тәнә. Автор чәваш шкуләнче халиччен усә курнә терминсене саплах хәварнә. Морфологи учебникән юлашки кәларәмәнчи чәвашлатнә *ылмаш* (местоимени термин вырәнне), *ёс-хёл* (глагол вырәнне), *пайташ* (причасти вырәнне), *ёсхёлтеш* (деепричасти вырәнне), *пётёстеру* (союз вырәнне), *чөвө* (междомети вырәнне) терминсене программа авторё ырласах каймасть. Малтанах терминологие улшәну кўресси учительсемшён те хәнәхма йывәртарахчө. Анчах, вёсем каланә тәрәх, ачасем сёне терминсене хәвәрт хәнәхаçсө. Хальхи морфологи кёнекинче усә курнә, хай вәхәтәнче Тимухха Хёветөрө сөннө хәш-пёр терминсене республикәри терминологи комиссийәнче те сирөплетнөччө. Сапах та пурте усә курмалли кёнекесем пичетлесе кәлариччен терминсен чәвашла әнәсләрах варианчөсене төплөн сўтсе явмалла, пёр йөркене кёртсе ситермелле. *Пайташ*, *пётёстеру* йышши терминсем пирки каласу чылай пулчө; чөлхеçөсем те, учительсем те нумайәшө вёсемпе килөшөсшөн мар.

Терминологи аталанавәнче паләракан туртәмсем төрлө енлө. Пёр енчен, тәван чөлхе мелөсемпе усә курма май пурри. Тепөр енчен — традици, әруан әрәва куçса пыракан хәнәху, әнлану. Раçсей сөрөнчи ислам төнөпе, мусульман культурипе сыхәнман халәхсен чөлхе пөлөвөнче те, шкул ёсөнче те вырәс терминологийө тахсанах төп никөс пулса тәнә. Вырәс грамматика терминёсем пирөншөн пуриншөн те сывәх, хәнәхнә япала (вәл сәмахсенче тәван чөлхе тымарөсем, пуләшу морфемисем сук пулин те). Чөлхе майөсене илес пулсан, терминсене калькәласа куçарасси ытла йывәр ёсөх мар. Сәмахран, *причастие* термина сапла калькәлама пулать: часть — пай, при — сүм е таш, -ие — ләх. Сапла ёнтө вырәсла *причастие* тенине пайән-пайән куçарса *пайташләх*, *сүмпайләх* е *пайсүмләх* теме пулать. Чөлхе системи сакна хирөслөмест. Анчах темиçе әрури чәвашсем *причасти* термина хәнәхса үснө, вөсемшөн вәл сывәх, әнланмалла пек туйәнәть, чәвашла йөркеленө термин вара әса көмест. Ачасене әнланмалларах пултәр тесен термин пөлтерөшне сәмах тыгәмәнче шырамалла пек туйәнәть. Анчах хәнәху, традици суләмө сөнтерет. Кунта шухәшламалли, суйламалли чылай; терминологие волюнтаризм (хушуләх) мелөпе йөркелөме сук.

Сёне программәпа пөрлөх, пёр кёнекерөх V-XI классенче вөрөненсен чәваш чөлхипе литература пөлөвнө хакламалли

виçесене пани учительсемшён çав тери меллĕ. 1984-мĕш çулта ку виçесене уйрăм кĕнекен кăларнăччĕ. Анчах халĕ вăл кĕнеке чылай учитель аллинче çук. Уйрăмах çамрăк учительсем нуша кураççĕ хаклав виçесене пĕлменнипе. Хаклав виçесен малтанхи кăларăмĕпе танлаштарсан кунта та çĕнĕлĕхсем пур. Орфографи, грамматика йăнăшĕсене, пуплев ситменлĕхĕсене ушкăнласа хак пани учительсемшён питех те аван. Аслă классенче сырмалли диктант, изложени тексчĕсен калăпăшне вырăс чĕлхинчипе шайлаштарнă. Хаклав виçесен кивĕ кăларăмĕпе те, çĕннипе те усă курма пулать.

И. А. Андреев профессор сырнă программа — пысăк ёçĕн шанчăклă пуçламăшĕ. Çак никĕс çинче малашне çĕнĕ учебниксем, методика кăтартăвĕсем, курăмлăх хатĕрĕсем, дидактика материалĕсем хатĕрлесе кăларма, вĕсемпе шулсенче аяқлашăп усă курма пулать.

Л. Г. Петрова,
*республикăри вĕренÿ
институчĕн методисчĕ*

Словарьсемпе ирттернĕ урок тĕслĕхĕ

Çĕр пин сăмахлă чĕлхе тесе чăваш чĕлхи пуян пулнине палăртма ытарлăн каласçĕ. Анчах та каласнă е сырнă чухне эпир тăван чĕлхери сăмахсемпе кирлĕ пек, вырăнлă усă курагпăр-и-ха? Тÿрех калас пулать, ку енĕпе пирĕн мухтанмалли çук.

Тăван чĕлхе пуянлăхне лайăхрах пĕлме словарьсем пулăшаççĕ. Халăх ас-танĕ сăмахлăхра пухса упранă пĕлĕве, çынсен тĕнче курăмĕпе кăмăл-туйăмне словарьсенчи пин-пин сăмах нимрен лайăхрах уçса парать. Ахальтен мар Францин чаплă сыравçи Анатолий Франс çапла сырнă: “Сăмахра — сăнар, словарьте — алфавит йĕркипе вырнаштарнă пĕтĕм çут тĕнче. Лайăхраххăн шухăшласан çакна аяқланатăн: словарь вăл çаннипех — кĕнекесен кĕнеки. Ытти йышши кĕнекесем пурте шанăçаççĕ словарьте, вĕсене унтан илсе усă курма çеç пĕлмелле”.

Словарьсем ансатрах вĕренÿ заданийĕсене те, кăткăс тишкерÿллĕ ёçсене те тума пулăшаççĕ. Çавăнпа та ачасем

вёсемпе кашни класрах усă курма тивёслё. Вăтам тата асла шкулта словарьсем тахсантанпах вёренўпе методика хатёрсен питё кирлё тёсё шутланаççё. Словарьсемпе, справочниксемпе пёлсе ёслени ачасен пёлёвне аталантарма, пуплев культурине ёкклеме май парать. Анчах та словарьсен пайти пысăк пултър тесен мёнле-мёнле словарьсем пуррине чухлани ёсё сителёксёр, вёсемпе тёрёс усă курма та пёлмелле. Вёренекенсене словарьсемпе паллаштарма кёсён классенчех пуçламалла. Паллах, ку ўсёмри ачасене пысăк справочниксемпе, энциклопедисемпе ёслеттерме май сук. Малтанах кёске куçару словарёсемпе, орфографи, синоними, антоними словарёсемпе паллаштармалла, вёсемпе куллен усă курма ханăхтармалла. Словарьсемпе дидактикăн тёрлё тёллевёсене асра тытса ёслессине класран класа, сұлтан сұл анлалатса пымалла.

Хальхи вăхатра учительсен аллинче тёрлёрен чăваш словарёсем пур. Чăваш чёлхипе литература урокёсенче вёсемпе тёрлё ёсём ирттерме пулать. Акă сочиненисемпе изложенисем сырни чухне кашни парта синче орфографи словарё ыртсан аван, сăмах диктанчёсем сырни хысçан та ачасене харпър хай ёсне орфографи словарёпе тёрёслемешкён сёнме пулать. Çапла ёслени йанăшсене вăхатра тўрлетме, сырура вёсенчен хатълма пулăшать.

Тёслёхшён IX класра ирттернё “Словарь — кёнекесен кёнеки” ятлă урок планне сёнетпёр. Ана ирттериччен ачасемпе тăван чёлхен паллăрах словарёсене пăхса тухни ыранлă. Ку урока “Чăваш чёлхин паллă тёпчевсисем” темăна вёреннё хысçан ирттерме юрать. Н. И. Ашмарин словарёпе епле ёслемеллине эфир ятарласа кăтартман. Въл яланах ал айёнче пулмалла, кашни учитель, унпа усă курса, урока хайне май йёркелеме пёлмелле.

Урок теми: Словарь — кёнекесен кёнеки.

Урок тёсё: пётёмлетў урокё.

Урок тёллевёсем:

- 1) вёренекенсене словарьсемпе усă курма ханăхтарасси;
- 2) ачасен лексикине аталантарасси;
- 3) тăван чёлхе пуянлăхне гуйтарасси, ана хисеплеме, юратма вёрендесси.

Урока кирлё хатёрсем: словарьсен выставки, словарь авторёсен санёсем (Н. И. Ашмарин, В. Г. Егоров, И. А. Андреев, Н. П. Петров, Л. П. Сергеев, М. Ф. Чернов, М. И. Скворцов), ўкерчёксем, магнитофон.

Э п и г р а ф: “Сăмахра — сăнар, словарьте — алфавит йёркипе вырнаштарна пётём сүт тәнче...”

(Анатоль Франс, Франци писателё)

Урок юхәмё.

Учитель ачасене урок темипе, тёллевёпе паллаштарать, эпиграфне аңлантарать.

— Паян сăмах тăван чёлхен ылтăн сўпқи — словарьсем сінчен пулё. Акă чăваш словарьсем (выставкăпа паллаштарни).

1-мёш ача сăвă йёркисене вулать:

Никольскипе Ашмарин,
Сироткинпа Егоров,
Петровпала Андреев,
Черновпала Сергеев,
Скворцов сырнă словарьсем
Асăнмалăх чёр палăк
Шутланаçсё халăхра.
Эпир пёрле, тусăмсем,
Словарьсене усăпăr.
Авалхине аса илсе
Малаллине курăпăr.
Тавах сире, пиччесем,
Сăмах тёнчин а́стисем,
Ас пуçтарса ёçлеме
Паха словарь панăшăн!

Учитель словарьсен тёсёсем, вёсен авторёсем сінчен кёскен каласа парать.

— Иртіне уроксенче эпир чăваш тёлчевсисемпе вёсен ёçсем сінчен рефератсем сырса хўтёленёччё. Паян словарьсемпе усă курса малалла ёслёпёр.

Класа икё ушкăна уйăрнă. Ушкăн ятне ачасем фразеологизм мелёпе параçсё. Тёслёхрен, “Пыллă чёлхе”, “Сўпқипе хупалчи”, “Шăпчăк ыйхи”. Ачасен ёçне хаклама тёрлё тёслё хутсем хатёрлемелле (хёрлё тёс — “5” паллă, кăвакки — “4”, симёсси — “3”, сарри — “2”).

1-мёш ёç. “Словарьсем” хайсен ёçё-хёлё сінчен каласа параçсё. Ачасен вёсене каласаёвё урлă “палласа илмелле”.

Ф р а з е о л о г и с л о в а р ё р о л ё н ч и а ч а :

Эпё кăвак сүтла тăратăп та вай сёмми ёсе тытăнатăп. Алă усса ларакансем, ёç тёлне пёлмесёр сил хăвалакансем манăн кăмăла хуçaçсё. Çанă тавăрса ёçлекенсене курсан кăмăл сёкленет.

Мёнле словарь ку? Ҷакна пёлнә хыҗҗан ачасем текстри фразеологизмсене тупаҗҗе, вёсен пёлтерёшне аңлантараҗҗе (малалла та текстсемпе җаплах ёҗлемелле).

Фразеологизмсем: *кавак җутла, вай җемми ёҗ, ёҗ тёлне ан пёл, җил хавала, кама́ла хуҗ, җанә таварса ёҗле.*

Панә фразеологизмсемпе ачасем предложенисем таваҗҗе.

О м о н и м с е н с л о в а р ё р о л ё н ч и а ч а :

Уяр җанталәкра эпё хирсем тәрәх җүреме юрататәп. Таҗта, пусә варринче, җаплах путене авәтни илтёнет-ха. Кашни пусә хай тёллө: кёҗҗеленнө уҗәм симёссён-каваккән курәнса выртать, хура тулә ани кёрен сапләк пек туйәнать. Кунёпех ёҗленипе аш хыпнә халәх пусә шывне ёҗсе киленет.

“Омонимсен словарёпе” уҗа курса текстри пусә “уй” — пусә “җәл” омонимсен пёлтерёшне уҗса паратпәр. Сәмахсем нумай пёлтерёшлө пулнине кәтартма тулли “Чәвашла-вырәсла словарьпе” уҗа курса текстри “уҗәм” сәмах пёлтерёшөсене тупатпәр. Вёсем нумай. Ҷак сәмахсемпе предложенисем җыртарни пёлтерёш уйрәмләхөсене астуса юлма пуләшәть.

2-мөш ёҗ. Доска е экран җинче К. Турханән “Сёве Атәла юхса кёрет” романён сыпакё. Ёҗе пурнәҗслама “Чәвашла-вырәсла словарь” (1985) тата “Чәваш чёлхин этимологи словарь” (1997) кирлө.

Ҷөнө хан вёҗёмсёр куланай та ясак ыйтать. Темиҗе кун каялла кәна ялта хан элчи пулчө, вәл, халәха пухса, җар валли ытларах утә хатёрлеме хушрө. Ял җыннисем хайсен алманчинчен йәлтах тёлөннө: Урасмет җәва тухнәранпа иккёмөш хут ясак пуҗтарать.

— *Эпир пётөмпех тўлесе татнә, мёнле ясак памалла тата сана? — теҗҗө хресченсем, алманчә умёнче хайсен тәмхисене җавәркаласа.*

— *Мәрса валли, — тет алманчә. — Ҷар эткерө валли.*

Текстри архаизмсемпе историзмсене тупса тетраде җырмалла. Пёр ушкәнө “Чәвашла-вырәсла словарь” тәрәх хан, ясак, тәмха, эткер сәмахсене, тепёр ушкәнө “Этимологи словарь” тәрәх куланай, алманчә, мәрса, элчө сәмахсен пёлтерёшөсене тупать.

3-мөш ёҗ. Доска умёнче кашни ушкәнран пёрер ача ёҗлет.

Илсе панә ваттисен сәмахөсене вёҗлемелле, антонимсем мёнле пуллев пайө пулнине паләртмалла.

1. ... *шухәшла та (җывәхра пурән теҗҗө).*

2. ... (а́сран) ирхи а́с а́сларах тет.

3. ... (ка́мака синчен аниччен) ё́счен ту си́не х́апарна́.

Иккён доска умёнче ё́сленё хуш́ара ы́тти ачасемпе ур́ах ё́с туса ирттерме пулать.

Панá ўкерчёксенче мёнле фразеологизмсем пытаннине тупмалла, вёсен пёлтерёшне предложенисемпе у́сса памалла. (Л. П. Сергеева́н “Фразеологи словарёпе” е М. Ф. Черновáн “Чáвашла-выр́асла фразеологи словарёпе” уса́ курма юрать.) Ўкерчёксен содержанийё:

1) пёр ача кёрёк арки лутаркать (фразеологизмё — кёрёк арки йáвала);

2) пёр ача теприне шáхличё парать (та́м шáхличё ты́ттар);

3) пёр ача теприне ура хурса ўкерет (ура хур).

Доска синчи ё́ссене тёрёсленё хы́сқан ваттисен са́махёсене сы́рса синтаксис тишкерёвё тума пулать.

4-мёш ёс. Ана пурна́сланá чухне “Чáвашла-выр́асла словарьпе” тата “Этимологи словарёпе” уса́ курса ё́слеме пулать. Ё́се пурна́сланá ва́хáтра “Илемлё, илемлё” юрá кёвви яна́рать.

Доска синче хё́рарáм капáрла́хне кáтартакан ўкерчёксем: хушпу, сурпан, тухья, масмак, х́уре, ш́улкеме, сарá, сáрка. Словарьсемпе уса́ курса ачасем сáв са́махсен пёлтерёшёсене сы́рса иле́сё. Кашни са́махёпе пё́рер предложени та́ва́сё.

Пётёмлету́. Ачасен пёлёвне хакланá чухне урок ва́хáтёнче ё́слесе илнё тёрлё тёслё хутсен шутне пáхмалла, сё́нтеру́сё ушкáна та сáкна́ шута илсе палáртмалла.

Киле панá ёс. “Манáн та́ван чёлхе — чáваш чёлхи” сочинени сы́рма хатёрленмелле, материал пухмалла.

Л. З. Киргизова,
*Шупашкарти 23-мёш профессии
училищин преподавателё*

Та́ван чёлхепе культура́на профессии училищисенче вё́рентмелли х́аш-пёр мелсем

Профессии училищисенче вё́рентекен икё предмет — та́ван ен культури тата чáваш чёлхи — пёр-пёринпе тачá сыхáнна.

Тăван ен культурина вѣрентнѣ чухне чѣлхе ҫинчен каламасăр иртме ҫук, чѣлхене вѣрентнѣ чухне вара тăван ен культурин нумай ыйтăвѣсене хускатма тивет.

Училищѣсенче ҫак предметсене вѣрентнѣ чухне унта вѣренекенсем школ ачисенчен уйрăлса тăнине шута илме тивет. Професси училищисене 15-16 ҫулхи ҫамрăксем вѣренме килеҫҫѣ. Вѣсем хушшинче ялтан килнисем те, хуларисем те пур. Пѣрисем ҫăваш чѣлхине лайăх пѣлеҫҫѣ, теприсем (вырăссем е урăх халăх ачисем) ҫăвашла пѣлмеҫҫѣ.

Вѣрену программинче тăван ен культурина вѣренме 35 сехет уйăрса панă. Ҫăваш чѣлхи валли 105 сехет уйăрнă. Вăхăт сахаллине кура, ҫак предметсем ачасемшѣн кăсăклăрах пулччăр тесе эфир тѣрлѣ мелсемпе усă курма тăрăшатпăр. Уроксенче ҫăваш халăх юрисене, йăли-йѣркине вѣрентетпѣр, экскурсисене ҫуретпѣр. Унсăр пуҫне тѣрлѣ конкурссем, фестивальсем, КВН йышши амăртусем йѣркелетпѣр, паллă ҫынсемпе тѣл пулусем ирттеретпѣр, ҫăваш культурина ҫыхăннă ѳлѣкхи япаласем пуҫтаратпăр т. ыт. те.

Ҫак мелсемпе тухăҫлă усă курмашкăн учителѣн нумай ѳсleme тивет, тата вăл пѣччен кăна нимѣн те тăваймасть. Чи малтан а́на администраци пулăшни кирлѣ. Ку енчен училище ертуҫисем пире пур майпа та пулăшма тăрăшаҫҫѣ.

Пысăк ѳсене йѣркелесе ирттернѣ чухне эфир ачасемсѣр пуҫне училищѣре ѳслекенсене те хутшăнтарма тăрăшатпăр. Ачасем ку ѳсе хаваспах хутшăнаҫҫѣ. Сцена ҫине тухни хăюллăрах пулма пулăшать, харпăр хăйне ҫыпăсуллăрах тытма хăнăхтарать.

Акă Ҫеҫпѣл Мишшине асăнса ирттернѣ поэзи кăҫенче унăн “Ҫѣн кун аки” сăввине ачасем тѣрлѣ чѣлхепе вуларѣс, кам мѣнле чѣлхепе вуланă, ҫав халăх тумне тăхăннăчѣ. Ҫеҫпѣл Мишши юратнă Анастасия Червякова патне тата Анастасия Ҫеҫпѣл Мишши патне ҫырнă ҫырусене вуличчен ачасемпе Людмила Сенчина юрлакан “Любовь и разлука” юрра итлерѣмѣр. Ҫак юрра итлеттерни Ҫеҫпѣл Мишшине Анастасия Червякова хушшинчи ҫепеҫ туйăма лайăхрах палăртма май пачѣ. Мѣн каласшăн ҫаканпа эпѣ? Вѣренуре кашни япалана, кашни меслете суйласа илме пѣлмелле. Мѣн туни, хăш вăхăтра калани итлекенсен, куракансен чунне хумхантартăр.

Ҫăвашсен йăли-йѣркипе эпѣ вѣренекенсене тăван ен культури урокѣсенче паллаштаратăп, кайран хăш-пѣр йăли-

йёркине сцена җинче кәтартатпәр. Тёсләхрен, сурхурие тури чәвашсем выльәх-чёрлөх әнса пултәр тесе ирттереҗсё. Ачасем төрлө тум тәхәнса ушкәнпа ял тәрәх мёнле җүренине, пёр-пёр киле кёрсен мён-мён каланине уҗамлән кәтартса пачёҗ. Сурхури пәрҗасәр, йәва-кукәльсёр, майәрсәр, хөвел җаврәнәшсәр иртмен.

Сцена җинче улах кәтартни асра юлчө. Улаха вара эфир анатри чәвашсенни пек ирттерме тәрәшрәмәр. Мёншён тесен пирён училищөре Патёрьел тәрәхәнче җуралса үснө, ял пурнәҗне лайәх пёлекен җынсем ёҗлетчөҗ. Анатри чәвашсен улах, җаварни, мункун юррисем упранса юлнә. Сценари җырнә чухне анатри чәвашсен калаҗу чёлхине, унти вырән ячөсене кёртме тәрәшрәм. Хёрсем анатри чәваш тумөсене хәйсемех шыраса тупрөҗ. Куракансене хёрсемпе каччәсем чәваш халәхән җепөҗ юрри-ташшисемпе савәнтарчөҗ. Кунтах тупмалли юмахсем те, төрлө вәйәсем те пулчөҗ.

Чәваш чёлхи тата тәван ен культури предмөҗсемпе КВН йыпши пётөмлетү урокө ирттертөмөр. Урокра хулари ачасенчен тәрәкан пёр ушкәна икө пая пайларәмәр. Кунта ачасен тавҗәруләхө те, пултаруләхө те аван паләрчө. Савәнәслә, хаваслә туйәмпа иртрө әмәрту. Унта тәван ен культурипе җыхәннә ыйтусене хәвәрт хуравласси, паллә җынсен ячөсене сән үкерчөксем тәрәх каласси, шүтлө ыйтусене хирөҗ шүтпе тавәрасси, тупмалли юмахсен тупсәмне тупасси, кроссвордсемпе ёҗлесси тата ыттисем те пулчөҗ.

Тёсләхрен, пёр-пёр юрә сәмахөсем җине урәх юрә сәмахөсемпе хуравламалла. Хуравөсем шүтлө пулса тухмалла. Паллах, ку задание маларах памалла, килте хатёрлемелли ёҗ пек пултәр вәл.

Пёрремөш ушкән “Аҗта каян, чөкөҗ?” юрәри сәмахсене тупнә пултәр: “Аҗта каян, савни, каҗа хирөҗ?” Иккөмөш ушкәнри хёрсем “Кәввик-кәввик кәвакарчән” юрәри: “Лайәх лупас айёнче” сәмахсемпе хуравлаҗсө. Малалла иккөмөш ушкән “Шәнкәр-шәнкәр шыв юхатъ” юрәри җак сәмахсене юрлатъ: “Шухәшлар-ха, тәвансем те, Шухәшлар-ха, тәвансем”. Пёрремөш ушкән вара “Пирёншён пулсан” юрәри “Аккәшө лайәх-и, йәмәкө лайәх-и?” сәмахсемпе хуравлатъ. Малалла пёр-пёринпе ылмашәнса юрә сыпәкөсем юрлаҗсө:

Көтүҗ ларатъ сәрт җинче те,

Көтүҗ ларатъ сәрт җинче

(“Көтүҗ” юрәран).

Эпир ăна таптатпăр, таптатпăр.
Кѣтѹ кѣртсе таптатпăр, таптатпăр.
("Çерем пусса вир акрăм" юрăран).

Ах, йăмра, йăмра, Шуршăлти йăмра...
("Шуршăл йăмрисем").

Эс кахал теç, чăнах-и?
("Чăнах-и?").

Вун ик кăшăллă, вун ик кăшăллă,
Вун ик кăшăллă пичкине.
("Вун ик кăшăллă" хăна юрри).

Ай, ытарма та çук сире.
("Тăвансемĕр, тав сире").

Мĕншĕн-ха, куккук, пит салху
Йывăр-и, куккук, хуйăху?
("Сарă хĕр кĕтет савнине").

Атăл хĕрне анассăм килет,
Пите супăньпе çăвас (сăм) килет.
("Атăл хĕрне анассăм килет").

Кунсăр пуçне тăхтавсем вăхăтĕнче икĕ ватă çын ёлĕкхи юрăсене юрласа кăтартрĕç, пирĕн хĕрсем Вăрнар тăрăхĕнчи туй юррисене (туй тумĕсемпех) шăрантарчĕç; чăваш хĕрарăмĕсем ёлĕк тăхăннă тумсене кăтартассине йĕркелерĕмĕр. Кашни тума кăтарتما тухсан ертсе пыраканĕ кĕскен аңлантарса парать. Унсăр пуçне тум-тире кăтартакансем те шарламасăр тăмаççĕ. Акă сцена çине тури чăвашсен çанни-арки тĕрёллĕ шурă кĕпе тăхăннă, сапун çакнă, тутăр сыхнă хĕрарăм тухать:

— Хайматлăхсем ёне ырри пĕçернĕ те, пымалла тесе хытарсах каларĕç. Хайсем те килнĕччĕ те хамăр пата, кайса килесех пуль ёнтĕ. Чейникпе сăра илтĕм, иртнĕ уявран кăшт юлнăччĕ те, — тет вăл. Ун хыççан зала анса унта ларкансене сăрапа сăйлать.

1997-мĕш çулхи март уйăхĕнче училищĕре "Чăваш пики"

конкурс ирттертёмёр, а́на э́пир И. Я. Яковлева халалларамар. Унта хёрсем хайсен пултарула́хне пур енлён катартса пачёс: тёрлё ча́ваш а́пачё пёсёрсе килчёс. Апата мёнле хатёрлемеллине каласа парас, ташлас-юрлас, савá-такмак калас, ал ёсё та́вас енёпе амартрёс.

Вёренекенсем пухса килнё ёлёкхи япаласенчен ча́ваш чёлхи кабинетёнче пёчёк музей йёркелерёмёр. Унта тёрлё хатёр-хётёр, тум-тир, сурпан-масмак тата ытти япаласем пур.

“Юратна́ та́ван тавралáх” темáпа сочинени сы́рнá чухне ачасем хайсен пултарула́хне шухáша каласа парас енёпе кáна мар, савá сы́рассипе те, ўкерессипе те палáртасёсё.

Училище Шупашкарта ырна́шине кура пире палла́ сынсемпе, культура ёсченёсемпе тёл пулусем йёркелеме май килет. Вёренекенсем тёрё áстисемпе Е. Н. Жачевапа тата В. А. Минеевапа, ўнер музейёнче ёслекен М. А. Карачарсковапа, А. С. Розов художникпа, Л. Н. Сачкова сы́равсáпа, Г. Смирнова тата В. Семенов юрáсsemпе тата ыттисемпе тёл пулни нумай савáна́с кўчё.

Çак тёл пулусене, тёрлё мероприя́тисене ирттернё чухне видеокамерáпа ўкеретпёр е сáн ўкерчёксем туса хатёрлетпёр, кайран альбомсем та́ватпáр. Çакáн пек ёслени училищён хальхи йышёшён те, кайран пирён патá вёренме килекен ачасемшён те пысáк пёлтерёшлё.

Пултарулла́ ачасене пёчёк парнесем, хисеп грамотисем, хáш-пёр чухне укса та парса хавхалантарасси йáлана кёнё ёнтё. Унсáр пу́сне урáх майсемпе те усá куратпáр. Тёслёхрен, 1995-мёш сýлхи сёртме уйáхёнче Атáлси Пáлхар 1100 сýл тултарна́ тёле училищёри чи пултарулла́ пилёк вёренекене авалхи Сáвар, Пáлхар хулисен ыра́нёсене экскурсие илсе кайса килме май ту́прамáр.

Ча́ваш чёлхине тата та́ван ен культу́рине вёрентнё чухне тёрлё майсемпе усá курни занятисене илёрту́ллё, хамáра́н чёлхене, халáх культу́рине, та́ван тавралáха юратма, хисеплеме вёрентет, тавра курáма а́нлáлатать, харпáр хáй тёллён ёсleme хáна́хтарать, кашнин пултарула́хне усса пама пула́шать.

Словарь для изучения французского языка в чувашской школе

Как известно, в нашей республике осуществляется президентская программа “Новая школа”, направленная на коренное улучшение в духе современных требований образовательно-воспитательной деятельности во всей системе учебных заведений разных типов и уровней. Недавно в Министерстве образования ЧР подведены итоги работы по ее выполнению в 1997 году. Отмечено, что в целом программа выполняется успешно. Но жизнь, практика показала, что этот важный документ нуждается в дальнейшем развитии. В разработанных по поручению Президента ЧР Н. В. Федорова предложениях по этому вопросу на новом этапе реализации программы сочтено необходимым выделить три приоритетных направления работы. Первой в этом перечне стоит проблема развития сельской школы.

Для повышения качества и эффективности образовательного процесса в сельской школе предусмотрены меры ее материально-технического и научно-методического обеспечения. В частности, предстоит проделать большую работу по корректировке учебных планов и программ, углублению национальных традиций в содержании образования, приоритетному обеспечению сельских школ учебно-наглядными пособиями и художественной литературой. Намечено проводить конкурсы по разработке учебно-методических комплексов и их элементов специально для сельских школ (журнал “Народная школа”, № 2, 1998).

В плане выполнения действующих законов о языке и об образовании в Чувашской Республике, а также президентской программы сейчас необходимо обратить должное внимание на вопросы, до сих пор остающиеся в тени или вовсе игнорируемые. Имеется в виду разработка и обеспечение чувашской школы учебно-методическими комплексами, выполненными на базе родного языка и культуры учащихся. Прежде всего это касается предметов национально-регионального содержания и гуманитарного цикла, в частности, изучения иностранных языков, значение которых в современных условиях неизмеримо возросло.

Переход на изучение иностранных языков на базе родного диктуется общепринятым в мировой методической науке и школьной практике принципом обязательного учета и использования навыков родной речи при изучении других, неродных языков. Обучение иностранному языку, например, французскому, носителей какого-нибудь языка, например, чувашского, через посредство третьего (русского и т. д.) не оправдано ни теоретически, ни практически, оно вообще противоречит здравому смыслу.

Правда, развитие двуязычия и активное вовлечение учащихся чувашской национальности в общение на русском языке, выработка и закрепление с раннего возраста произносительных навыков русской речи у нерусских детей делает необходимым учет этого реального фактора в школьной практике. В методике преподавания иностранных языков такой подход предполагает широкое и систематическое сопоставление отдельных единиц, явлений и их систем, законов изучаемого языка как с родным языком учащихся, так и с русским. Отчасти это делается на вузовском уровне, но в общеобразовательной средней школе использование родного чувашского языка при изучении иностранных минимально.

В соответствии с законом о языках в ЧР в сельских национальных школах должен осуществляться постепенный переход на чувашский язык обучения части общеобразовательных предметов. В этом отношении не может быть спешки, перескакивания через необходимые ступени подготовки учебно-материальной и кадровой базы, психологические барьеры и т. д. В нашем случае элементарно необходимы такие компоненты, как учебники иностранных языков на родном языке, разнообразные дидактические материалы и методические пособия, словари, хрестоматии с параллельными текстами, лингафонные материалы на базе родного языка. Учителя должны обладать соответствующей подготовкой для ведения занятий по иностранному языку на родном языке учащихся. А пока нет всего этого, следует, очевидно, вводить определенные элементы чувашского языка — лексические, фонетические, грамматические, культурологические (страноведческие) — в процесс учебной и воспитательной работы, ведущейся посредством русского языка.

Одним из мостиков, способствующих соединению изучения

иностранный — в данном случае французского — языка на русскоязычной базе с речевыми навыками родного чувашского языка являются словари. Разработанный нами француско-русско-чувашский словарь преследует вполне конкретные, ограниченные цели: он должен служить пособием для изучения французского языка в начальный период, в первые 2-3 года экстенсивного (по утвердившейся у нас системе) его изучения. В словаре представлена та часть лексики французского языка, которая необходима для выработки первоначальных навыков общения на нем в рамках определенного, коммуникативно и дидактически оправданного круга тем. Особое внимание уделяется строевым элементам лексико-грамматической системы изучаемого языка, так как они прежде всего необходимы для порождения речи (текста). Ввиду отсутствия естественного речевого фона на французском языке словарь ориентируется прежде всего на помощь учащимся в восприятии и осмыслении текстов учебного, а также информационного, страноведческого и художественно-беллетристического характера.

Элементарный характер пособия исключает и широкое представление в нем богатой французской фразеологии — это предмет специального словаря. Ставя целью служить дополнительным пособием к основным элементам учебно-методического комплекса по французскому языку, помогать учащимся в его усвоении под систематическим руководством учителя, словарь не претендует на раскрытие фонетико-просодических и грамматических характеристик, особенно связанных с динамикой живой звучащей речи. Поэтому, в частности, не применяется система транскрипции французских слов. Транскрипционные знаки, отличные от единиц алфавита, вообще мало доступны учащимся младшего возраста, и попытки их использования часть не помогает учебе, а наоборот — лишь вызывают дополнительные трудности.

Из грамматических признаков слов сочтено необходимым указать лишь основные, связанные с принадлежностью к лексико-грамматическим разрядам, а также важные исключения из стандартных парадигм. Конкретные способы лексико-семантической характеристики слов разных частей речи реализуются так, как показано в приводимых ниже образцах словарных статей. Полисемия представляется в “свернутом” виде: из всех значений лексических единиц раскрываются, как

правило, только основные, прямые.

Структурно словарь состоит из следующих разделов:

1) Предисловие. Кроме обоснования, изложения методических установок и ознакомления с построением словаря, в нем даются советы учащимся и рекомендации учителям по наиболее эффективному использованию словаря. Предисловие дается как на русском, так и на чувашском языке. К нему примыкает список условных сокращений на всех трех языках, преимущественно общеупотребительных в литературном обиходе и школьной практике. Приводятся алфавиты: французский, русский и чувашский.

2) Словарный материал. Словарные статьи по всем тематическим группам лексики и частям речи приводятся в общем алфавитном порядке. Лексический материал соответствует познавательным и учебно-дидактическим задачам, отбирается с учетом детских интересов (природа, семья, школа, общение, спорт, отдых, игры и т. д.). Особое внимание уделяется словам страноведческого содержания, необходимым для понимания французских текстов, а также строевым элементам системы французского языка, прежде всего необходимым для аудирования и особенно — порождения высказывания.

3) Ономастический раздел. Сюда включаются географические названия, имена и фамилии, персонажи литературных произведений и фольклора.

4) Иллюстративные рисунки. Наиболее важные и поддающиеся зрительно-наглядному представлению предметы передаются в виде рисунков. Они могут помещаться в словарной статье или быть сконцентрированы в тематические таблицы и ситуативные картинки для развития речи. Примеры таблиц: растения, овощи и плоды, животные и т. д., картинок: интерьер квартиры с семьей, класс, деревенский двор, спортивная площадка, городская улица. Отдельные рисунки в тексте даются в черно-белом виде, таблицы и картины — в цветном исполнении.

Словарная статья по группам сходных слов строится по стандартным моделям, облегчающим восприятие и усвоение иноязычного материала. Однако допустимы и вариации в довольно широких пределах в зависимости от коммуникативной значимости, и соответственно — учебно-дидактической нагрузки слов, их грамматических, лексико-семантических, сочетаемостных и иных особенностей. Статья начинается заглавным французским

словом, набранным строчными буквами и выделенным шрифтом. За ним следуют чувашские сокращения-пометы, относящиеся к грамматической характеристике вокабулы. Если слово имеет несколько значений, то они последовательно нумеруются арабскими цифрами. Омонимы даются отдельными словарными статьями и отмечаются римскими цифрами.

В пределах каждой статьи (или отдельного значения, если их несколько) вслед за заглавным словом приводится одно или несколько русских соответствий, а затем ставится знак тире и даются чувашские лексические соответствия — одно или несколько. Если есть словарные иллюстрации — словосочетания, то после чувашского лексического соответствия ставится точка с запятой и даются в установленном порядке эти иллюстрации, французское (выделенное шрифтом), затем русское и, через тире, — чувашское. Идиомы даются в том же порядке и оформлении в конце всей словарной статьи с новой строчки, причем перед ними ставится особый знак.

Регулярные словообразовательные дериваты (производные от заглавного слова) не выносятся в реестр словаря отдельными статьями, а даются вслед за статьей производящей основы с красной строки, после особого знака “черный кружок”. Производные слова лишь переводятся на русский и чувашский языки, грамматические пометы к ним не даются, иллюстративные примеры также не переводятся.

В случае необходимости, для лучшего понимания смысла слова или более точной его характеристики даются поясняющие слова; они набираются светлым курсивом и заключаются в скобки.

Для иллюстрации высказанных выше соображений приводим фрагмент разработанного нами словаря. Было бы крайне желательно продолжить обсуждение затронутых в данной статье вопросов с участием ученых-лексикографов и преподавателей иностранных языков, работающих в чувашской школе, ибо словарное дело — это чрезвычайно сложная область, где теория сопоставительной лингвистики органически соединена с практическими вопросами лингводидактики.

В приведенном фрагменте встречаются следующие сокращения:

к. гл. — куśамлă глагол “переходный глагол”.

к-р гл. — куśамсăр глагол “непереходный глагол”.

ар. н. — ар неселĕ “мужской род”.

хёр. н. — хёраpам несёлё “женский род”.

нар. — наречи “наречие”.

пал. я. — паллă ячĕ “имя прилагательное”.

à *малсăм* 1. в, на, у, за (*где?, когда?*) — -ра, -ре, -та, -те; патĕнче; à *l'école* в школе — шукулта; à *la fenetre* у окна — чўрече патĕнче; à *deux heures* в два часа — икĕ сехетре 2. в, на, к (*куда?*) — а, -е, -алла, -елле; патне; à *la gare* на вокзал — воказала; *aller la fenetre* подойти к окну — чўрече патне пыр 3. до, при; для; к; у; с; на — чăвашла тёрлĕрен кусарăнать; à *ce soir* до вечера — каşчен; à *l'entree* при входе — кĕнĕ чухне; *un vase a fleurs* ваза для цветов — чечек савăчĕ; *se preparer à l'examen* готовиться к экзамену — экзамена хатĕрлен; *du cafe au lait* кофе с молоком — сĕтлĕ кофе; *répondre à question* ответить на вопрос — ыйтава хуравла

abaisser *к. гл.* 1. опускать; снижать, сбавлять — антар; чакар; *abaisser les prix* снизить цены — хака чакар 2. унижать — мăшкăла хур, хур ту

• *s'abaisser* унижаться — мĕскĕнлен, мăшкăл пул

abandonner *к. гл.* 1. покидать, оставлять, бросать — пăрах, хăвар, тухса кай; *abandonner son pays* покинуть родину — суралнă сёртен тухса кай 2. отказываться — тун, пăрах (*шухăша*)

• *s'abandonner* предаваться чему-либо — илен; пут; *s'abandonner au désespoir* предаваться отчаянью — хуйха пут

abattre *к. гл.* рубить — кас; *abattre un arbre* срубить дерево — йывăса касса антар 2. разбить, разгромить — аркат (*тăшмана*)

• *s'abattre* рушиться, рухнуть — аркан, ишĕл, ишĕлсе ан

abbe *ар. н.* аббат — пуп (*католиксен*)

abeille *хёр. н.* пчела — вĕлле хурчĕ; *abeille ouvrière* рабочая пчела — ёс хурчĕ

abîmer *к. гл.* портить, губить — пăс, пĕтер, тĕп ту

s'abîmer портиться, гибнуть — пăсăл, пĕт, тĕп пул

abondance *хёр. н.* обилие, изобилие — илпеклĕх, тулăхлăх, ытлăх-ситлĕх

abondant, -е *пал. я.* обильный, богатый — илпек, пуян, тулăх, ытлă-ситлĕ; *une nourriture abondante* обильная пища — ытлă-ситлĕ апат

aborder *к. гл.* 1. подходить — пыр, пырса тăр 2. приступать, начинать — пусла, тытăн, пуçан; *aborder une question* приступить к рассмотрению вопроса — ыйтава пăхса тухма тытăн

aboyer *к-р гл.* лаять, залаять — вёр, вёрсе яр, вёрме тытăн

(Йытă синчен)

abréger к. гл. сокращать — кёскет; **abrégez!** говорите короче!
— кёскенрех калър!

abreuver к. гл. поить — шавар, ёстер; **abreuver le cheval**
напоить коня — лашана шавар

abricot ар. н. абрикос

d'abricot абрикосовый — абрикос -ё; **marmelade d'abricot**
абрикосовый джем — абрикос джемё

abriter кр. гл. укрывать, защищать — вит, хупла, хўтёле

• **s'abriter** укрываться — витён, хўтёлен

absence хёр. н. отсутствие — сукләх, сукки; **absence de goût**
отсутствие вкуса — илем туйямё сукки

absolument нар. 1. совершенно, абсолютно — йалтах,
пётёмпех, вуҫех; **c'est absolument impossible** это совершенно
невозможно — ку вуҫех пулма пултараймасть 2. непременно,
обязательно — епле пулсан та

absurde пал. я. нелепый, абсурдный — майсър, килёшўсёр

accent ар. н. 1. ударение — пусам (самахри) 2. акцент (ют
чёлхепе каласна чухне палъракан сасă калтăкёсем); **parler sans
accent** говорить без акцента — акцентсър калас.

В. И. Димитриев,
республикăри вёренў институтчён
наука ёҫченё

Чăваш фразеологийёнчи омоними пулăмё

Чёлхере чылай самахсем тата вёсен пёлтерёшлё пайёсем
(тымарсем, аффикссем, самах тёпёсем) омонимлă пулаҫҫё.
Самахран, пирён чёлхере вёрен самах иккё: 1) “явса тунă
сыхмалли хатёр” (япала ячё), 2) “ăса хыв” (глагол). Ку самахсем
пёр пек илтёнеҫҫё, анчах вёсен пёлтерёшё расна.

Чёлхере каткăсрах тытамлă единицăсем — фразеологизмсем
те омонимлă пулма пултарасҫё. Фразеологизмсем — пёлтерёшёпе
тытамё улшăнман, сирёп сыхăнура тăракан, пулевре хатёр
халлён усă куракан самахсен пёрлехёсем. Тачă сыхăнури
самахсем хайсен малтанхи тўрё пёлтерёшне сұхатса пурё пёрле

урăх пѣлтерѣш йышăнаççѣ. Тѣслѣхрен, *çемѣрт кукли çитер* сăмахсен сыхăнăвѣ çемѣрт сырлинчен пѣçернѣ кукăльпе хăналасине мар, çапнине, хѣненине пѣлтерет.

Чѣлхере омоним пулман фразеологизмсем ытларах тѣл пулаççѣ: *çăкăр çерт, тѣнче кас, йѣп чиксен те куç курмасть, ѳнсе кукли çитер, пăшăл пăтти пѣсер, çил хăвала* т. ыт. те.

Омоним пулакан фразеологизмсен çакăн пек тѣсѣсене палăртма пулать:

а) фразеологизмсен шалти тытăмѣнчен килекен омонимсем: вѣсем пѣр пек илтѣнеççѣ, анчах пѣлтерѣшѣсем расна пулаççѣ. Тѣслѣхрен: *çѣр тѣпне анса кай* фразеологизм виçѣ пѣлтерѣшпе тѣл пулать: “вил, пѣт, ѣмѣре вѣçле”, “намăслан”, “кирек аçта кай”. Кунашкал омонимсем чѣлхере йышлах мар.

ă) ирѣклѣ сăмах майлашăвѣсемпе омонимлă фразеологизмсем вара питех те йышлă. Акă *хуп турттар* сăмах майлашăвѣ, пѣр енчен, *вутă турттар, улăм турттар* йышши ирѣклѣ сăмах майлашăвѣсемпе пѣр ретре тăрать, тепѣр енчен вăл “харлаттарса çывăр” тенине те пѣлтерет, кун пек чух фразеологизм пулать. Тѣслѣхсем:

Клуб заведующийѣсен ѣçѣ — во! Уçас чух уçатăн, уçас килмесен — куç хупса кăмка çинче хуп турттаратăн (Енѣш). *Кўршѣ — килѣнче, çемсе тўшек çинче хуп сѣтѣрет кăна* (“Капкăн”).

б) тепѣр фразеологизмпа та, ирѣклѣ сăмах майлашăвѣпе те омонимлă фразеологизмсем. Тѣслѣхшѣн *алă хур* сăмах майлашăвне илме пулать. Унăн фразеологи шайѣнчи варианçем (омонимсем) чылай. Чи палли — “хѣне, çап” пѣлтерѣшли. Тѣслѣх: *Хальхинче те директор ашкăнçăка хăйѣн хăватлă çунаттипе хуплать, сын çине алă хуракан выговорпах хăтăлса юлать* (“Капкăн”). Тепѣр фразеологизм “хутшăн, явăç, шухăшла” пѣлтерѣшлѣ: *Вăл хѣре илмешкѣн эп ал хумаçтăп* (Ашмарин). “Ѣсе тытăн, ѣçлеме пуçла” пѣлтерѣшли те пур: *Строительсем колхозăн укçи çук пирки ферма тума çулталăк иртсен тин алă хунă* (“Хыпар”). Çак сăмахсен сыхăнăвне *Амăшѣ ача пуçѣ çине аллине хучѣ* йышши пуплевсемпе кăтартма пулать. Ку вăл — фразеологи картне кѣрекен пулăм мар, синтаксис единици шутланать. Тата çакна палăртмалла: *алă хур* ирѣклѣ сăмах майлашăвѣ çўлерех кăтартнă омоним фразеологизмсемпе кашнине уйрăммăн хирѣç тăрать, урăхла каласан, омонимлă сăмах пѣрлешѣвѣсен кăткăс системи йѣркеленет.

Паллă ѣнтѣ, фразеологизмсен, уйрăм сăмахсен пекех,

фонетика, морфологи, лексика, синтаксис, лексика-синтаксис варианчәсем пулашсә. Фразеологизмсен хәш-пәр лексика тата лексика-синтаксис варианчәсем те омонимлә пулашсә. Акә маларах илсе кәтартнә *хул турттар* фразеологизмри глагол компонентчә *сәтәр* сәмахпа ылмашма пултарать.

“Ёҗлемесәр сүре, пурән” пәлтерешлә *йытә (сил) хәвала* фразеологизм *йыт(ә) хәвала* ирәклә сәмах майлашәвәпе омонимлә. *Сил хәвала* тени вара *йыт(ә) хәвала* фразеологизмән лексика варианчә пулин те ирәклә сәмах майлашәвәпе е урәх фразеологизмпа омонимлә пулаймасть. Фразеологизмсен лексика тата лексика-синтаксис варианчәсен омоними сыхәнәвәсем сахал аталаннә.

Акә *патак пар* фразеологизмән (пәлтерешә “сап, ват, хәне”) сакән пек лексика-синтаксис варианчәсем пур: *патак пар (ситер, тәхәнтарт, тутантар, туянтар, тытгара-тытгара яр)*.

Текстсенчен илнә хәш-пәр төсләхсем:

Ачана патак панипе әс кәмест (“Капкән”). Нумай шутласа тәман вәл, юлташне те патак тәхәнтартнә (“Хыпар”). Сәтпе кәмен әс патак сисе кәрес сук (Ваттисен сәмахә). Вәл, кәра силләскер, хирәс тәл пулакансене патак тәхәнтарта-тәхәнтарта ячә (“Капкән”).

Илсе кәтартнә вариантсенчен *патак пар*, *патак тытгара-тытгара яр* фразеологизмсем сәс ирәклә сәмах майлашәвәсемпе омонимлә пулашсә. Тытәмәпе пәр пек пулин те, вәсем ахаль сәмах майлашәвәсемпе пәтранса каймашсә, мәншән тесен контекст вәсен функцине лайәх кәтартса парать. Ку вәл фразеологизмсем сәмах майлашәвәсенчен пулса кайнипе те сыхәннә.

Сыравсәсем хәйсен хайлавәсен чәлхине сәнарлә, витәмлә тәвас тесе фразеологизмсен төрлә төсәсемпе анлә усә курашсә. Пуплев контекстәнче вәсене чылай чухне уләштарашсә, сәнетешсә.

Ачасен чәваш чәлхине, литературина вәренес кәмәлне үстерме те фразеологизмсем чылай пуләшма пултарашсә. Омоними, синоними, антоними сыхәнәвәсене кәрекен фразеологизмсен сәнарләхә иксәлми пуян. Савәнпа та фразеологи словарәсем кашнин ал айәнче пулмалла. Халләхе, типографире сәпнә словарьсем кун сүти куриччен, учительсен харпәр хәй пухса хатәрленә материалпа усә курма тивет. Вәсене ку ёсре пуләшас тесе эпир омоним фразеологизмсен кәске словарьне сәнсе пәхасшән. Кашни фразеологизма төрлә текстсенчен илнә төсләхсемпе сирәплетсе панә.

Ал(ә) айёнче I “сывахра, патёнче, умёнче”.

Эпё ал айёнчи япалана юрататӓп. Вӓхӓт усӓсӓр ирттерместёп, пирёншён кашни минут хаклӓ (Осипова). Акӓ вӓл ӓшта иккен сёткен тавар, ал айёнчех (“Капкӓн”). Ҷёнёрен тухакан кёнекесене пурне те пёрер те пулин илсе яланах ал айёнче тытас пулать (Ашмарин).

Ал айёнче II Сӓмах майл., танл.: ура айёнче, пӓрт айёнче, капан айёнче, йывӓс айёнче т. ыт. те.

Ал(ӓ) кёстет I. “вӓрлас, саратас килет”.

“Аниш” совхозри Н. Юрков бригадир хусалӓхра хӓйне кирлё япалана килне илсе каймасӓр чӓтайман. Алли кёсётсе тӓнӓ унӓн (“Капкӓн”).

2. “ёслес килет”.

Ёслес килсе кёстет ман алӓ (Ухсай).

3. “сапӓсас килет”.

Ҷамрӓкӓн алӓ кёсётнё иккен. Ним сӓлтавсӓр клуб заведующине хёнесе тӓкнӓ (“Хыпар”).

Ал(ӓ) кёстет II Сӓмах майл., танл.: сурӓм кёстет, ура кёстет, пуґ кёстет.

Ал(ӓ) хур I “шухӓшла, шут тыт”.

Вӓл хёре илмешкён эп ал хумастӓп (Ашмарин).

Ал(ӓ) хур II “сап, ват, хёне, сапса яр”.

Хальхинче те директор ашкӓнчӓка хӓйён сунаттипе хуплать, сын сине алӓ хуракан выговорпах хӓтӓлса юлать (“Капкӓн”). Эп хальччен сын сине алӓ хуман (Ашмарин).

Ал(ӓ) хур III “ёґ пуґла, ёґе тытӓн”.

Строительсем колхозӓн укґи сук пирки ферма тума сӓлталак иртсен тин ал хунӓ (“Хыпар”).

Ал(ӓ) хур IV “тёрёсле”.

Сире валли лаша сук тесе калать тет; пёрре пур та, юрӓхлӓ мар, алла хурса пӓхмасӓр ан илёр (Ашмарин).

Ал(ӓ) хур V Сӓмах майл., танл.: мён сине те пулин ура, ал хуни.

Ватӓ сёрси I “пурнӓґа пёлекен, пурӓнса курнӓ, чухлакан сын”.

Халь чухлатӓп кӓшт сапах. Пулмӓп, теп, вёсен тарґи. Улталаймӓн хывӓхпа: Эпё ёнтё — ват сёрси (Хусанкай). — Хе, — терё — мана, — ват сёрсие, хывӓхпа улталасшӓн (Енёш). ... Филипп Миронч пек, ватӓ сёрсипе сыхланма симёсрех сав-ха Могӓ

(Алагер).

Ватӓ ҫерси II Сӓмах майл., танл.: ватӓ курак, ватӓ ҫӓхан.

Вӓлтрен кайӓкӓ I “мӓшӓрланмасӓр тунӓ, ҫуратнӓ ача”.

— *Хӓрӓ качча тухмасӓр ача ҫуратрӓ вӓт! — Мӓн тӓлӓнетӓн уншӓн. Амӓшӓ те вӓлтрен кайӓкӓ — юн ҫухалмасть ҫав* (“Капкӓн”).

Вӓлтрен кайӓкӓ II Сӓмах майл., танл.: сала кайӓкӓ, вӓрман кайӓкӓ, уй кайӓкӓ.

Ӗнсе ҫине лар I “пӓхӓнтар, пусмӓрла, пӓр-пӓр ҫын ӓҫленӓ тупӓшпа, пурлӓхпа пурӓн”.

Арӓм, арӓм, ҫӓркӓш арӓм. Ларчӓ ман ӓнсе ҫине (“Капкӓн”).

Спасҫипӓ сана, халӓ те сакӓр ҫул сан ӓнсе ҫинче лартӓм (Осипов).

Ӗнсе ҫинче лар II Сӓмах майл., танл.: пуҫ ҫине лар, сак ҫине лар.

Ӗнсе хыҫ I “йывӓр, кӓткӓс, шухӓшлаттаракан, пӓлхантаракан, пӓшӓрхантаракан лару-тӓрӓва лек”.

Ку ахӓр самана ӓнсе хыҫтарать (“Хыпар”).

Ӗнсе хыҫ II Сӓмах майл., танл.: ура хыҫ, алӓ хыҫ, ҫурӓм хыҫ.

Йӓпе сӓмса (пӓру) I “ҫамрӓк, айван, мӓскӓн. Пурнӓҫ пурӓнса курман, нимӓн тума пултарайман ҫын”.

Халӓ ҫеҫ ҫӓрле амӓшӓсӓр тула тухма хӓракан йӓпе сӓмсасем те хӓрсем хыҫҫӓн ҫупма тытӓнчӓс (Артемьев). *ҫак йӓпе сӓмса мана вӓрентсе ларать-и?* (“Капкӓн”).

Йӓпе сӓмса (пӓру) II Сӓмах майл., танл.: йӓпе алӓ, йӓпе ура, йӓпе путек, йӓпе йытӓ ҫури.

Йӓпетсе пар I “ултала, суй, йӓнӓш ту”.

— *Такам темскер йӓпетсе панӓ пулмалла та сире. Эсир шарт! ӓненсе лартнӓ курӓнать. Курайман ҫынсем тем те калӓҫ...* (Агаков).

Йӓпетсе пар II Сӓмах майл., танл.: ислетсе, йӓпетсе, шӓутерсе, ҫемҫетсе пар.

Йыт(ӓ) хӓвала I “ӓҫлемесӓр пурӓн, ӓсе юратмасӓр ҫапкаланса ҫӓре”.

Кайран-малтан ӓпӓ таҫта йытӓ хӓваласа ҫӓренӓ тесе ан калаччӓр (Енӓш). *А ӓсӓ, ханттар, таҫта йытӓ хӓваласа ҫӓретӓн* (“Капкӓн”). *Мӓн тумалла ӓнтӓ санпа? Кунӓпе йытӓ хӓваласа ҫӓретӓн?* (“Капкӓн”).

Йыт(ӓ) хӓвала II Сӓмах майл., танл.: сурӓх хӓвала, сысна хӓвала т. ты. те.

Катӓк пуртӓ I “кирлӓ мар япала, ӓпӓр-тапӓр”.

Пурнан пурнаҫра катӑк пуртӑ та кирлӗ пулать (Ват. сӑм.).

Катӑк пуртӑ II Сӑмах майл., танл.: катӑк ҫеҫе, катӑк чашӑк, катӑк пӑчкӑ.

Кёске турта I “час ҫилленсе каякан, кӑра ҫиллелле ҫын”.

Час ҫилленекен ҫынна турти кёске теҫҫе (Ашмарин). *Айван ҫыннан турти кёске теҫҫе* (Ашмарин). *Турти куян хуринчен те кёскерех, мур илесшӗ. Пӑх-ха эс ӑна, алӑка мёнлерех шаплаттарчӗ* (“Капкӑн”).

Кёске турта II Сӑмах майл., танл.: кёске пӑяв, кёске вӗрен, кёске тилхепе.

Кукӑр алӑ I “вӑрлама, ҫаратма юратакан ҫын”.

Мана, база хуҫине: “Пӑх-ха теҫҫе ху ҫине. Аллу кукӑр, таса мар, хыпалать шав — “мана” пар!” Кёреҫе пек сарлака, сӑптӑрать ҫеҫ пурлӑха (“Капкӑн”). *Кукӑр алӑ кукӑртмах пӑхать* (Ват. сӑм.). *Туре ҫынсен алли кукӑр* (Ват. сӑм.).

Кукӑр алӑ II Сӑмах майл., танл.: кукӑр ура, кукӑр алӑ, кукӑр мӑй.

Ларса ҫитеймен I “айван, мёскён, ухмах, тӑнсӑр, ниме пултарайман ҫын”.

Пӑхсах паллӑ: ку этем кӑшт катӑкрах, ларса ҫитейменскер (“Хресчен сасси”).

Ларса ҫитеймен II Сӑмах майл., танл.: ларса ёлкёреймен, чупса ҫитеймен.

Лартса ярать I “улталать, суять, тёрёс мар тӑвать”.

Малтанах пире 40-50 пус ҫеҫ улталатчӗ, халӗ ҫакскер 1-2 тенкӗ таранах лартса ярать (“Капкӑн”).

Лартса ярать II Сӑмах майл., танл.: лартса тух, вёсертсе ярать.

Мачча хӑми шутла I “ёҫлемесёр пурӑн, ҫуре”.

Эрне хушшинче йёкёт ҫич-сакӑр чир шыраса тупрӗ хӑй валли. Тухмарё-ҫуремерё. Куллен мачча хӑми шутларё (Чебоксаров).

Мачча хӑми шутла II Сӑмах майл., танл.: пурт пӗрени шутла, вут пуленкки шутла.

Мӑй таран I “питӗ нумай”.

... *Манӑн кунта хамӑн ёҫем мӑй таран, Эрхип* (Афанасьев). *Вӑй питти ҫынсем, чӑнах та, пушӑ лармаҫҫе халь. Колхозра вёсем валли ёҫ мӑй таран* (Алентей). *Тарӑхать Петюк: Хӑймара... пыл ҫук! Тепӗр самантран — пыл та мӑй таран* (Теветкел).

Мӑй таран II Сӑмах майл., танл.: пёҫе таран, пилёк таран,

кәкәр таран.

Патак пар (тытгара-тытгара яр) I “сап, ват, хёне, сапса яр”. *Ачана патак панипе ас кёмест (“Капкән”). Патак тытгара-тытгара ячёс — пуртрен мёнле вёссе тухнине те сиссе юлаймарәм (“Капкән”).*

Патак пар (тытгара-тытгара яр) II Сәмах майл., танл.: вёрен пар, хәма тытгара-тытгара яр.

Пәрәс хутаҗси тыттар I “хытә вәрс, критикле, ас-тәна кёрт”.

Пухура пусләха районтан килнә килнисем пәрәс хутаҗси хыптарчёс (“Капкән”). Анчах хәшә-пёрисене уяв кучченеҗё вырәнне хаяр пәрәс хыптарас килет (“Капкән”). Ним тума алтраҗсё ял сыннисем. Пәрәс хутаҗси хыптармалла мар-ши вёсене? (“Капкән”). Пётрө пуҗ! Брә сөнүшён арәмёпе харкашма пикенет Егоров. Хәйне хаяр пәрәс хыптармалла а́на (“Капкән”).

Пәрәс хутаҗси хыптар II Сәмах майл., танл.: пан улми хыптар, җәкәр татки хыптар.

Пәтә пёсереймест I “килештереймест, а́нланаймасть”.

— *Бхра Кёркурийёпе пәтә пёсерейместпёр тулөк. Ытла та вак чуңлә этем, ай-йй, тусме сук ашәх чуңлә (“Капкән”).*

Пәтә пёсереймест II Сәмах майл., танл.: яшка пёсереймест, шурпе пёсереймест.

Пёсертсе (хёстерсе) кай I “вәрла, вәрласа кай”.

Манән портсигара ёнер Вериков пёсертсе кайрө-кайрех (Илшек). Алли кука́р сав унән, сисместён те — хёстерсе те каять (“Хыпар”).

Пёсертсе (хёстерсе) кай II Сәмах майл., танл.: җёмёрсе кай, пёсертсе яр.

Пиҗмен пашалу I “айван, мёскён, ним тума пёлеймен, пултарайман сын”.

— *Ха, Тәхтаман тупәннә! Сан пурләхна тёкрёс-и? Сан йәпанчәкна, сан мухтанмалли япалуна тёкёнчёс-и? Тёрёс тунә. Пултарасҗё, пурте сан пек пиҗмен пашалу мар (Уяр).*

Пиҗмен пашалу II Сәмах майл., танл.: пиҗмен икерчө, пиҗмен җәкәр.

Сәмса шәлма та вёренмен I “җамрәк, айван сын”.

җамрәк-ха, сәмса шәлма та вёренеймен вәл (“Капкән”).

Сәмса шәлма та вёренмен II Сәмах майл., танл.: питне шәлма та вёренмен.

Сүтсе яв I “тишкерсе, хакласа тух”.

— *Эпә сирёнпе пёр ыйту сүтсе явасшән, — терө алә тытна*

хысһан тѣп врач (Блинов). Върман касакансем пѣрремѣш кварталта епле ѳсленине сўтсе яврѣс, малта пыракансене палъртрѣс (Чебоксаров).

Сўтсе яв II Сәмах майл., танл.: вѣрен яв, пәяв сўт.

Сарәк хуралси I “ухмах, тәнсәр, айван сын”.

Сәнне пәхсан — тиек пек, әсне пәхсан — сарәк хуралси.
(Ват. сәм.).

Сарәк хуралси II Сәмах май., танл.: купәста хуралси, сѣр улми хуралси.

Сәварне шыв сыпнә I “чәнмест, каласмасть, сас кәлармасть”.

Пурте сәвара шыв сыпнән тәрассѣ (Элпи). Анчах лешсем сәвара шыв сыпнә курәнать, чәнсе те чәнмессѣ (“Капкән”).

Сәварне шыв сыпнә II Сәмах майл., танл.: сәварне сѣт сыпнә.

Тәрә шыв сине кәлар (сѣтѣр) I “тѣрѣс маррине тўрлет, чәннине кала, ултава тўрре кәлар”.

Вәлах (Лариса) патшаләха вуншар сўл хушши саратса пурәннә ушкәна тәрә шыв сине кәларать (Артемьев). — Патшаләха кускѣрет улталани-ске ку! Унашкаллисене анчахрах сѣс-ха Пәрачкав енче тәрә шыв сине кәларчѣс вѣт! (Краснов).

Тәрә шыв сине кәлар (сѣтѣр) II Сәмах майл., танл.: сыран хѣрне кәлар, тип сѣр сине кәлар.

Тир сў I “хытә тирке, вәрс”.

Пухура куштансем ман тире сѣветчѣс вѣт (“Капкән”).

Тир сў II Сәмах майл., танл.: тир типѣт, тир ту.

Турта хушшине кѣр I “пурнәс ту, пурнәс йѣркине кѣр”.

Ситет явкаланса сўреме! Турта хушшине кѣме те вәхәт (“Капкән”).

Турта хушшине кѣр II Сәмах майл., танл.: турта урлә қас, турта хушшине хур.

Уй тункати I “ухмах, айван, мѣскән”.

Сире, уй тункатисене, сўт пәр сине лартса хәварнә: хайма вырәнне турәх парса янә (“Капкән”).

Уй тункати II Сәмах майл., танл.: вәрман тункати, уй курәкѣ.

Ура сине тәр I “сывал”.

Чире пула атте икѣ эрне хушши вырән синче вытрѣ. Ура сине аран тәчѣ (“Хресчен сасси”). Ёнер сѣс чипер сўретчѣ, паян ура сине те тәрәйми чирлесе выртать (Ашмарин).

Ура сине тәр II “никама пәхәнмасәр пурәнма пусла”.

Ман кўршѣ колхоз пусләхне ларчѣ те пўрт сѣнетрѣ, сарай-хуралтәсем сѣклерѣ, сирѣппән ура сине тәчѣ (“Капкән”).

Ура сине тәр III Сәмах майл., танл.: пукан сінчен тәр, алә сине тәр.

Хәмла шалчи (шәччи) I “вәрәм пұллө сын”.

Ача чухне Сантәра вәрәм, яштака пирки хәмла шалчи тетчөс (“Капкән”). Мана старик тиркерө. Ытлаши лутра терө. Кайса туптәр вәрәмне — Хәмла шәччи пеккине (Халәх юри).

Хәмла шалчи (шәччи) II Сәмах майл., танл.: помидор шалчи, вөрән шалчи.

Хуп туртгар (сөтөр) I “харлаттарса сывәр”.

Хуп туртгар (сөтөр) II Сәмах майл., танл.: вутә туртгар, утә сөтөр, хуп сөтөр.

Чәх чөри I “питө хәракан сын, хәравсә”.

Ых! Сав чәх чөрипе ним те тәваймән. Хәраса та үкнөс (“Капкән”). Пөлтермест, чәх чөриллө ан пул, — тет Иванов. — Ана хәйнех лекесе чухлать вәл! (Артемьев).

Чәх чөри II Сәмах майл., танл.: хур чөри, чәх ури.

Чөн писиххи пар (туянтар, тыттар) I “сап, ват, хөне”.

Шкула каймасәр сапкаланса сүрекән ачана чөн писиххи парсан та пәсмасть (“Капкән”). Ашшө — ывәл ачине кашни “иккө” илмессерен чөн писиххи тыттарнә (“Капкән”).

Чөн писиххи пар (туянтар, тыттар) II Сәмах майл., танл.: писиххи пар, кёнеке туянтар, чөн писиххи туянтар.

Шаккаса пәрах (хәвар) I “вөлер, пөтер, төп ту”.

Чернов шайкки шаккаса пәрахасран хәрарәм (Мранькка). Эпир те сак хуралсә пек янраса сүренө пулсан милиционерсене хәваласа яма мар, хамәра шаккаса хәваратчөс (Мранькка).

Шаккаса пәрах (хәвар) II Сәмах майл., танл.: тусанлә мәйәхсене шаккаса пәрах (хәвар).

Шәтәк кимөпе лартса яр I “ултала, суй, йәнәш ту”.

Хәйне кирлө чухне шәтәк кимөпе лартса ярать (“Капкән”).

Шәтәк кимөпе лартса яр II Сәмах майл., танл.: пысәк кимөпе лартса яр, кивө кимөпе лартса яр.

Шәхәрса юл I “сисмесөр юл, пөлмесөр юл”.

Шәхәрса юлас марччө (Ашмарин). Чәнах, кәсал тымар-симөс, сөр улми пирки шәхәрса юлас марччө (Алентей).

Шәхәрса юл II Сәмах майл., танл.: Эпир килнө чух Антун шәхличпе шәхәрса юлчө.

Эрех валашки I “өске ярәннә, эрех-сәра өсме юратакан сын”.

Эх! Эсө те сав, эрех валашки, сөмьене аркатрән.

Эрех валашки II Сәмах майл., танл.: сәмакун валашки, сысна

валашки.

Эрех пӕкки I “ёске ярӕннӕ сын”.

Џуре ме урам ансӕр хӕварнӕ тесе ёрлессё эрех пӕккисем (Ашмарин). Ёскеленё те пулнӕ-ха, вёсенчен вара “эрех хурчё”, “эрех пӕкки” тесе кулатчёс (Емельянов).

Эрех пӕкки II Сӕмах майл., танл.: пичке пӕкки.

Эрех пички I “ёске ярӕннӕ, эрех-сӕра ёсме юратакан сын”.

Эрех пички! Алкоголик! Йӕмӕк пусне вӕлах сирё! (Ангер). Кушманов ӕна вичкён кусёпе вӕраххӕн тесесе пӕхрё те ӕшра сӕпла каларё: “Эрех пички. Ёсре ўркенмест, сӕпах та тӕрлавсӕр, янккамас” (Петров).

Эрех пички II Сӕмах майл., танл.: сӕра пички, квас пички, эрех кёленчи.

Якатса кай I “вӕрласа, сӕратса кай”.

Ир тӕрсан тёлёнсе хытса кайрӕмӕр: шифоньерта пӕр япала та сук — йӕлтах якатса кайнӕ (Ярантай).

Якатса кай II Сӕмах майл., танл.: шӕлса кай, суса кай.

Якатса хӕвар I “улталаса, суйса хӕвар”.

Кураӕн акӕ, хӕй шутланине тӕватех вӕл. Мана якатса хӕварнӕ пекех, Кашкӕр Павӕлне яп-яка тӕратса хӕварать (Алентей).

Якатса хӕвар II Сӕмах майл., танл.: сула якатса хӕвар.

Ял йытти I “ним тумасӕр сӕпкаланса сӕурекен сын”.

Ял йытти вӕл, пирён кӕршӕ. Ӕста кӕна ситмест, мён кӕна каласмасть, мён кӕна ёсмест! (“Кӕпкӕн”).

Ял йытти II Сӕмах майл., танл.: ял таки, ял сурӕхё.

Р. З. Хайруллин, главный специалист
Главного управления национально-региональных
программ
развития образования министерства
общего и профессионального
образования РФ

Родная литература и формирование личности

Проблема изучения эпических произведений в национальной школе является весьма актуальной. Разумеется, трудно сразу

охватить такую обширную область методики преподавания литературы, поэтому автор книги¹ сознательно идет на ограничение сферы исследования, выделяя один ее аспект — изучение эпических произведений малой формы, прежде всего рассказа.

Трудность темы (как для автора, так и для учителя) в том, что в литературоведении до сих пор нет единой точки зрения на специфику данного жанра, о его границах и соотношении с другими прозаическими жанрами. Чтобы определить свою позицию в литературных спорах, автору нужно включиться в этот спор и из множества точек зрения выбрать ту, которая бы в наибольшей степени соответствовала задачам изучения художественного произведения в школе. На языке методистов это называется дидактической интерпретацией материала в учебных целях. Надо отметить, что тем и другим — литературоведческим анализом и методикой В. Н. Пушкин владеет с достаточным профессионализмом.

Такой широкий подход определил и композицию книги. Первая, теоретическая, часть называется так: “Теоретико-литературные основы изучения прозы на уроках родной литературы в V-VII классах чувашской школы”. В предисловии к книге автор пишет: “Изучение произведений малой прозы приобретает важность потому, что в ней заложены возможности непосредственного нравственно-эстетического воздействия на личность школьника, развития у него умений и навыков целостного восприятия художественного текста. Рассказ является благоприятным с этой точки зрения материалом, поскольку его доступность, сравнительно небольшой объем, несложная композиция, ясно выраженная логика повествования, малое количество персонажей позволяет целиком удерживать в памяти композицию и содержание рассказа. Как правило, рассказ прочитывается учащимися полностью и одновременно, что обеспечивает его глубокое текстуальное изучение”.

Автор подробно рассматривает жанровые особенности и эволюцию рассказа в западноевропейской и русской литературной традиции и в таком широком контексте анализирует развитие рассказа в чувашской литературе.

В. Н. Пушкин уходит от соблазна рассматривать соотношение жанров — рассказ, повесть, роман — как эволюционные. А именно по этому пути пошли некоторые

литературоведы, особенно исследователи национальных литератур. При следовании такой логике получалось, что рассказ — это более низкая ступень развития прозы, а роман — более высокая. И тогда развитие той или иной литературы представлялось как движение от рассказа к роману. Но как же в этом случае быть с тем, что А. П. Чехов никогда не писал романов, а А. Иванов является автором цикла романов? Выходит, что Чехов так и не достиг того уровня, который в творчестве плодовитого советского романиста был лишь проходным эпизодом?

В. Н. Пушкин стоит на точке зрения самоценности и самодостаточности — внутренней целостности и завершенности каждого литературного жанра. На этой концепции им строится методика изучения рассказа в чувашской школе. Конечно, могут быть и другие подходы к решению этого вопроса, но предлагаемую им методику автор выстрадал в процессе практического преподавания литературы в школе и вузах, что придает ей большую убедительность.

Вторая глава книги — чисто методическая. На основе литературоведческих и теоретико-литературных изысканий В. Н. Пушкин создает цельную систему изучений рассказа в школе, своего рода динамическую модель, позволяющую подходить к рассказу с учетом его жанровой специфики, культурно-исторического фона, художественной манеры писателя и в контексте его творчества.

Автор раскрывает изучение чувашского рассказа в У-УІІ классах в динамике, истолковывает этапы работы с рассказом по классам, демонстрирует усложнение видов работ от класса к классу, от наивно-реалистического восприятия к осознанному постижению авторской позиции. Теоретико-литературные понятия воспринимаются не как абстрактные, избыточные знания, как это зачастую случается в школьной практике, а представляются как необходимый инструмент освоения литературного произведения во всей его глубине и многогранности.

Образец работы в У классе автором демонстрируется на примере изучения рассказа С. Эльгера “Ундри”. В УІ классе материалом служат рассказы “В поисках правды” Н. Ильбека и “Вместе с сестрой” В. Эльби, а в УІІ классе — “Березовый тракт” И. Мучи.

Не все указанные произведения художественно равнозначны. Например, вызывает сомнение приведение в качестве показательного примера рассказа Н. Ильбека. Но в рамках предлагаемой модели анализа выбор того или иного произведения не является существенным. Работает система с присущими ей особенностями и закономерностями. В процессе литературоведческого анализа она приобретает универсальность и поэтому с некоторой коррекцией может быть использована не только для чувашской, но и для других национальных школ.

Достоинством предлагаемой В. Н. Пушкиным методики является ее воспитательная направленность. В последнее время в преподавании литературы выявилась тревожная тенденция чисто эстетического, гедонистического подхода к изучению литературных произведений. Во многих выходящих сейчас программах и пособиях по литературе идеал личности, который должен быть сформирован с участием школы, четко не очерчен. Кого должна формировать школа постсоветского периода? На этот актуальный вопрос ответа еще нет.

Методическая система, предлагаемая В. Н. Пушкиным, направлена на формирование личности, воспитываемой на традициях родной культуры и в то же время способной интегрироваться в общероссийское культурное пространство. Одним из факторов такого воспитания является постоянное сопоставление произведений родной литературы с русской литературой и литературами других народов России.

О. Г. Кульев,
*ст. научный сотрудник
института образования*

Из истории чувашской математической терминологии

Один из пунктов Закона “О языках в Чувашской Республике” подтверждает право каждого гражданина республики на получение общего среднего образования на любом из государственных языков, т. е. на чувашском или русском. А это, в свою очередь, предполагает перевод школьных учебников на

чувашикий язык и разработку оригинальных чувашикий учебников. Работа эта уже начата. А параллельно с ней идет процесс создания новых терминов по разным отраслям знаний и упорядочения их систем.

Как отмечал в свое время академик В. В. Виноградов, “развитие всякого литературного языка неразрывно связано с формированием приемов словесного выражения понятий, относящихся к разным сферам культуры, науки и технического прогресса”¹. Терминологическая лексика занимает значительное место в литературном языке, и развивается она особенно интенсивно.

Каждый язык имеет свои особенности становления научной терминологии, связанные с социальными функциями языка и уровнем просвещенности его носителей. Например, в русском языке математическая терминология как составная часть научной терминологии начала формироваться в первой трети XVIII в., в период царствования Петра I. Тогда большое внимание уделялось военной инженерии, геодезии, кораблестроению и связанным с ними отраслям научного знания. А математика была фундаментом всех точных наук. Поэтому авторы научных книг, а также учеников этого периода большое внимание уделяли терминотворчеству. Наряду с использованием иностранных терминов они были поставлены перед необходимостью создания и упорядочения национальной терминологии в широких предметных рамках. Единых принципов этой работы еще не существовало, поэтому трудностей и ошибок избежать было невозможно. Так, авторы и переводчики, подыскивая русские соответствия к слову греческого происхождения “арифметика” рекомендовали русские эквиваленты *числительная наука*, *считательная наука*, *счисление*. Но статус термина эти обозначения не получили, как и предложенные в свое время обозначения *считание*, *придача* в значении “сложение”, *вынимание*, *убавка*, *выемка*, *вычет* в значении “вычитание”, *разделение* в значении “деление”¹.

Многие указанные особенности характерны и для нашей терминологии. Периодом активного формирования ядра математической терминологии в чувашском языке следует считать 20-30-е гг. нашего века. А начало эти термины берут в учебных книгах, переведенных И. Я. Яковлевым и его учениками с русского языка, и первых чувашских словарях. Они,

естественно, связаны прежде всего с начальным обучением. В них встречаются слова, обозначающие все четыре основных арифметических действия. В “Наглядном арифметическом задачнике для начальных училищ”, изданном в 1908 г. в Казани, русские термины-существительные переведены формой причастия: сложение — *хушас*, вычитание — *ка́ларас*, умножение — *ўстерес*, деление — *пайлас* (“делить” переведено *пайсем тумалла*). Здесь имеются и другие слова терминологического характера: часть — *пай*, меньше — *сахалтарах*, больше — *ытларах*, цифра — *чихвир*.

В первые десятилетия советской власти языкам малочисленных наций, развитию их школ уделялось большое внимание. В октябре 1918 г. Наркомпрос Российской Федерации издал постановление “О школах национальных меньшинств”, согласно которому все национальности, населяющие Россию, получали право организовать обучение на родном языке в обеих ступенях единой трудовой школы. Как отмечает профессор Н. П. Петров, “в 1918-1928 гг. все звенья начальной и неполной средней школы были обеспечены учебниками на чувашском языке”¹. В последующие годы первые пробные учебники были заменены стабильными.

В 1932 и 1933 г. ЦК ВКП(б) принял постановления: “Об учебных программах и режиме в начальной и средней школе” и “Об учебниках для начальной и средней школы”. В соответствии с ними в нашей республике все русские учебники для неполной средней школы были переведены и изданы на чувашском языке. В 1934 г. вышел в свет небольшой чувашско-русский словарь под названием “Шкулта вёренмелли учебниксене кёне́ терминсем”. Наряду со специальными обозначениями из учебников грамматики, физики, ботаники, естествознания, географии, химии, в него вошли и математические термины. Эту книгу можно назвать первой попыткой лексикографической систематизации и упорядочения школьной терминологии в чувашском языке, в том числе математической.

Редактором этого словаря был А. Трофимов — автор букваря для чувашских детей и других учебных пособий. В математической части словник насчитывает около 150 терминов. По способу образования их можно разделить на 3 группы.

Группа первая — исконно чувашские слова бытового характера, получившие функцию термина. Сюда относятся: *аяк*

“сторона”, *вак* “дробь”, *варри* “середина”, *юлашки* “остаток”, *лаптӑк* “площадь”, *паллӑ* “знак”, *пӑнчӑ* “точка”, *пӗрпеклӗх* “подобие”, *саврашка* “круг”, *сий* “поверхность”, *сӗллӗш* “высота”, *хисеп* “число”, *хысак* “ребро” и т. д.

Вторая группа — термины-кальки, полученные путем поэлементного перевода иноязычной языковой единицы. Они в словаре составляют большинство. Примеры полных калек: *ахаль хисеп* “простое число”, *вуншарлӑ вак* “десятичная дробь”, *икӗ паллӑллӑ хисеп* “двузначное число”, *йӗркеллӗ нумайкӗтеслӗх* “правильный многоугольник”, *юлашки пайлав* “деление с остатком”, *паллӑ мар хисеп* “неизвестное число”, *таттисӗр вак* “непрерывная дробь”, *тӗрӗс вак* “правильная дробь”.

Есть и полукальки: *абсолютлӑ пысӑкӑш* “абсолютная величина”, *арифметикӑллӑ вӑтам хисеп* “среднее арифметическое число”, *диагональлӗ тӗремси* “диагональная плоскость”, *кукӑр лини* “кривая линия”, *чалӑш лини* “наклонная линия”.

Третью группу составляют заимствованные термины различного происхождения. В их числе:

а) русские заимствования: *степень*, *ӗрет* “ряд”, *определени* “определение”, *пространство*, *разность*, *уравнени* “уравнение”;

б) термины, заимствованные через русский язык из европейских языков: *аксиома*, *анализ*, *арифметика*, *биссектриса*, *график*, *диагональ*, *куб*, *лини*, *ордината*, *радиус*, *формула*, *цифра*.

Интересно отметить, что обозначения основных арифметических действий в данном случае переведены причастием с аффиксом *-асси(-есси)*: *хушасси*, *кӑларасси*, *хутласси*, *пайласси*, только понятие “деление” передано формой отглагольного существительного *пайлав*. Термины *сумма* и *разность* оставлены без перевода, а вот русскому *произведение* соответствует *тухӑс*. Впрочем, в послевоенных учебниках этот термин, как и многие другие, уже не встречается. Среди преданных тогда забвению, по тем или иным причинам не принятых терминов немало и удачных. К ним можно отнести: *хисеп* “число”, *паллӑх* “свойство”, *вакламӑш* “знаменатель”, *хисепси* “числитель”, *тӑвӑм* “действие”.

Чувашская терминология тогда практически делала только первые шаги. Поэтому в этом словаре было немало и примеров неудачного терминовтворчества, ср.: *енлӗ хисеп* “относительное число”, *хуплашни* “совпадение”, *алгебрӑлла калав*

“алгебраическое выражение”, *тӑсна кӑтес* “развернутый угол” и т. д.

В послевоенные годы при переводе учебников математики для начальных классов продолжалась работа по дальнейшему совершенствованию терминологии. В этой работе переводчики и учителя-методисты придерживались принципов, выработанных на Всесоюзном терминологическом совещании, состоявшемся в Москве в 1961 г. Отражая общепринятые в стране принципы, участник совещания, известный чувашский лингвист Н. А. Андреев писал: “Упорядочение существующей чувашской терминологии и систематизация их заключается в следующем.

Во-первых, пересматриваются и отбираются удачные термины, созданные на материале родного языка.

Во-вторых, исправляются термины, которые недостаточно точно передают научное понятие из-за несоответствующего словопроизводства и словосочетания.

В-третьих, пересматриваются русские термины, а также термины иностранного происхождения, заимствованные через русский язык, и те из них, которые повторяют уже принятые термины, отсеиваются”¹.

Именно в этом направлении продолжается и по сей день работа по нормализации чувашской математической терминологии. Последним ее результатом можно назвать издание в 1996 г. “Школьного русско-чувашского словаря терминов математики, физики и астрономии”.

- ¹ Волков Г. Н. Этнопедагогическая концепция современного национального образования и воспитания. — Известия Национальной академии наук и искусств Чувашской Республики. 1996, № 2, стр. 148-159.
- ¹ Архив ЧГИГН, отд. II, ед. хр. 517, инв. № 1478, стр. 229.
- ² ЦГА ЧР, оп. 1, ф. 207, д. 186, л. 16
- ¹ Яковлев И. Я. Букварь для чуваш. 1886. С. 7.
- ¹ Архив ЧГИГН, отд. II, ед. хр. 517, стр. 363-364.
- ¹ ЦГА ЧР, оп. 1, ф. 207, д. № 186, л. 15.
- ¹ Журнал "Русская школа", 1894, № 4, стр. 280.
- ¹ Конрад Н. И. Запад И Восток. Статьи. — М., 1992.
- ¹ Александров С. А. Поэтика Константина Иванова. — Чебоксары, 1990.
- ² Артемьев Ю. М. Ёмёр пусламăшĕ. — Шупашкар, 1996.
- ¹ Васильев А. В. Просветительство и концепция просвещенного человека в чувашской литературе XIX- начала XX вв.: Автореф. дисс. канд. филол. наук. — Уфа, 1988.
- ¹ Владимиров Е. В. Обретение традиций. — Чебоксары, 1982.
- ¹ Младописьменным в литературоведении принято считать те литературы, которые возникли после 1917 года.
- ¹ Матезиус В. О так называемом актуальном чтении // Пражский лингвистический кружок. — М., 1967.
- ¹ Ашмарин Н. И. Опыт исследования чувашского синтаксиса. Ч. 1. — Казань, 1903. С. 90.
- ² Ашмарин Н. И. Заметки по грамматике чувашского языка // Ученые записки ЧНИИ, выпуск 66. — Чебоксары, 1976. — С. 14.
- ¹ Андреев И. А. Татăксен предложенири вырăнĕ // Чĕлхе культури ыйтăвĕсем. 2-мĕш кĕн., — Шупашкар, 1972. 73-83 стр.; Чăваш синтаксис ыйтăвĕсем. 1 пайĕ. — Шупашкар, 1973.
- ¹ Ашмарин Н. И. Опыт исследования чувашского синтаксиса. С. 88-89.
- ¹ Андреев И. А. Татăксен предложенири вырăнĕ. 74 с.
- ¹ Русская грамматика. — Том 1. — Москва, 1980. С. 97-103.
- ² Андреев И. А. Чăваш пунктуацийĕ: иртни, хальхи, пуласси. — Шупашкар, 1990; Чăваш синтаксисĕн ыйтăвĕсем. I пай. — Шупашкар, 1973.
- ³ Котлеев В. И. Интонаци. — Хальхи чăваш чĕлхин фонетики,

графики тата орфографийё. — Тёпчев ёсёсем, 83 кӓл. — Шупашкар, 1978; *Петров Г. П.* О некоторых функциях интонации в чувашском языке. — Сов. тюркология. 1977, № 4.

⁴ *Андреев И. А.* Чӓваш синтаксисён ыйтӓвёсем... 33-35, 64-68 с.

¹ *Горский С. П.* Хальхи чӓваш литература чёлхин синтаксисё. — Шупашкар, 1970. 30-34 с.

² *Андреев И. А.* Асӓннӓ ёс, 155 с.

³ *Котлеев В. И.* Интонаци ..., 103-115 с.

² *Петров Г. П.* О некоторых функциях интонации в чувашском языке // Сов. тюркология, 1977, № 14. С. 108.

¹ *Исхакова Х. Ф.* Структуры терминологических систем. Тюркские языки. — М.: Наука. С. 38.

¹ *Пушкин В. Н.* Изучение эпических произведений в чувашской школе. — Чебоксары: Чувашское книжное издательство, 1993.

¹ *Виноградов В. В.* Вступительное слово // Вопросы терминологии (Материалы Всесоюзного терминологического совещания). М., 1961. С. 6.

¹ *Кутина Л. Л.* Формирование языка русской науки. М.-Л., 1964. С. 13-16.

¹ *Петров Н. П.* Чувашский язык в советскую эпоху. — Чебоксары, 1980. С. 46.

¹ *Андреев Н. А.* Работа над упорядочением чувашской терминологии // Вопросы терминологии. М., 1961. С. 143.

СОДЕРЖАНИЕ

- Ю. М. Виноградов.** Слово об учителе 3
- И. А. Андреев.** Национальная школа в системе общеобразовательных учреждений России 14
- В. Н. Пушкин.** Проблемы подготовки учебно-методических комплексов по предметам национально-регионального характера 21
- М. К. Енисеев.** Методы обучения в Симбирской чувашской школе 29
- Л. П. Сергеев.** Пуçламăш классен орфографи минимуме синчен 37
- В. А. Степанов.** О межнациональном аспекте изучения литературы в чувашской школе 45
- Ю. М. Артемьев.** О проблемах изучения чувашской литературы в русской школе 51
- Е. А. Андреева, В. В. Андреев.** Особенности глагольного словообразования в чувашском языке 61
- Н. В. Доброва.** Предложения шухăш пайёсене уйăрасси 68
- А. В. Емельянова.** Средства выражения темы и ремы в чувашском предложении 76
- А. П. Долгова.** Ыйтуллă предложени интонацийĕн хăш-пĕр уйрăмлăхĕсем 80
- В. В. Алмазов.** И. А. Андреев чăваш ячĕсене тĕпчени 86
- М. Г. Данилова.** Çĕнĕ программа, çĕнĕ учебниксем 91
- Л. Г. Петрова.** Словарьсемпе ирттернĕ урок тĕслĕхĕ 96
- Л. З. Киргизова.** Тăван чĕлхепе культурана профессии училищинче вĕрентмелли хăш-пĕр мелсем 101
- М. И. Скворцов, А. В. Скворцова.** Словарь для изучения французского языка в чувашской школе 106
- В. И. Димитриев.** Чăваш фразеологийĕнчи омоними пулăвĕ 114
- Р. З. Хайруллин.** Родная литература и формирование личности 125
- О. Г. Кульев.** Из истории чувашской математической терминологии 129

© Чувашский республиканский институт
образования, 1998.

Словесность в школе

Сăмахлăха шкулта вĕрентесси

Составитель **В. Н. Пушкин**

Отв. редактор **М. И. Скворцов**

Тех. редактор **О. Г. Кульев**

Формат 60/84. Усл. печ. л. 8. Тираж 500 экз.

Научно-методический центр Чувашского
республиканского института образования

Издательство "Руссика"

